

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

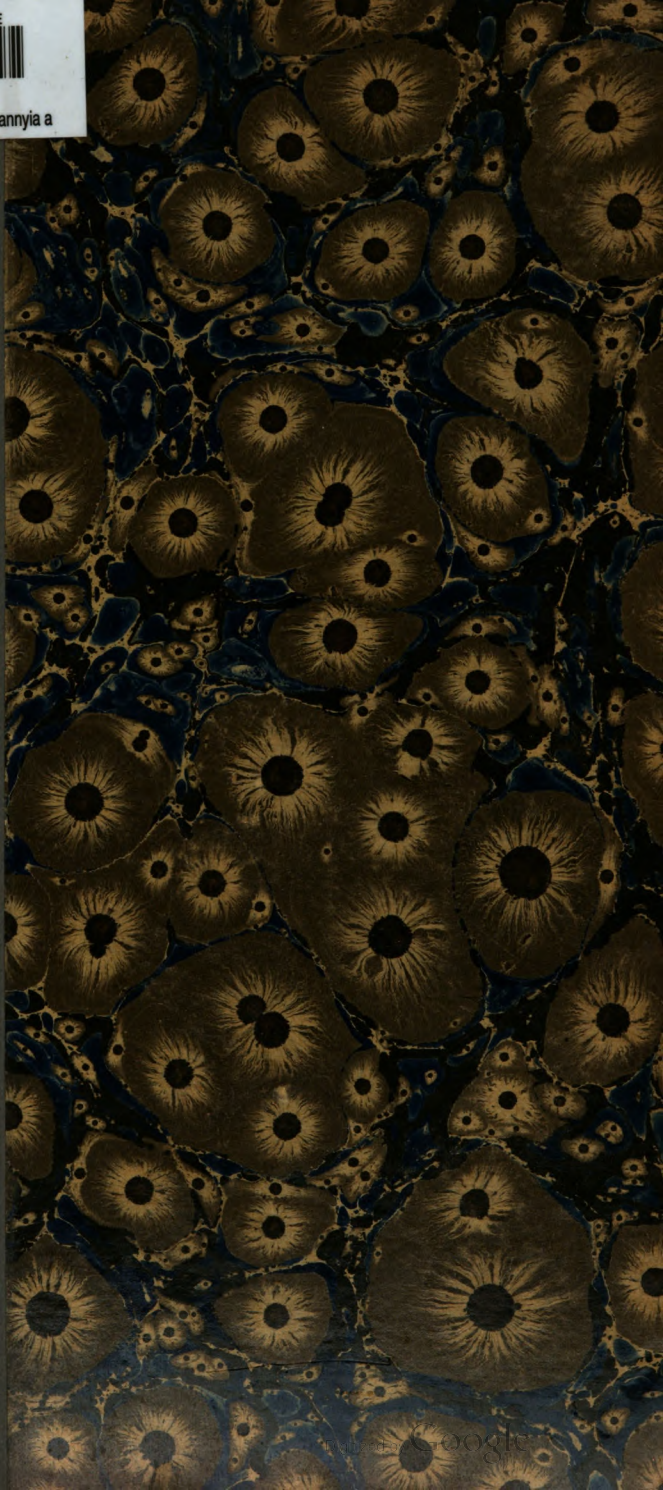
COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

CU58782737

891.7V585 R7

Иллюстрированны а

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Художникъ В. В. Верещагинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ (АВТОБІОГРАФІИ)

НѢСКОЛЬКИХЪ НЕЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ

РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

СЪ ФОТОТИПІЯМИ.

II приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1896.

Картины - картины - Максимилиан
В. Верещагинъ
Художникъ В. В. Верещагинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ
АВТОБІОГРАФІИ

НѢСКОЛЬКИХЪ НЕЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ
РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

СЪ ФОТОТИПІЯМИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнерева и Ко,
Пименовская ул., соб. домъ.

1895.

891.7V585

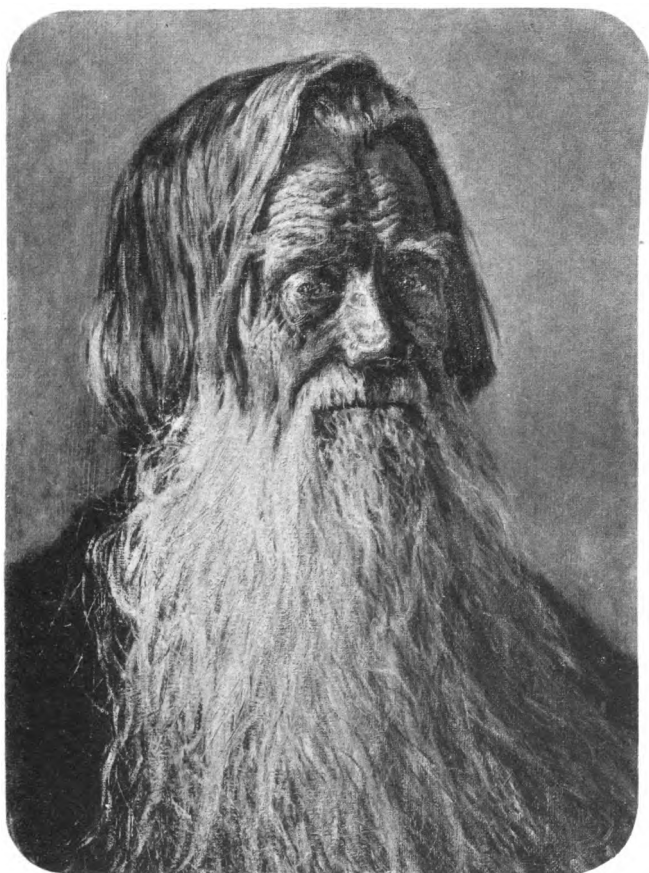
R7

38904R

Дозволено цензурою. Москва, 18 ноября 1895 г.

АИРМЛЮО
УТБЭВМВ
УСАЯБЛ

ЖИВ 1 2 1947 31

♦ОТОВНІА ШІПЕРЪ, НАВІО♦

Digitized by Google

Автобіографіи незамѣчательныхъ русскихъ людей.

I.

Федоръ Викторовичъ Немировъ.

Мастеровой.

Здѣшней губерніи, Вологодской губерніи, батюшка, изъ самаго города, мѣщанинъ природный, даже цеховыхъ дѣлъ мастеръ, можно назвать — Федоръ Викторовичъ Немировъ, имя и фамилія и отчество. Семья была 5 человекъ: 4 брата и одна сестра. Семейство, теперича, примѣрно сказать, кормилось — какъ мой-то отецъ, онъ былъ столяръ, коностанникъ, въ храмы иконостасы дѣлалъ и пропитывалъ тѣмъ семейство.

Старшій братъ былъ образованъ столярному; уѣхалъ въ Петербургъ, позамотался тамъ, значить, не высылалъ родителямъ ничего. Я по этому случаю и отведенъ былъ отъ хозяина, отъ живописца, подсоблять родителямъ.

Когда малолѣтніе были — стручки вороваль: были у насъ кирпичные заводы на полѣ и тутъ горохъ былъ. Рабенковъ десять насъ собралось, кое-кого, воровать. Хозяйка тутъ узнала меня по волосамъ — бѣлые были волосы.

Пришла къ родителю съ жалобой, изъясняться: «что вы, говорить, потакаете своимъ дѣтямъ по чужимъ огородамъ ходить!» Потомъ родителя разсердила она этимъ разговоромъ: «вотъ какъ, говорить, потакаю!» и сталъ сѣчь меня безъ милосердія. Я не столько думалъ о боли отъ розогъ, какъ думалъ, что между погами у родителя задохнусь, кровь ужъ хлынула у меня. Она послѣ отнимать стала, онъ и ее потолкнулъ: «я, говорить, вотъ какъ умѣю потакать дѣтямъ, чтобы баловали у меня».

И посейчасъ, гдѣ вижу горохъ, сейчасъ въ голову: «вотъ починъ-отъ мой!»

Парень хорошій былъ, жалобы часто были: поколотить кого — это мое дѣло было — съ жалобою ходили, и часто за это меня хлестали, прекращали мою удалъ.

Особенно кутейниковъ не любилъ, — вотъ семинаристы, иначе «семинары», мы все прежде «кутьей» ихъ звали. Здѣсь, изъ семинаріи идутъ, народишко такой вздорный, мы, мѣщане, ихъ не любили. Особенно, вотъ, въ ярмарочное время, было такъ же, какъ будто война была на рѣкѣ, какъ въ родѣ бы этикіе кулачные, которая сторона осилить; одна сторона отъ семинаріи, другая отъ рыбныхъ рядовъ; кото-

рая осилить, та и погонить. Полиція слаба была въ тѣ времена. Праздничные дни, мастеровымъ, когда свободно, сначала изъ маленькихъ пойдуть, послѣ и большіе пристануть и они изъ классовъ, отъ чина къ чину выше придуть... Было этихъ глупостей, сударь! Долго-то нельзя вѣдь, они начальство имѣли; все больше наши мастеровые брали верхъ и прогоняли ихъ, въ семинарію и загонимъ своею - то партіей.

Тутъ въ дѣтствѣ тоже было: отецъ послалъ, «поди, Федюшка, дай подпаскамъ гривенникъ, чтобы изъ лошадей мнѣ волосковъ падергали»; далъ три копейки — для смычка, для скрипки, починивалъ онъ. Гривну я получилъ, мнѣ понравилась она, новенькая еще; подумалъ: не отдамъ подпаскамъ, лучше самъ выдерну — это въ умѣ и держалъ самъ. Увидалъ некованого жеребца, стрижку еще, и сталъ дергать изъ хвоста; онъ меня и лягнулъ; аршина два отлетѣлъ отъ его и успѣлъ, вѣдь, выдернуть волосы, только въ колѣно, въ лѣвую ногу онъ попалъ; кабы я дальше стоялъ, убилъ бы меня. И теперь все лѣвая сторона болить,казывается. Страдалъ, а родителю не повѣдалъ, — онъ бы высѣкъ меня!

У Бориса Егоровича Монахова обучался живописному; семь мѣсяцевъ рисовалъ только азбуку, значить, зѣнцы ока; и до всего человѣка вырисовывалъ фигуры карандашомъ, за краски не принимался; послѣдняя фигура оставалась, зады человѣка вырисовать и ее не вырисовалъ.

Отъ Бога не утаишь, теперяче, но отъ васъ могу утаить; однако, хочу я сказать, отчего я сдѣлался столяромъ: у хозяина, теперяче, выпшпаклеваны были шесть иконъ, подѣ живопись приготовлены были, и я сейчасъ на печку поднялъ эти дски, чтобы онѣ скорѣе сохли, а ихъ и разорвало съ концовъ - то вершковъ около 4-хъ, по стругамъ-то!

Случилось на масляной недѣлѣ. За 90 верстъ отъ Вологды естя волость Шуйская, гдѣ хозяинъ жилъ. Я увидѣлъ свою бѣду — неизбѣжная гибель отъ хозяина будетъ, попало бы на орѣхи! Никому не сказалъ и сейчасъ сходилъ въ одно мѣсто, узналъ, что въ Вологду ѣдутъ, и сталъ просить у хозяина увольненія на масленичной недѣлѣ отпустить меня къ родителямъ, даже поклонился въ ноги, и онъ отпустилъ меня съ удовольствіемъ. Я, значить, собралъ дски съ печки и заставилъ, чтобы никто не видѣлъ этого моего грѣха, и уѣхалъ въ Вологду, въ гости, отпущень былъ. Высѣкли бы меня за такое недосмотрѣніе, на такой жарѣ поставить!

Пріѣзжаю домой, родители заплакали и тотъ и другой, не выдаючи семь мѣсяцевъ. Мать покойная, теперяче, говоритъ отцу: «Викторъ, ты, вѣдь, пропитывалъ семейство! Одинъ сынъ замотался, по міру не пустилъ; мнѣ жаль его отпустить, пускай дома работаетъ?» Отецъ согласился, а я давай стараться помогать ему. Слѣдовало бы мнѣ задницу высѣчь, а не только что оставлять дома. Прекраснѣйшій былъ хозяинъ, а взнудили эти дски.

Когда, значить, нужно было, я краски приготавлиалъ, теръ на плитѣ: кронъ, киноваръ, шихирвейсъ и берлинскую лазурь, винцейскую ярь, слоновую кость, ржевскій баканъ—какихъ только колеровъ не требовалось, всѣ приготавлиалъ — полукарминъ и карминъ теръ. Ультрамарину только не имѣлъ въ рукахъ и не знаю до сихъ поръ, этого не держалъ въ рукахъ—называли дороже золота его! здѣсь и не было въ тѣ времена.

А кость сами жгли, эти кобылечки самыя отъ студени: бросишь въ печку и потомъ сгорятъ; сверху бѣлое ножикомъ очистишь, эту бѣлизну; тамъ смолевое, совершенно какъ голландская сажа. Конечно, оно твердо въ теркѣ, тереть ее на плитѣ.

Хозяинъ говорилъ: «все единственно, что слоновая кость, что эта; одинъ и тотъ же скотъ, ту же кость имѣть; обманываютъ, говорить, насъ: гдѣ же столько слоновъ натягать, сколько ее идетъ въ Россію!»

Слоновая кость сквозность имѣетъ. Вотъ на Іосифѣ Прекрасномъ, когда онъ къ Пентефріевой женѣ въ спальню приходитъ и она хочетъ его въ блудъ ввести и хватаетъ къ себѣ на постель,—эта исторія при мнѣ писалась у Бориса Егоровича и фигуры были вершковъ по 20-ти—и Пентефріева жена, и Іосифъ. Эта самая верхняя одежда у Іосифа-то писалась аглицкой желчью, а свѣта, переломы тушевали слоновой-то костью; а на Пентефріевой женѣ, когда они лежали на постели и обнажены были сосцы, была бѣлая сорочка,—бѣлиломъ или крымъ-шихирвейсомъ.

Слоновая кость не закроет колеръ,—она большую сквозность имѣетъ; а сажа, напимѣръ, замараешь какую хотите краску.

Тоже, помню, въ Духовъ монастырь семейство Спасителя, Предтечу и Божию Матерь писали. Предтеча держалъ голубка въ рукахъ, а Спаситель его беретъ отъ Него, во младенцествѣ—другъ отъ друга. Эта икона при мнѣ была писана.

Какъ, я не знаю, въ нынѣшніе вѣки, а въ прежніе вѣки жалѣли бумаги и карандашей для насъ, мальчишекъ: такъ, возьмешь, настрогаешь лучинокъ и сдѣлаешь, теперяча, въ родѣ карандашей такихъ, въ тряпку мокрую завернешь и потомъ бросали въ огонь. Сгорить эта мокрая тряпочка и остаются эти самыя головешечки этихъ лучинокъ, онѣ твердыя, какъ въ родѣ карандаша—обчистишь и рисовали имъ. На бумагѣ не ладно рисуешь, сейчасъ счищаешь—и потребление малѣйшее было въ бумагѣ: одинъ листъ существовалъ вмѣсто десяти; не ладно нарисоваль, сметали уголь, опять на ней же и марашь. Хозяинъ не только иконы писалъ въ храмы, но и патреты заказывали ему. Давнишнія, теперечныя времена, могу и забыть, а помню, это самое, что Вишлоговъ былъ—съ его взялъ три рубля, десять на ассигнаціи за патреть, это мнѣ памятно. При насъ порядились, такъ это въ памяти.

Былъ у хозяина Тюринъ Платонъ Семенычъ, да Ягодииковъ Алексѣй Ивановичъ, мальчикъ былъ, да я;—оба академики были послѣ и оба теперь на пра-

ведномъ пути. Я одинъ остался. Послѣ на того и на другого столярную работу я работалъ.

Значить, работалъ съ отцомъ столярную и иконогласную работу, рамы и двери дѣлали въ дома. Мебель ничего не умѣли, мебель я въ Петербургѣ научился дѣлать. Нечаянно встрѣтилъ разъ хозяина на высокой галдареѣ: «Борисъ Егоровичъ, говорю, сдѣлайте божескую милость, возьмите меня, теперяче, какъ есть я у васъ жилъ и теперяче у меня смыслу побольше прежняго», и въ ноги ему поклонился. — «Нѣтъ, ужъ, Федоръ, говоритъ, скоро ты за ярушками пойдешь, у тебя не тотъ развѣвъ въ головѣ будетъ!»

Я заплакалъ слезно, пришелъ домой и бросилъ столярную работу, взялся за малярную, — комнаты убирать. Прежнее время по столярному дѣлу жили за два рубля въ мѣсяцъ, а за три — такъ хорошо, а по малярному — полтора и два цѣлковыхъ въ недѣлю, только на своемъ содержаніи, а содержанія были дешевыя. Вижу, однако, сѣра моя работа, захотѣлось попросвѣтлиться въ Петербургѣ. Отецъ отпустилъ меня. Прежде на извозчикахъ вѣдь, не на машинѣ — въ 19-ый день попалъ отъ Вологды. Ъхалъ на Мочалы, Сомины, на Тифинъ, потомъ Аракчеевское село Грузино, на Шекснѣ, потомъ въ Чудово и въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ по Лиговскому каналу противъ нѣмецкихъ банъ Леонидъ Карловичъ Вороновъ былъ мой хозяинъ. Тоже померъ теперь.

Сначала былъ въ Петербургѣ, теперяче, совер-

шенно что и не зналъ куда идти. Потомъ, Богъ принесъ нашего земляка, и онъ меня по вологжанамъ повелъ, которые хозяйствовали. Взялъ меня хозяинъ нашъ вологодскій, подмастерье, работать, значить, 8 рублей въ мѣсяцъ; проработалъ у его я полтора года. Работа была простая, я не смѣлъ по хорошей идти; вижу, мнѣ надо у мальчишки спрашивать,—только и зналъ рамы, да двери. Потомъ, теперяче, перешелъ къ Гальпе (французъ) на Невскій проспектъ, въ домъ Калугина, эту работу знающую сталъ дѣлать; попаивалъ водочкою, чтобы показывали бы мнѣ какъ дѣлать мягкую работу по мебели, обойную, вотъ какъ сейчасъ дѣлаютъ, и дошелъ до тѣхъ же самыхъ мастеровъ, теперяче, какъ и прочіе, сталъ равняться.

Поживши тутъ, образовалъ себя, вздумалъ хозяйствовать и взялъ квартиру на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Молина; въ два окошка квартира была. Стала тѣснить меня полиція: зачѣмъ безъ свидѣтельства производишь мастерство, надо правское свидѣтельство взять, а свидѣтельство взять очень дорого было. Значить, я снова и поступилъ къ русскому мастеру, въ родѣ старшаго въ мастерской, и управлялъ 20-ю человѣками, только и зналъ, что расчертить работу и раздать которому что. Въ гостиномъ покупалъ дерево, орѣхъ и красное, сахардинъ—какое тамъ заказано, фанеръ и толстый орѣхъ: это моя все была попечность, и потомъ, три года поживши, и поѣхалъ въ Вологду.

Я очень попечителенъ былъ: въ теченіе шести лѣтъ сотни двѣ переслалъ родителямъ и самъ одѣвался чистенько, не былъ въ тряпкахъ.

Водкой не заражался, значить, съ позволенія сказать, рюмку выпьешь гдѣ, но пѣть, не заражался,—попечительно жилъ.

Самъ я вздумалъ побывать дома, погостить; въ свое отечество захотѣлось, и опять думалъ было обратиться въ Петербургъ, потому жизнь была очень приличная, хозяинъ меня любилъ и хотѣлъ опять къ нему же ѣхать; даже онъ писалъ мнѣ письма, чтобы пріѣзжалъ.

А я, въ Вологду пріѣхавши, на 400 рублей ассигнаціи, не знаю какъ на серебро перевести, и порядился иконостасъ у храма, отъ хозяина взялъ—Рѣзухинъ былъ, столбовой хозяинъ, по храмамъ.

Эту работу покончилъ, значить, у церкви—на труды осталось.

Въ то самое время было влюбилась вдова въ меня, попа дочка, вдовой была на 21-мъ году. Я у нихъ квартировалъ наверху и она стала этакія мины дѣлать, сама задирать стала; я, про себя сказать, маху не далъ — стыдно и говорить! Маской-то былъ отъ Господа Бога доволенъ, много влюблились въ глупца.

Кончивъ работу у церкви, уѣхалъ отъ нихъ въ Вологду. Много работъ стали мнѣ заказывать. Диваны все, кресла, стулья, мягкое все. Въ Вологдѣ не было совсѣмъ по этой части мастеровъ, съ по-

зволенія сказать, я былъ просвѣтитель по этой части. Значить, меня и выбрали въ ремесленные старшины на 27-мъ году, по этому цеху, по столярному.

Тутъ я понабаловался и водочку пить сталъ, тамъ мастеровой потчуетъ, другой, третій. Я и просидѣлъ съ водочкой-то да съ товарищами 55 рублей ремесленныхъ!

Нашлись господа, эти деньги я взялъ впередъ, внесъ въ ремесленную управу. Потомъ заработалъ эти и опять сталъ хозяйствовать. Потомъ и вздумалъ жениться, какъ нѣсколько сталъ оправлять себя. Въ деревнѣ сироту взялъ и, можно сказать, что была она жена мнѣ.

Тринадцать лѣтъ только велѣлъ Богъ жить съ ней. Я уѣхалъ къ церкви, подъ плащаницу гробницу дѣлать, а была здѣсь холера. Она изволила травы коровѣ жать утромъ рано — ее и приняла холера. Въ больницу какъ увезли, такъ къ вечеру и готова была, — мнѣ туда на девятый день извѣстіе пришло! Лѣсное мѣсто, такъ ходака-то не было; холерное время — боялись.

Ну вотъ покончилъ это дѣло у церкви, пріѣхалъ въ Вологду и зачалъ винцо попивать. Въ работники ушелъ отъ хозяйства.

Родители ужъ померли, раньше хозяйки померли, а я до самой богадѣльни все въ работникахъ. И людямъ обидно, и Богу во грѣхъ: зарабатывалъ десять рублей и всѣ пропивалъ.

Скажу вамъ, теперяче: Алексѣй Федоровичъ Ахма-

товъ, помѣщикъ, имѣлъ село Закрышкино, въ семи верстахъ отъ Вологды. Я порядился въ работники къ нему и жилъ у его, работалъ, рамы въ домѣ дѣлалъ. Комнаты убиралъ—обоевъ не было,—крылъ колерами, которую голубцомъ, которую бѣлую. На голубцѣ серебряныя были сдѣланы, а по бѣлой комнатѣ золотыя звѣзды. Дѣлалъ по нашимъ колерамъ позолотчикъ, былъ тутъ и жилъ, золотилъ по комнатамъ, отличныя были комнаты!

Въ зимнее время я уѣхалъ домой, сами уѣхали изъ села въ городъ—потому помѣщикъ.

Когда жили они въ Вологдѣ, женщина мнѣ принесла армякъ... 12 рублей; я и пошелъ поклониться къ барину къ этому.

Лакей и сказалъ: ты, такой-сякой, что дашь, я тебѣ скажу хорошее! Я поднести пообѣщалъ.—Баринъ, говорить, выигралъ вчера 500 цѣлковыхъ, ты въ разъ пришелъ, онъ тебѣ дастъ денегъ.

Я, теперича, и осмѣлился попросить впередъ, на предбудущее лѣто заработать.

Онъ ходилъ по комнатамъ, не помню теперь, свисталъ: «рукавички барановыя, за нихъ денежки не заплачены»... Куражило, слѣдовательно, что онъ выигралъ 500 цѣлковыхъ.

Лакей докладываетъ ему: «Пошли его, говорить, ко мнѣ, что ему нужно!» Я говорю: «А. Ф., къ вашей милости, нельзя ли, говорю, сдѣлать милость, одолжить меня 12 рубликовъ,—сходно очень продають армякъ, говорю, отпустить жалко, а денегъ нѣтъ; я

заработаю, говорю, на будущее лѣто, какъ я вижу у васъ въ предметѣ работа есть».

«Послушай, онъ говоритъ, братецъ, отчего тебѣ не дать; я вчера выигралъ 500 рублей! да у кого, спроси-ка? первѣйшіе, говоритъ, игроки въ Вологдѣ, — у тѣхъ 500 рублей выигралъ». И подаль деньги мнѣ.

Значить, я ушелъ; это было около Рождества. Слышу-послышу, на масленой недѣлѣ, Ахматовъ проигралъ все село и съ людьми: какая вотчина была при селѣ, и этимъ же самымъ людямъ, у которыхъ раньше выигралъ—значить, они его заманили!

Дарья Борисовна, жена его была, разсердилась, уѣхала въ свое имѣніе Воронежской губерніи, и онъ, теперяча, поживши на квартирѣ безъ ея, надумалъ самъ, теперяча, уѣхать съ квартиры, не знаю ужъ куда, не могу хорошенько знать.

Я приходилъ къ нему: «Алексѣй Федоровичъ, я вашей милости двѣнадцать рублей долженъ, теперяче какъ же?»

— «А вотъ, говоритъ, вставь ты мнѣ во флигеля и въ комнаты—въ которыхъ онъ жилъ—стекла, я прощаю тебя въ остальномъ».

Я обдѣлалъ все какъ слѣдуетъ быть, цѣлковыхъ на шесть или на семь ушло; рубляхъ въ пяти попользовался, простилъ онъ меня.

Послѣ, когда я изъ Петербурга приѣхалъ, годовъ ужъ это въ теченіе шести, прихожу я въ питейный домъ и увидѣлъ этого самага Ахматова въ лавкѣ.

— Поднеси, братъ, говорить, любезный, стаканчикъ!—Онъ меня призналъ, а у меня и въ умѣ не было признать ихъ. «Вы кто есть, молъ, такіе?»—«Я, говорить, помѣщикъ Ахматовъ». Въ то время не могъ утерпѣть не всплакать: «неужели же вы, говорю».—«Я, говорить, Немировъ, я».

Купилъ я, теперича, французской водки полштофа, самъ выпилъ, въ то время мнѣ очень неслободно было, оставилъ остальное имъ: «кушайте, молъ, на здоровье, Алексѣй Федоровичъ! напредки, если гдѣ васъ увижу, я благодарность помню»...

«Я, говорить, здѣсь и пребываю днемъ, а ночью къ повару своему Никифору хожу ночевать, онъ у помѣщика живетъ и меня пускаетъ ночевать». Никифору, теперича, крѣпостной его, одинъ, не знаю какимъ способомъ остался у него.

И въ прочія времена угощалъ его часто за старую хлѣбъ-соль и не знаю—здѣсь ли онъ померъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ... Прежде 65000 давали за село, хорошо жилъ и водки очень мало употреблялъ.

Когда пріѣхалъ молоденькимъ, на 23-мъ году, лакей передразнилъ, какъ Дарья Борисовна умывалась. Онѣ и заплакали: «Вы въ свое имѣніе привезли меня и ваши люди стали надо мной насмѣшки дѣлать». И значить онъ его и высѣкъ немилосердно за это,—въ два кнута сѣкли кучера па конюшнѣ.

А тутъ сидѣлъ въ крашенинной поддевкѣ въ этакой, засталъ я его, какъ сидѣлъ въ кабакѣ,—если и всю амуницию его взять было, она 40 копеекъ стоила...

II.

Нищенка.

Отецъ небесный, Батюшка! не лиши меня небеснаго царствія Своего!

Губерніи - то я, батюшка, Ярославской была, а какъ замужъ-то вышла, сдѣлалась Владимірской; Карасскаго прихода, батюшка, — забыла какой священникъ крестилъ.

Господъ Лопыревыхъ была; еще въ дѣвочкахъ росла, нашу вотчину продалъ Лопыревъ-то Полубоярину — былъ Дмитрій Сергѣевичъ — всѣ рѣшились ужъ теперь, батюшка! Царица ты Небесная, Матушка Пресвятая Богородица.

За мать за свою поксѣйницу я пошла, кормилецъ ты мой, 9-ти лѣтъ на барщину. Самъ-ать говоритъ — сбавь ему Господъ мукъ небесныхъ: — «мать-то, говоритъ, пусть остается съ ребятишками», семь чело-вѣкъ было, дѣло было бѣдное, затруднительная жизнь, какъ помню.

Я на барщину пошла, да покойникъ отецъ, на лошади три дня на *него*, да три дня на себя; вотъ,

ФОТОМЛЮ ШЕРЕРЪ, НАСТОЛЬА

батюшка! Грамотѣ не училась, грамотѣ когда было учиться, да прежде и заведенія этого не было! Пошить, батюшка, умѣла, умѣла, кормилецъ; по деревенски пряли, тоже ткали—отъ матери покойницы переняла, батюшка.

Нынче вонъ купишь рубашку, а прежде какъ напрядешь, да вытчешь, такъ и будетъ тебѣ, кормилецъ, а то такъ и нѣтъ... Охъ, Царица Небесная много-милостивая!

* *
*

Не знаю по какія мы ягоды-то мы разъ шли, а покойница, мать-то у меня, и говорить: «ребята, говорить, разстанемся, говорить, съ вами; по рублевой бы, говорить, свѣчкѣ поставила, кабы Богъ освободилъ! Съ крестной они шли, говорили, какъ въ Москвѣ палили да жгли, шель да палилъ французъ; конюшни дѣлалъ въ церквахъ,—все это было у насъ слышно по деревнямъ - то, батюшка! Потомъ, слышимъ, Господь поразилъ; а то вѣдь было ушелъ кто побогаче-то; убирались, батюшка! У насъ лѣсъ былъ большой, еловый, темный, и не видно было человѣка; въ лѣсу-то ямы, кормилецъ, рыли, въ ямы-то уходили,—опасно, батюшка, было отъ француза.

Имѣньишко тоже свое зарывали; наше дѣло одинокое было, отъ нашего семейства ничего не зарывали,—бѣдно больно жили: полоска ржи вотъ такая была, хлѣба мало было, не хватало. Что приняли-то, Господи Царь Небесный!

Въ это ужъ время (іюль) колосья-то снимаемъ,

ужь сушимъ, толчемъ, да кашу дѣлаемъ—по деревнямъ называли трубяниха—по горшку по большому съѣдали въ день, батюшка ты мой, родимый! Потомъ все заложилъ: кафтанишки, шубенки мужичку богатому—фунтиковъ десятокъ принесешь, надолго ли?

Отецъ-то въ лѣсу на колеса ступицы рубилъ, трудился, батюшка, да въ Карассы возилъ — мучки оттуда и привезетъ... Подай вамъ Господи милости, Господи, Пресвятая Богородица!

* *
*

Дмитрій-то Сергѣевичъ продалъ меня отъ отца, отъ матери другимъ господамъ,—госпожѣ Корофдовой, Ульянѣ Игнатьевнѣ; продавали тогда отъ отца, отъ матери, батюшка, вотъ какая была жизнь-то! Осталось дома 6 человекъ, а я большая была, еще въ дѣвкахъ; они меня за то и покупали, что я горазда была въ лѣсѣ ходить за грибами, за ягодами, да за дѣтьми умѣла ходить.

Охъ, Святитель Миколай чудотворецъ, охъ, приняла я горести, только одинъ Господь знаетъ; была и холодна, и голодна, и боса, а вотъ живу и по сейчасъ.

Барышня-то купила да отдала сестрѣ, въ Шую. Трудно стало! У сестры-то мужъ-отъ слабого поведенія: разъ прибьетъ, да два прибьетъ; пьяный былъ—хлысть да хлысть, я плакала!

Сама-то барыня благородная была, а вышла за кутейника. Она жалѣла меня, кормилецъ, жалѣла,

батюшка; а мужъ-то, какъ выпивши, несговорный: такъ вотъ за пустое мѣсто хлыснетъ — и лицо-то у меня когда было черное и глаза, можетъ и теперь головушка болить отъ его плюхъ.

Тогда не было папиросъ, все трубка; закричить: Акулька, подай трубку! да и хлысть и хлысть... Было, кормилецъ!

И барыню - то обманулъ: на Капказъ уѣхалъ; я, говорить, тебѣ буду денегъ высылать, да такъ и грошика не присылывалъ, тамъ и жизнь скончалъ, должно быть на бисерномъ заводѣ...

Я ужъ, батюшка, стала просить барышню; покойница родительница съ батюшкой просили: «побойтесь Царя Небеснаго, мается вѣдь она, возьмите ее»... Она назадъ взяла. 7 лѣтъ у ней выжила, батюшка. Ой, кормилецъ батюшка, жизнь мнѣ была хуже солдатской... Господи Иисусе Христе Боже, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную!

Продала и она меня... Купила барыня Нащокина, ужъ и забыла имя. Стала тутъ Владимірской губерніи, Переяславскаго уѣзда. Отдали меня за вдовца. Отецъ-ать мой померъ ужъ тогда, такъ и не видала, батюшка, отца, какъ померъ, а мать привелъ Богъ еще видѣть.

* * *

Какъ въ Шуѣ-то жила, такъ 2 раза тонула, батюшка! Въ самую стужу бѣлье мыла, не помню и до сей поры какъ упала въ воду. Слышу: тянетъ! глыбкая рѣка - то, только Царицу Небесную кри-

чала! И жалѣли меня, лѣчили, мѣсяца три, батюшка, вылежала.

Другой разъ въ другую прорубь—на одномъ году... Господи помилуй!

Какъ тонула, такъ доктора говорили: у тебя, говорить, всѣ нервы застужены, ты не будешь родить—не было дѣтей-то у меня. У мужа-то была дѣвочка 9-ти годовъ, онъ не старый еще былъ, лѣтъ 27-ми.

Въ Шуѣ-то разъ поѣхали на извозчикѣ съ барыней, а дорогой брусники, брусники!—Акулина, говорить, поди. Кисти какія! Полный фартукъ и набрала, а барыня-то и уѣхала; бѣгу, духу нѣтъ, все бѣжала верстъ 18, потъ-отъ съ меня льетъ! Съ базара идутъ навстрѣчу. Не видали ли, говорю, кибитки?—Нѣтъ, говорятъ, не показалась! Приняла нады, сердце такъ и трепещетъ, реву, бѣгу, да и барыня-то безпокоилась, благополучно ли: вѣдь, по обѣимъ сторонамъ лѣсъ, хороша-то не была, а молада была. — Она другой дорогой уѣхала; на поле выбѣгаю, а они сзади еще ѣдутъ.

* * *

Во Владимірской-то губерни на гуменникѣ полотно ткала и бѣлила, въ Ростовъ ѣздила продавать, на ярмарку и въ Переяславль, батюшка мой! У насъ не было барщинъ,—50 рублей на ассигнаціи оброку платили. Лѣсъ былъ, хоть руби на постройку, только на продажу нельзя. Теперь ужъ и дѣти-то барыни всѣ размерлись.

Барыня хороша была. Въ 30 лѣтъ только разъ и видѣла я госпожу, какъ она ѣхала въ деревню въ гости. Она насъ звала «переславскіе купцы»; встрѣчали ее, батюшка, въ Переяславлѣ, туда ѣздили. Всѣ рады были, а она ѣхала словно какъ богиня, въ кибиткѣ ѣхала въ большой. Всѣ, всѣ встрѣчали—и мужики, и мы, бабы.

Поѣхала-то отъ насъ словно архирей, крестила всѣхъ: «живите, говоритъ, съ Богомъ, купцы переславскіе!» Недѣлку, что ли, гостила; четыре дочери были, замужъ не вышли—всѣ примерли.

* *
* *

Съ мужемъ выжила я 32 года, батюшка, 32 года, кормилецъ. Какъ онъ умеръ, съ годъ ли прожила тамъ, да сюда въ губернію (Ярославскую) Господь привелъ переправиться, — сестра солдатка здѣсь жила, батюшка; ужъ и она теперь померла, вотъ годовъ восемь.

Съ сестрой-то мы держали двѣ коровы; а сестра умерла, — стала кое-чѣмъ кормиться: вѣнники рѣзала, паръ 20 когда въ день рѣзала и все по мѣстамъ на плечахъ носила благодѣтелямъ, не любила лодырничать. Жать нанималась поденно, копеекъ 25 въ день; тогда дешево было; нынче вотъ полтинникъ берутъ, говорятъ: «злая то и рубль нажинаетъ?»

Мыть, стирать ходила, батюшка; служила вездѣ, батюшка кормилецъ, по хорошимъ мѣстамъ. Только бы провѣдать какую работу. Скучлива была безъ ра-

боты, скучлива, все дѣлала, все дѣлала, а ужъ нынче ничего не подѣлаешь, батюшка!

* *
*

Ходила я, батюшка, молиться, хотѣлось бы еще куда забрести, да ужъ силы-то нѣту; въ Новый бы Іерусалимъ бы сходила, — больно ужъ тамъ хорошо! На Успеневъ день хочется уже къ Троицѣ; какъ Господь приведетъ, какъ онъ опредѣлитъ, Царь Небесный, ужъ умирать вездѣ равно. Въ скитѣ-то вѣдь только разъ въ годъ женскій-то полъ пускаютъ: на Успенье, только разъ въ годъ; хочется бы. Царица Небесная Матушка Пресвятая Богородица, заступися, помоги!

Къ Троицѣ-то вѣдь пойдешь, такъ перво предпочти Кирила и Марію родителей; они предпочитаютъ туточки, верстъ 8 или 10 монастырь-отъ, забыла какъ его звать.

Ужъ я была у Троицы, Господи Боже мой, и въ Новый Іерусалимъ ходила, — Господь привелъ на самый Троицынъ день. Хорошо тамъ, очень хорошо, Батюшка, Отецъ Небесный!

Въ Вознесеневъ день крестный ходъ — больно хорошо. Ночки бы двѣ хотѣла ночевать, да въ слободѣ народъ сталъ мереть, вотъ какъ боялись смерти.

Тамъ церковь небольшая; какъ въ старомъ Іерусалимѣ, тоже гробница въ воздухѣ, какъ тамъ, какъ есть на воздухѣ виситъ гробница и видно, что виситъ!

Въ верхъ-отъ насъ водили: камень тамъ, какъ жерновъ широкій, и чаша, а въ чашѣ вода—всѣмъ монахъ положилъ въ пузырьки водички, какъ въ старомъ Іерусалимѣ. Семьдесятъ семь престоловъ и наверху служба. Хотѣлось побыть побольше, ночки бы три ночевать, да испугались смерти-то; а вотъ по сію пору не умираю.—Охъ Ты, Батюшка Отецъ Небесный, истинный Христось.

Въ Переяславлѣ къ Микитѣ мученику ходила; какъ онъ трудился, въ болотѣ-то комары-то, да мухи кусали. Микита-то мученикъ трудовъ-то словно больше всѣхъ принялъ, какія вериги-то, камни носилъ съ собой! Въ болотинѣ, батюшка, колодезь рылъ, да все вериги -то носилъ, камни, цѣпи. Ночки двѣ ночевали, на Микитинъ день — великіе Святые мученики, батюшка!

Мало ли я бродила,—не въ хвалу Царю Небесному.

Въ Москвѣ помолилась, сказывали, чудотворная икона была, не знаю, приходъ-отъ забыла, батюшка.

И въ Ростовѣ во всѣхъ монастыряхъ была: у Дмитрія чудотворца, Авраамія чудотворца и въ Дѣвичьемъ монастырѣ — приводилъ Господь Царь Небесный, Батюшка.

Какъ шла въ Ростовъ отсюда, лежить, вижу, мужчина на болотинѣ; подхожу, думаю, лежить неурядно.—Я: дяденька! что ты, батюшка? — А онъ, батюшка, какъ вскочить, да за мной, а я прочь, а онъ бѣжать за мной. Матушка, думаю, Царица Небесная, Царица Небесная!.. Да слава Тебѣ, Господи:

мужичокъ ѣдетъ, онъ въ лѣсъ и вернулся, тутъ ужъ и народъ, вижу, идетъ. Какъ онъ рысь-то за мной далъ, я думаю: Св. угодники, Ростовскіе чудотворцы, защитите! Чего у Бога просишь, то Господь и даетъ, батюшка, прости мое согрѣшеніе! Отъ тѣхъ поръ стала бояться, гдѣ кто и лежитъ, хоть бы и знакомый, думаю... не стала трогать, стала мимо ходить, бояться стала, батюшка, грѣшница! Больше не было, Господь хранилъ.

Отъ пожару—Господь же хранилъ—старичка слѣпичкаго оттащила, на плечо его взяла, а онъ, покойникъ, отпусти ему Господи муки вѣчныя,—«Акулинушка! говоритъ, не тронь меня, я тутъ сгорю». За нимъ уходъ-то былъ плохъ, постелька была у забора на навозѣ, поѣсть ему вынесутъ, въ чемъ ни на есть. Я его жалѣла, сама въ одной рубашкѣ была. Пока его тащила, все у насъ сгорѣло; что перенесла я горести-то, не выговоришь!

Родныхъ было много, много, батюшка, было: 4 тетокъ однѣхъ, кормилецъ; родъ-отъ большой, только пообѣдать-то негдѣ было; еще себя обрывала, кому рубаху, кому что, мнѣ Господь подавалъ.

Всѣ примерли, а я все жива... Господи Иисусе Христе Сыне Божій! Не въ хвалу Богу, кормилецъ, остальную рубаху дѣлила: матушка, Акулинушка!—ну и дашь!

Дома была годовъ 7 ужъ. Всѣ примерли. Одинъ крестникъ все хотѣлъ меня схоронить: ужъ я тебя, тетенька, говорить, не оставлю, а вотъ и самъ Богу

душу отдадь... Господь Царь Небесный пошлетъ мнѣ пастыря. Царица Небесная, Матушка!

Любила походить, батюшка, не въ хвалу Царю Небесному, любила потрудиться, да ничего ужъ не подѣлаешь,—прошло время. Со здоровьемъ, бывало, и ночь ни по чемъ—и ночью все сдѣлаю, теперь ужъ не могу ничего сдѣлать. Царица Небесная, Матушка Многомилостивая, и такой-то слабый да безродной даетъ кусокъ!

Вотъ оно старинное-то здоровье! тонула-то!—вотъ оно теперь и открылося все вдругъ: и оглохла, и удушье, и ослѣпла... Привель Господь дожить до этого! Царь Небесный, Батюшка Отецъ Небесный! Дай Господь получить вамъ желанное отъ Отца Небеснаго, отъ Царицы Небесной!..

III.

Алексѣй Ивановичъ Шадринъ.

Странникъ-богомолецъ.

Родился я, знаете, въ 13 году, въ Архангельскѣ—сынъ морского фейерверкера. Остался 3-хъ лѣтъ послѣ отца и 6-ти поступилъ кантонистомъ въ морской учебный полкъ. Сто десять человѣкъ насъ посадили, это самое, на корабль и повезли въ Кронштадтъ. Десять лѣтъ учился, побивали крѣпко, сѣкли, больше, знаете, за баловство. Уроки я училъ хорошо-съ: учили св. исторію, катихизисъ, ариметику, до тройного правила, грамматику, начало геометріи; водили, это самое, на ученье, портняжить, сапожничать, вязать ковры изъ веревокъ и изъ сукна. Пища, знаете, не важная была: щи почти что пустыя, а каша больше съ постнымъ масломъ — очень строго было-съ.

До 18 лѣтъ былъ кантонистомъ-съ, потомъ, знаете, унтеръ-офицеромъ. Въ 43-мъ году въ образцовый полкъ, въ Царскомъ Селѣ—генераль-маіоръ Полиш-

ко, очень строгій былъ; 1 годъ два мѣсяца, знаете, хлѣбы пекъ, дрова носилъ, воду; потомъ на царскомъ смотру, это на Царицыномъ лугу, императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ — произведенъ образцовымъ унтеръ-офицеромъ-сѣ.

Потомъ поступилъ, это, обратно, для показанія приемовъ взрослымъ кантонистамъ — ужъ на службѣ состоятъ, знаете, это называются ранжированныя роты. Десять человѣкъ дадутъ на выучку — 9 убей, десятый чтобы былъ выучень! Носокъ, знаете, черезъ порогъ ломали! Очень трудная-сѣ служба была.

Нашелъ, знаете, старушку, которая согласилась назвать меня сыномъ; пошли это къ военному министру Чернышеву, просьбу подали — перевели въ медико-хирургическую академію-сѣ, можетъ быть, изволите знать — унтеръ-офицеромъ, въ фельдшерскую школу. Учили, знаете, анатомію, фармакологию-сѣ, рецептуру, ботанику-сѣ, цвѣтъ-сѣ, подаваніе помощи мнимоумершимъ. Основанія человѣческаго тѣла-сѣ, значить, скелеть; онъ висить, все основаніе его, какая кость сѣ какою соединяется-сѣ; вскрытіе тѣла тоже-сѣ.

Президентъ былъ, Шлегель-сѣ, въ 1842 году, тайный совѣтникъ; послѣ его президентъ Бальбаяки, тоже тайный совѣтникъ-сѣ. Послѣ его, въ 59-мъ году, Чистовичъ, бывшій прозекторъ анатоміи. По-латынѣ тоже учился: это самое, *amo* — люблю, *lego* — читаю, *audio* — слышу, *daŭio* — тоже глаголъ, забылъ что значить-сѣ; или опять *номинативусъ* — родительный, *да-*

тивусъ—дательный, *аккузативусъ*—винительный, *аблативусъ*—творительный, *вокативусъ*—не знаю ужъ какой-съ, не припомню. Голова—*капутъ*, глаза, знаете, *окулюсъ*, зубы—*денгисъ*. Зубы раздѣляются на 3 части-съ, 32 зуба: пересѣкающіе, раздирающіе и расширяющіе. Лобная кость—*осса фронтисъ*, затылочная—*осса цеттисъ*, теменная—*осса-асумъ*-съ. Въ человѣкѣ 24 позвонка-съ и 24 ребра, а также эта подвздошная кость-съ, она показываетъ въ родѣ кинжала. Между бедраыми костями, выше, находится тазъ-съ, называется *пелевисъ*. Въ 24 позвонкахъ находится мозгъ; когда поясница, знаете, заболитъ, первое средство въ лѣтнее время льду—очень уничтожаетъ.

Вотъ вы изволили слышать *Пироговъ*-съ операторъ. Николай Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ—три раза въ Севастополь ѣздилъ, когда у насъ была война. По Высочайшему повелѣнію-съ ему приказано было вскрывать всѣхъ-съ, ни на кого не смотрѣть. Отъ великаго князя Михаила Павловича (онъ старше былъ Николая Павловича) докторъ былъ присланъ, умеръ, и велѣно было отнюдь не вскрывать-съ, а онъ, т.-е. Н. И., мнѣ извѣстно доподлинно-съ, ночнымъ временемъ вскрылъ, чтобы узнать, какая болѣзнь—все практиковался-съ.

Медицинская часть—народъ хорошій. *Чистовичъ* былъ прозекторомъ, надворный совѣтникъ. Пришла старушка просить, знаете, не вскрывать тамъ родственника. *Сиверсъ*, помощникъ инспектора, сказалъ:

«сейчасъ напишу записку, чтобы взять это самое тѣло изъ анатомическаго театра». Тѣло, знаете, отдали и вынесли не вскрытое въ часовню-сь. Часа черезъ два или три пришелъ Чистовичъ:

— Гдѣ тѣло?

Отвѣтъ, знаете, что, согласно приказу Сиверса, отдали, это самое. Чистовичъ приходитъ въ конференцію-сь.

— Зачѣмъ же вы отдали тѣло?

— Имѣю право-сь.

— Нѣтъ! Вы можете распоряжаться пищею и дровами-сь, а не тѣлами.

— Я—графъ.

— Я графа не знаю, вы капитанъ, а я подполковникъ-сь, и велѣлъ, знаете, взять тѣло назадъ.

Я еще Чистовичу чинилъ перья. Золотую медаль они получили-сь, теперь президентъ академіи-сь. Приѣзжалъ *Енохинъ*, штабъ-докторъ гвардіи, арміи и флота, 19 медалей имѣлъ-сь, тоже, знаете, тайный совѣтникъ, вмѣстѣ съ президентомъ сидѣлъ-сь.

Студенты были каверзники, особенно вольнослушатели; проживали, знаете, въ 1-й и 2-й Госпитальной улицѣ, на Выборгской сторонѣ. Когда, знаете, я ходилъ къ нимъ перья чинить—за это мнѣ платили-сь—пошлютъ иногда къ родителямъ, это самое, съ письмомъ-сь, принесу кому 30, кому 50 цѣлковыхъ. На окошкахъ у нихъ эти черепа-сь. Сейчасъ распоряженіе старушкѣ дадутъ на угощеніе-сь, приведутъ неблагородныхъ дѣвицъ, вольнаго поведенія, раз-

ныхъ; прокутится—придешь, знаете, поутру, а онъ ходитъ по комнатѣ, свиститъ!

На лекцію придуть, подполковникъ Шандрокъ-съ за безпорядки—тоже доносятъ—на недѣлю на хлѣбъ на воду. Коли два года не выдержать, зачисляется въ фельдшера, въ Царское Село-съ; строго было.

Дежурные доктора, вмѣсто того, чтобы, знаете, дежурить, ходили-съ на практику-съ, и платили за себя тѣмъ, что побѣднѣ-съ, 25 рублей иногда, только чтобъ дежурный докторъ былъ.

* * *

Въ 58-мъ ходилъ, знаете, въ Архангельскъ въ отпускъ и шелъ дорогою-съ по 50 и 60 верстъ въ сутки; желательно было, знаете, застать родительницу — ей 83 года было. Въ июлѣ мѣсяцѣ у насъ въ Архангельскѣ ночью такъ свѣтло, какъ днемъ. Пришелъ въ Архангельскъ въ 11 часовъ вечера; прихожу, стучу въ кольцо-съ (кольцо большое у воротъ). У сосѣдей, прежде, знаете, спросилъ-съ, такая-то въ живности ли? — Въ живности, говорятъ. Отворяетъ сводная сестра — родительница, знаете, вышла второй разъ замужъ.

— Что вамъ, кавалеръ?

— Нельзя ли переночевать, говорю-съ.

Пустили. Взошелъ въ комнату-съ. Старушка сидитъ на кровати. Я говорю:

— Здравствуй, бабушка.

— «Здравствуй, кавалеръ».

— Я тебѣ принесъ письмо отъ сына Алексѣя Иванова.

— «Нѣтъ, ужъ мой сынъ два года померъ».

— Какъ же такъ, онъ и посейчасъ со мною черезъ кровать спалъ?

— «Нѣтъ, мнѣ черезъ полицію объявлено ужъ два года, что онъ померъ».

Она, знаете, просила перевести меня въ городъ Архангельскъ, для поддержки престарѣлыхъ силъ; отвѣтили: сынъ не можетъ быть переведенъ (потому что я, знаете, нуженъ былъ-съ). Сама родительница не могла, знаете, за отвѣтомъ-то идти въ полицейское управленіе, была въ параличѣ послала дочь Матрену Ефремову, та и объявила ей, что мой братецъ, а твой сыночекъ умеръ!

Встала она это на костылѣ, знаете,—я упалъ въ ноги:

— Маменька, я сынъ вашъ; вотъ, говорю, тутъ живетъ такой-то, тутъ такіе-то; сестра моя старшая пишетъ, ея письмо прочиталъ-съ—все не удостовѣряется, все смотреть, смотреть, а не признаетъ-съ! Слышу, разъ говорить:

— Матрена, это не сынъ мой, у меня плѣшивыхъ не было.

Тоска меня взяла-съ; подхожу, это самое, къ ней:

— Маменька, я уйду, вы меня сыномъ не называете.

— Постой-ка, говорить, нагнись, а у меня тутъ на затылкѣ бородавочка,—ощупала.—Нѣтъ, ты мой!

Вотъ что я тебѣ скажу, и стала, знаете, тутъ говорить: «домикъ-то нашъ вѣдь проданъ».

— Кто же это?

— Да вотъ Матрена.

Видите-съ: портъ-то въ Архангельскѣ какъ уничтожили-съ, мужа ея въ Кронштадтъ, въ портовья роты, и ей тоже надо въ Кронштадтъ ѣхать; она какъ, знаете, сказала, что я умеръ, родительница домъ-то и продала-съ, думала я больше не приду, себѣ по смерти уголь выговорила-съ!

— Какъ такъ, говорю, вѣдь купчая и духовное завѣщаніе на мое имя!

Сейчасъ я, знаете, рассердился, пришелъ въ полицейское управленіе; тамъ на мѣсто моего крестнаго отца полковника Ольховскаго, знаете, былъ Пупковъ, подполковникъ-съ. Я стою, знаете; тутъ мои товарищи квартальные надзиратели, одинъ офицеръ, другой чиновникъ изъ учителей-съ. Я говорю: здравствуйте!

— А! Алексѣй Ивановичъ! Здравствуйте!

— Какимъ манеромъ, говорю, сестра моя могла продать домъ?

— Это не знаемъ, это она обдѣлала, говорятъ, съ Пупковымъ. Потомъ ожидаюсь; Пупковъ пріѣзжаетъ.

— Здорово!

— Какимъ, позвольте, манеромъ моя сестра имѣла право продать домъ, который оставленъ мнѣ по духовному завѣщанію родителемъ-съ?

Онъ говорить:

— Много васъ пляется, черезъ 25 лѣтъ придетъ, нищій...

— Извольте удостовѣриться-съ, мои товарищи и сосѣди-съ, гг. квартальные надзиратели.

Онъ спрашиваетъ:—Развѣ знаете?

— Помилуйте, г. подполковникъ, вмѣстѣ были въ учебномъ полку, въ пѣвчихъ вмѣстѣ были. Говорю Пупкову: коли не можете по моему дѣлу, такъ и такъ-съ, подаю записку губернатору.

Онъ оробѣлъ, подзываетъ въ отдѣльную комнату.

— У васъ купилъ 9-го рабочаго экипажа отставной унтеръ-офицеръ, скажите, чтобы домъ очистилъ, или ко мнѣ чтобы явился.

Я пошелъ домой и объявилъ родительницѣ:

— Маменька, такъ и такъ; домъ бы очистилъ или самъ бы явился къ полицеймейстеру Пупкову. Она говорить:

— Что хочешь, сынокъ, то и дѣлай.

Спустился внизъ, съ нимъ поздоровался, говорю:

— Кто вы такіе?

— Я, говорить, хозяинъ.

— Хозяинъ не ты, а я; впрочемъ, старикъ (онъ старше меня былъ), мнѣ съ тобой нечего говорить; очисти домъ или явись къ полицеймейстеру Пупкову.

Онъ надѣлъ, знаете, серягу и отправился.

Что онъ ему сказалъ — не знаю; къ вечеру же домъ мой очистилъ.

Такъ день, другой прошелъ. Родительница по-

мерла черезъ шестеро сутокъ. Сестра, знаете, и говорить-съ:

— Ты хлопоталъ, теперь какъ хочешь хорони.

— Я, говорю, знаю, что дѣлать, похороню.

Взялъ всѣ документы-съ, это знаете, пошелъ къ сосѣду Осипу Петрову, мяснику, денежному, зпаю; поздоровался; онъ призналъ.

— Извольте купить домъ.

— Какъ же могу купить домъ, коли онъ проданъ.

— Вотъ тебѣ всѣ документы, и онъ мнѣ за домъ 245 цѣлковыхъ далъ. Ее похоронилъ приличнымъ образомъ; шесть недѣль старушки читали, а сестра моя въ скоромъ времени отправилась въ Кронштадтъ.

Потомъ, какъ, знаете, похоронилъ ее, городъ-то не портовый сталъ, я отправился въ другое мѣсто, для пріисканія занятій, потому въ 60 г. въ отставку вышелъ.

* *

Жилъ я въ Москвѣ, опредѣлилъ меня, изволите знать, докторъ Крассовскій, лѣчить меланхолю,—въ домъ умалишенныхъ, мужской и женскій; Крассовскаго зналъ, знаете, студентомъ. Тутъ еще находился, въ домѣ умалишенныхъ, Иванъ Яковлевичъ, можетъ изволили слышать; а послѣ него іеромонахъ Серафимъ—его разъ купечество увезли къ себѣ воровжить, 13 дней искали, нашли въ лаптяхъ.

Былъ тутъ, знаете, еще директоръ фабрики Мазурина, Эдуардъ Саксъ, съ ума сошелъ; денегъ много прогулялъ и въ самомъ жалкомъ-съ видѣ былъ

доставленъ; всѣ деревья переломаль, со священника шляпу схватилъ, бросилъ. Кто ежели свещетъ или кто, знаете, около идетъ только—дерутся! Въ шашки играютъ такъ умно, умно, а потомъ давай драться-съ!

Эдуардъ Саксъ очень трудень сдѣлался, дали знать въ Англію, что выздоровленія, знаете, не предвидится; Крассовскій самъ писалъ-съ. Приѣхалъ родной братъ и сынъ, но онъ его не могъ признать; вырвалъ у брата золотые часы и всѣ ихъ на полу растопталъ ногами-съ. Проплакали они и уѣхали обратно въ Англію-съ. Потомъ пришла бумага-съ, чего бы ни стало, какъ можно скорѣе привезти его туда, по распоряженію его супруги и брата. Сдѣлали распоряженіе, былъ назначенъ-съ докторъ Ревельштейнъ, изъ евреевъ, знаете, переводчикъ англичанинъ, я и еще служитель и взята была сумасшедшая рубашка съ собою. Дорогою ужасное безпокойство дѣлалъ-съ! Руки, знаете, связаны, ничего не можетъ, такъ харкаетъ въ глаза: «чортъ русскій!» кричить. Только одно средство и было: я возьму ему въ спину булавку и запущу, по самую головку иногда—крови то вѣдь не даетъ, знаете, реветъ, ногами брыкается: «чортъ, чортъ русскій!» кричить-съ.

Привезли въ Англію, супруга встрѣтила, знаете, ихъ; версты за двѣ развязали сумасшедшую рубашку-съ и ему это все сказали, переводчикъ уговаривалъ-съ—онъ умный, слушаетъ, присмирѣлъ, какъ-то по-ихнему все говорилъ-съ.

Брудеръ—это братъ съ, *битки шкафомъ*—сухарь,

мелекз дрыномз—молоко-сь; это ужъ я доподлинно знаю, потому много разъ слышалъ-сь; *вонз, ту три, форз, файфз*—*вонз рубль, ту рубль файфз рубль*... Это я тоже хорошо слышалъ, посѣщали англичане его-сь; *брэзитъ*—подарить, значить—ну, т.-е., знаете, подарить, чтобы лучше смотрѣлъ. Денегъ у него не нашли; 2 чемодана были, нашли только куклы по 20, 25 рублей, животь надорвали отъ смѣха, гдѣ онъ это, гдѣ-нибудь да досталъ-сь!

Только развязали,—мы съ боку идемъ,—какъ размахнулся, здоровый, знаете, такой-сь, товарища моего со всего размаха—тотъ изъ вагона, внизъ головой о камень, совсѣмъ лицо разбилъ. Я уже остерегался, знаю, что за булавку не было бы чего, а товарищъ прямо идетъ безъ всякой обороны! Схватили и прямо въ сумасшедшій домъ. Супругу не могъ признать, никого не призналъ-сь. Въ сумасшедшемъ домѣ обливаютъ-сь, ведръ по 10 и болѣе, знаете, на голову-сь, такъ что паръ отъ него идетъ; клеенчатые комнаты; кровати съ мѣшками-сь, его туда съ руками и завязуютъ. Въ родѣ креста есть, знаете, его привяжутъ и шагъ впередъ, шагъ назадъ ходить; а окошко отворяютъ и зимою, чтобы холоднѣе было; иногда коли не успокоится, то и на 2, на 3 часа окошко откроютъ и случается служитель заснетъ, знаете, то и цѣлую ночь стоитъ открытое—морозъ! Холодные ванны—все связанные-сь. Къ столбу привяжутъ рубашкой, кругомъ ходить, знаете, ногами брыкается...

Полковникъ Богдановъ, инженеръ—Исаакій до-строивался, неудовольствіе отъ государя императора получилъ—былъ женатый человѣкъ, такъ какія за-бавы, знаете, дѣлалъ-съ! Какъ это самое былъ онъ по высочайшему повелѣнію—въ особой комнатѣ былъ. «Принеси, говоритъ, четыре палочки»,—я спроста и принесъ, а у него это пуховая подушка сафьяновая. Тутъ была комната и въ ней шкафъ, гдѣ его обли-вали; онъ эти палочки воткнулъ какимъ-то манеромъ въ полъ-съ—ножикъ, что ли, у него былъ,—просты-ней покрылъ и пухъ туда выбилъ подъ простыню, знаете, а шкафъ поставилъ въ дверь, дверь завязалъ полотенцемъ. Щипцы отъ свѣчекъ привязалъ къ палкѣ, а свой мундиръ (въ теченіе ночи, знаете, ра-боталъ) на гвоздь привязалъ, какъ будто удавился, а самъ палкой со щипцами страшаетъ: «Я васъ, го-воритъ, кто подойдетъ».

Я большимъ ножомъ полотенце перерѣзалъ, а тутъ служитель былъ за наказаніе изъ студентовъ (без-честіе барышнѣ большое сдѣлалъ), тотъ взялъ шкафъ толкнулъ, шкафъ на полковника, а тотъ выскочилъ, да въ свою комнату, да этому, знаете, служителю глазъ совсѣмъ щипцами и выворотилъ-съ. Его пере-вели на 9 версту, въ домъ умалишенныхъ по вы-сочайшему повелѣнію-съ. Впослѣдствіи выздоровѣлъ, въ генераль-маіоры былъ произведенъ; пять рублей награжденія я получилъ отъ него; ужасно памятли-вый—чудеса творилъ-съ.

* *
*

Въ 73 году не захотѣлъ-съ больше служить тутъ. Ушелъ въ городъ Богородскъ, Московской губерніи, можетъ изволите знать?—Въ Зуевѣ-Орѣховѣ была холера-съ, почти что 2 мѣсяца. Въ Шуйскѣ-Ивановѣ тоже фельдшеромъ, знаете.

Тутъ старость постигла, вздумалъ пойти Богу молиться.

Денегъ было у меня скоплено 32 рубля-съ,—виновать, водку тогда употреблялъ-съ. Сплю и вижу, знаете, что надобно это самое идти постранствовать.

Попелъ я въ Саровскую пустынь Тамбовской губерніи-съ, къ отцу *Серафиму*; ничего особеннаго нѣтъ,—монашествующіе-съ.

Оттуда пошелъ къ Тихону Задонскому, мощи на открытіи находятся. Потомъ въ Кіевъ-съ, тамъ любопытно. Монастырь великолѣпный, это, и мощи на открытіи же; гробы простые-съ, есть и кипарисоваго дерева-съ. Иванъ страдатель безъ гроба, пеленою покрытъ,—Богу такъ угодно; 12 братьевъ-съ, которые монастырь строили: 11 братьевъ, когда Господь Богъ спросилъ, чего они желаютъ,—спасенія спросили, а 12-ый братъ женатъ былъ, имѣлъ, знаете, дѣтей, тотъ пожелалъ злата и сребра. Одиннадцать братьевъ на нарахъ такихъ лежатъ всѣ, гробовъ нѣтъ, подъ одною пеленой, а 12 братъ сперва, знаете, на бочку лежалъ за это серебро и злато, а теперь Господь Богъ простилъ, на спинкѣ, и они подвинулись къ нему.

Въ монастырѣ очень хорошо. Внизу къ мощамъ ходъ, идутъ со свѣчами,—все угоднички-сь! Возлѣ этого монастыря верстахъ въ 2½ еще монастырь-сь. Игуменъ до 40 человекъ содержитъ, выстроилъ своими, знаете, трудами; продовольствіе, это самое, тамъ странничкамъ производить и дѣлаетъ наставленія; когда подъ благословеніе подходятъ-сь, спрашиваютъ его: кому скажетъ «идти», благословить—иди, а нѣтъ, говорить: «костямъ на мѣсто»,—ужь лучше не ходи. Очень худощавъ-сь и наставленіе и просфору-сь и деньгами, знаете, награждаетъ-сь, небольшимъ количествомъ, 20, 30 копеекъ.

Кіевъ очень весьма хорошъ; войска много-сь; 4 дивизіи-сь; митрополитъ стоитъ; монашества много-сь; пѣніе по-хохлацки, говорятъ тоже-сь больше по-хохлацки.

Къ Почайской Божьей Матери пойдутъ поляки и жида-сь; поляки добрые, чайку дадутъ-сь или сахарку-сь; ну, отъ жидовъ и просить грѣшно.

Оттуда обратнымъ образомъ, знаете, къ Софроньевской пустыни, въ Черниговской губерніи,—хорошій съ украшеніями монастырь-сь. Игуменъ отецъ *Обросимъ*, предсказываетъ; келейникъ пускаетъ къ нему кто дастъ, да кто въ хорошемъ одѣяніи-сь. Я говорю: «я прошелъ 4,000 верстъ, да чтобъ мнѣ къ благословенію не подойти, мнѣ, говорю, знаете, можетъ быть никогда больше и не предвидится». — «Подожди, говорить, старичокъ»; въ скоромъ времени меня и пустилъ-сь; ну, знаете, пустилъ, а онъ на полу

сидить-сь, на подушечкѣ. Я согрѣшилъ, знаете, къ благословенію подошелъ, а самъ подушечку пощупалъ, думаю не пуховая ли—соломой набита-сь.

Благословилъ—я ему и имя не говорю; онъ говорить: «что, братъ Алексѣй, нужно бы воздержанія, ты крѣпко пилъ; теперь одумался, ужъ поздно; не употребляй, лучше 3, 4 раза чаю напейся. Богъ отъ этого избавить». И благословилъ идти къ Соловецкимъ угодникамъ-сь.—«Я, говорить, знаю, что ты изъ холодной стороны»,—все мнѣ правду истинную сказаль-сь и имя мое, ужъ какъ и не знаю, узналь-сь! Далъ онъ мнѣ 60 копеекъ, просфору и послалъ меня къ отцу Варнавѣ-сь, самый ихъ казначей, знаете, я отъ него награжденіе получилъ чаемъ и сахаромъ-сь.

Въ Кіевѣ хохлы не пьютъ чаю-сь, только у евреевъ въ корчмѣ развѣ; виноградную водку пьютъ-сь, пьяны не напиваются.

Монахи хорошо живутъ; по праздникамъ, знаете, 3, 4 рюмки водки-сь и бутылка пива; 3, 4 кушанья; службы много; поведенія хорошаго-сь.

Вотъ въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ, въ Ростовѣ-сь, гуляющіе монахи. Архимандрита услали за разными штуки; родственниками всѣ мѣста заняль-сь, лавочку родственнику открылъ.

У Сергія-Троицы, знаете, слабы, ой слабы! . .

Въ Глинской пустыни слабо тоже-сь; поминки были, настоятель померъ. Избираютъ себѣ намѣстника, одна сторона хочетъ, другая не хочетъ,

знаете, безпорядокъ. «Я, говоритъ, на тебя прошеніе подамъ, ты мужикъ». — «А ты мѣщаниншко»..

.

Изъ хорошихъ, знаете, монастырей Вологодской губерніи Семигородской Божьей Матери — монашество хорошее-сь. Въ Соловецкой обители строго, слѣдятъ сильно, знаете; женскому полу не даютъ жить больше 3-хъ, 4-хъ, 5-ти дней.

* *
*

Шелъ я на Глинскую пустынь, Давыдовскую, къ Николѣ Грѣша, подѣ Москвою, Новый Іерусалимъ, Сергія Троица; оттуда къ Спасителю-сь, потомъ въ Ярославль. Въ Соловецкой обители уже два раза былъ.

Между Ярославской и Вологодской губерніями Селиверстъ преподобный, въ старыя времена былъ монастырь; когда Литва шла-сь, его разорили, а мощи были русскими закопаны-сь. На этомъ мѣстѣ построена эта самая церковь, въ 1860 году. Явилась, знаете, страшица къ священнику проситься на ночлегъ; ей во снѣ является батюшка Селиверстъ преподобный-сь: «возьми ключъ изъ-подъ подушки и объяви священнику, вмѣстѣ съ нимъ иди, дорога указана». Она встала-сь и священнику не объявляла, знаете, ничего-сь; не объявила она, — думала приснилось ей пустое, безъ всякаго вниманія-сь. Умылась, Богу, знаете, по обряду христіанскому помолилась и хотѣла къ священнику подойти подѣ благословенье,

проститься-сь—и сдѣлалась она, знаете, недвижимая-сь. Она говоритъ: «Господи, что это значить?» такъ все это было какъ слѣдуетъ, обояніе было-сь—и вспомнила этотъ сонъ-сь, стала кричать: «Батюшка, говоритъ,—ползкомъ къ нему подползла,—я видѣла, говоритъ, сонъ, только вамъ, говоритъ, не объяснила; что, говоритъ, у меня, гдѣ спала, видѣла, говоритъ, ключъ, возьмите ключъ и пойдите вмѣстѣ». Потомъ, знаете, священникъ одѣлся, думаетъ, что это вздоръ. Она ползкомъ пошла-сь—не могу, говоритъ, ходить—поползла на то мѣсто, гдѣ ночевала, открыла подушку и видитъ ключъ, беретъ его и отдаетъ священнику; священникъ взялъ и она съ нимъ ползкомъ пошла-сь. А тутъ около церкви часовенка—служили когда-то—доползла: ну, говоритъ, батюшка, отворяйте; 3 раза вернули ключомъ, отворяются двери и тутъ гробъ-сь и надпись: «Батюшка Селиверстъ преподобный». Она недвижимая; батюшка, говоритъ, за мое прегрѣшеніе оставьте меня Богу молиться въ этой часовнѣ, и она продолжала это молебствіе свое, знаете, 3 дня и 3 ночи, все недвижимая была-сь. Послѣ услышала голосъ: «Ты не хотѣла вѣрить, что тебѣ снилось, хотѣла тайно уйти, не хотѣла объявить духовника; я тебя хотѣлъ по смерти наказать и прощаю тебя за твое, говоритъ, поклоненіе три дня и три ночи—вставай!» Она встала какъ будто бы невидима, какъ будто, знаете, ни въ чемъ не бывало-сь.

Потомъ священникъ повелъ ее къ себѣ и сталъ

просить, чтобы нѣсколько времени прожить у него, и донесъ объ этомъ преосвященному владыкѣ; тотъ, какъ слѣдуетъ, знаете, быть, освидѣтельствовалъ гробъ Селиверста преподобнаго, донесъ въ высочайшій Синодъ. По разобраніи Св. Синода, какъ въ одинъ годъ было съ Тихономъ Задонскимъ-съ,—два раза мощи въ одинъ годъ не открываются-съ,—монастыря не построили, одна церковь, для странниковъ 2 флигеля—множество, знаете, это самое, народа ходитъ на поклоненіе-съ. Такъ будетъ въ лѣсу, нѣсколько чистаго мѣста будетъ-съ. И каждый день ему бываютъ панихиды-съ. Бываетъ много исцѣленій, даже которые безъ ногъ были, глухонѣмые; зрѣніе давалъ, батюшка!

* *
*

Во всѣхъ вообще монастыряхъ-съ даровыя обители. Разныхъ пустынь до 30 прошелъ. Въ пустыни лучше, чѣмъ въ большомъ богатомъ монастырѣ-съ, и примутъ, знаете, и накормятъ лучше; 500, 600 человекъ пройдутъ. Въ Кіевѣ 6—700 человекъ разговлялось, обѣдало все даромъ-съ, каждому по $\frac{1}{2}$ яйца-съ—вѣдь надобно яицъ начистить! по куску пасхи и кулича и три дня это продолжалось.

Теперяче какъ вамъ объяснить: Троица Сергія вѣдь богаче Кіева.

* *
*

Семигородской Божьей Матери, въ Вологодской губерніи. Она, матушка, отъ 7 городовъ удалялась, избрала отъ большой дороги въ 9 верстахъ въ лѣсу; явилась тутъ, знаете, сотворила много чудесъ исцѣленій... Старинная самая, историческая, въ 1329 году!

Въ настоящее время архимандритъ Александръ, изъ Архангельской губерніи-съ, годовъ ему не болѣе 55, не имѣетъ бороды и усовъ-съ; благочестивый человѣкъ, росту 2 аршина 13³/₈ вершка-съ, силы необыкновенной! При моей бытности-съ, когда я былъ, возьметъ подъ лѣвую мышку соли куль и несетъ; самъ трудится, работаетъ, хомуты, знаете, переправляетъ-съ, пашетъ вмѣстѣ съ братією-съ!

Около ея, Матушки Семигородской, лѣсъ, принадлежитъ ей; придутъ крестьяне, знаете-съ, у него просить лѣсу, на мельницу—онъ имъ велитъ, какой угодно, говорить, выбирайте, и дастъ. Пища для странниковъ и странницъ весьма великолѣпная. У монашествующихъ 2 или 3 подрясника и двое или трое сапогъ—онъ, знаете, имъ нашиваетъ. Странниковъ награждаетъ по 50, 60 коп. серебромъ и чай, сахаръ дается-съ. Монашествующимъ зависть сдѣлалась, что раздаетъ лѣсъ на мельницу, на дома, сдѣлали на него негодованіе, знаете, доносъ, владыкѣ высокопреосвященному Вологодскому. Внезапно приѣзжаетъ высокопреосвященнѣйшій, въ 1882 году, и

пошелъ по кельямъ, а они, знаете, донесли, что па-
ходятся въ самомъ безпомощномъ положеніи, что
отецъ Александръ все истощилъ; онъ и пріѣхалъ
внезапно-съ и видитъ, что въ кельяхъ 2, 3 подряс-
ника, 2, 3 сапогъ; потомъ обошелъ и въ монастырѣ;
встрѣчаетъ его Александръ, какъ по военному, знаете,
такъ и по духовному, съ честью, съ крестомъ, отво-
рили двери — и видитъ, что монастырь красотою и
всѣмъ въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде былъ, и
потомъ, выходя, знаете, изъ монастыря-съ и объ-
являетъ архимандриту Александру: «что мнѣ сдѣлано
донесеніе твоими подчиненными братіями, что будто
бы ты весь монастырь привелъ въ самую бѣдность,
но, какъ я вижу, въ настоящее время, что какъ онъ
у тебя находится въ 5 разъ лучше и какъ ты роз-
далъ принадлежащій къ монастырю лѣсъ, даю тебѣ
въ полное распоряженіе лѣсъ и монастырь, и монаше-
ствующихъ», и его наградилъ крестомъ. И теперь
находится въ здоровомъ положеніи-съ. Коровъ имѣетъ
до 70, всякую лошадь самъ объѣзжаетъ. Въ какой
праздникъ, знаете, въ его келейкѣ сидятъ всѣ монаше-
ствующие, а онъ въ концѣ и ихъ поучаетъ—благочестивый человѣкъ! Подкову разгибаетъ; ни обѣдни,
ни утрени не проспигъ. Онъ строго монашествую-
щихъ держитъ: однимъ словомъ, говоритъ, не до-
зволяю по деревнѣ ходить... а водочки рюмку дать,
1/2 фунта сахару и 1 1/2 осьмушки чаю. Иконы у нихъ
очень древнія-съ!

Въ Шенкурскѣ явленная икона Божіей Матери;

игуменъ тожо весьма хорошій, монахи въ полномъ распоряженіи (послушаніи?), для странниковъ пища хорошая. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ церкви очень рѣдки-сѣ.

Въ Кунгурѣ было, знаете, недавно-сѣ: будто странники выставили окошко, а потомъ первоначально залѣзли въ келью къ архимандриту и спрашивали будто бы денегъ, знаете, а онъ, это самое, говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ, а деньги въ кассѣ», и били его будто бы молоткомъ, а потомъ взяли да прирѣзали и взяли деньги, пашли, вышли въ окошко и ушли. Потомъ денегъ не нашлось у архимандрита, а деньги большія у него были

* *
*

Въ Черниговской губерніи въ селѣ Велейки — селеніе у нихъ, знаете, называется по большой дорогѣ — явилась икона Николая Угодника, хохлушкѣ Марѣѣ, которая объявила священнику; тотъ донесъ высокопреосвященному и пріѣзжалъ и эту икону не тронулъ; хотѣли ее вынести, она не дается въ руки и на этомъ мѣстѣ выстроить монастырь. Она, Марѣя вдова, знаете, плачетъ-сѣ, что «у меня, говоритъ, возьмутъ икону», но ее утѣшаютъ священникъ и проч., говорятъ: тебѣ новый хорошій домъ построить. Много, всѣ странники и странницы въ Кіевѣ, и изъ Кіева туда заходятъ. Много исцѣленій было. Священнику того не попадаетъ, что ей всего посятъ, и

куда ей, — она вдова, вотъ по случаю этому и сдѣлано-сь распоряженіе-сь. Священникъ, извѣстно, желаетъ, чтобы это въ церковь шло, но только икону взять нельзя — недвижима. Вотъ вѣдь что: 2 краски глаза перемѣняютъ! Богомольцы тутъ и ночуютъ и наблюдаютъ — свѣчей до 5 т., многія можетъ дорогія, въ 1 рубль, все красныя свѣчи, большія — вотъ въ этомъ удивленіе болѣе, — чудотворная икона!

Я три дня ночеваль, очень даже хотѣлось, только видно Богу не угодно, знаете, кто проще — даже удостовѣряютъ-сь.

Священникъ и тотъ не видалъ. У одного глазъ болѣлъ, бѣльмо — надумался, взялъ воску отъ свѣчи и помазалъ — точно лопнуло что, какъ тряпку снялъ — бѣльмо-то-сь! Пошелъ къ священнику, тотъ говорить: молебень надо безпремѣнно отслужить.

У Тихвинской раза три былъ, какъ вамъ объяснить... такого ничего...

* * *

Въ Архангельскѣ есть домикъ Петра Великаго и памятникъ Ломоносову, который громъ и тучу отводилъ, и ему честь дѣлаютъ, когда парадъ, почестъ, какъ въ Петербургѣ генералиссимусу Суворову дѣлается. Во дворцѣ лодка; какъ онъ лапоть плель, пятки не могъ доплестъ. Тутъ рѣка Двина; Петръ I ѣхалъ, знаете, на лодкѣ, на островъ; поднялся вѣтеръ и волны-сь, и онъ, знаете, самъ почти что совершенно хотѣлъ погибнуть. У него тутъ была плеть — онъ ударилъ этою плетью по водѣ и вода раздѣли-

лась—на одну сторону бѣлая, а на другую черная; и въ настоящее время видно... Такъ онъ и проѣхалъ благополучно и назадъ воротился-сь. Дворецъ деревянный и теперь стоитъ благополучно, не поправляются-сь. Въ этомъ дворцѣ есть деньги кожаные, есть и серебряные, клинчиками. Соборъ великолѣпный. Народъ добрейшій, только поговорка, знаете, сѣверная.

Тамъ, изволите знать, самоѣды въ оленьей шкурѣ—ни штановъ, ни рубашки, также и у женскаго пола-сь. Понять ихъ нельзя-сь. Глаза круглые. У каждаго самоѣда на каждомъ пальцѣ 2, 3, 4 кольца; ѣдятъ сырое мясо; только, знаете, погрѣтъ и ѣсть.

Народъ еще зыряне, черемисы, по-русски очень худо-сь говорятъ и по-своему тоже говорятъ. Младенцевъ какъ крестятъ: возьмутъ его на снѣгъ и катаютъ по снѣгу — «терпи холодъ, терпи голодъ», а впослѣдствіи ужъ, знаете, привозятъ либо въ Архангельскъ, либо въ Холмогоры крестить по христіанскому обряду. Прежде они не были крещены, это ихъ Николай Павловичъ привелъ.

Нужно имъ пищи, сейчасъ: «Гесь, гесь, гесь!» Олень сейчасъ подбѣжитъ—зарѣжетъ и ѣсть.

У насъ все животныя, знаете, добрыя; медвѣдь никогда не тронетъ, только лягъ передъ нимъ—понохаетъ и уйдетъ. Которую ему Егорій коровушку опредѣлилъ, ту съѣстъ, а больше не тронетъ. Часто съ коровами медвѣдь идетъ и не боится. Лосей ужасно много. Тюленей, знаете, около устья Двины много;

въ то же время на берегъ выходятъ-сь, тутъ ихъ застаютъ охотники. Волковъ очень рѣдко. Дикія свиньи и козы есть.

На одномъ ночлегѣ ночеваль я; ихъ тамъ два брата, такъ они въ теченіе года 17 медвѣдей убили; а 18-й... Былъ сдѣланъ у нихъ такой, знаете, шалашъ и на этомъ шалашѣ есть гдѣ имъ залѣзть, съ ружьями они; потомъ веревки привязали къ тумбѣ снизу, провизіи самой положено. Потомъ, если медвѣдь придетъ, они его и раздражаютъ, выстрѣль сдѣлаютъ, онъ разсердится и хочетъ къ нимъ ползти, а они раскачаютъ тумбу, да его по лбу, и еще, и еще, въ лобъ да въ лобъ, попадетъ ему разъ 7 и болѣе; когда они его умаютъ, онъ ляжетъ, кричать станетъ, они и сдѣлаютъ выстрѣль. Одинъ соскочилъ, думаль убилъ, а тотъ на него, это самое, да подъ себя, знаете; хорошо, что другой братъ выстрѣлилъ въ ухо, убилъ-сь, только брату въ палець, оторвалъ-сь, а таки убилъ его. Тумбою въ лобъ надо обезсилить, умаять, а то онъ къ вамъ сейчасъ полѣзетъ!

Гусей и лебедей много-сь, всѣ птицы прилетаютъ; тамъ озеръ много, такъ по 3—4000 птицъ, знаете, сидятъ вмѣстѣ. Куропатокъ, глухарей, рябчиковъ очень много—ни по чемъ-сь! Зайцевъ, просто, хоть палкой бейте, у насъ не ѣдятъ. Яйцо 3 копейки и курица 3 копейки: у насъ простой народъ ни за что не станетъ ѣсть курицы; въ домъ не пустятъ кто ѣсть знаете, ни за что: пѣтухъ, говорятъ, курицу топчетъ..

Нѣмцевъ много, они кушаютъ. Много оленей, а не ѣдятъ, лососины тоже ни за что не будутъ ѣсть-сь. Лебедей запрещено по высочайшему повелѣнію бить, такъ и называется птица царская, а бьютъ потихоньку. Тамъ два завода—перяной и пуховой—раздѣляется. Оленья шерсть идетъ въ Петербургъ въ матрасы, въ Англію идетъ тоже-сь, въ мирное время, знаете. Нынче народъ бѣднѣе, хуже стало, только и работы въ лѣтнее время, когда приходятъ англійскіе корабли. Были шведы тоже, 3 шведскіе корабля въ 1829 году,—еще я небольшой былъ,—такъ порохъ отъ нихъ отобрали; и обѣды, знаете, и балы, однако, дѣлалъ. Когда поѣхали,—выдали порохъ обратно.

Самый добрый народъ Архангельской и Вологодской губерній: и баню вытопятъ, и бѣлье тебѣ помоютъ. «Мы сами, говорятъ, въ работѣ, намъ неудается помолиться, такъ рады хоть принять». Въ праздникъ всѣ пива эти самыя варятъ, самыя крѣпкія. Странникъ у нихъ первый гость: и постель, все шерстяные тюфяки, а подушки пухъ и полъ-пухъ—самая этая эссенція хорошая-сь! —еще и на вторую ночь оставляютъ. Народъ, знаете, нечистоплотенъ, у странниковъ насѣкомыхъ много-сь, другіе и въ баню-то не ходятъ. Въ монастыряхъ больницы есть.

* * *

Одинъ капиталъ 1-го ранга—по-русски перевести, полковникъ—у Николая Павловича разрѣшенія, знаете, просилъ-сь, чтобы до края свѣта, конецъ

моря дойти-сь. Корабль «Нидерманландъ» 196-пушечный-сь... На которое разрѣшеніе получилъ, и было провизіи приготовлено на 10 лѣтъ, и онъ страствовалъ три года, знаете. Теперь корабли винтовые, а прежде были мачтовые, и онъ дошелъ, знаете, дотуда, гдѣ ужъ мачты стали за облака задѣвать-сь жидкость пускать стало! Это описано было, книга есть объ этомъ... И сдѣлалъ обратное обращеніе-сь, назадъ. Книга эта сборникъ, въ Кронштадтѣ-сь. Донесъ государю императору; по разсмотрѣніи дѣла, государь императоръ произвелъ его въ адмиралы, по-русски перевести—генераль-маіоръ. У нихъ те-перича: ничманъ—прапорщикъ, капитанъ 2-го рангу—подполковникъ, а этотъ былъ перваго, полковникъ — значитъ, чинъ только далъ ему, одинъ. А генераль-лейтенантъ — контръ-адмиралъ называется; а генераль отъ инфантеріи—контръ-мейстеръ! А потомъ ужъ графа они получаютъ-сь.

* *
*

Къ Артемію Праведному, 140 верстъ не доходя Архангельска-сь, въ лѣвую сторону-сь. Переходы очень трудны-сь, такъ случается 40 и 50 верстъ. И выстроены отъ монастыря, знаете, церковныя сторожки. Въ сторожку зайдешь, тутъ находится-сь пища, отъ монастыря приготовленная: треска-сь, сельди-сь, толокно-сь, хлѣба сколько угодно, знаете, 2 или 3 хлѣба-сь. Малыя очень деревни, по 12, по 9 дворовъ; народъ добрый, все больше зыряне, худо

понимають по-руски, послѣднее слово протягиваютъ-сь. Соломата есть изъ ржаной муки, свѣжее молоко и со сметаной и масло съ этою кашей.

Дойдя до Артемія Праведнаго... Былъ тамъ архимандритъ Амфилогій, знаете, очень добръющій былъ: страннику давалъ одежду, рубашку, сапоги-сь.

Все больше хожу я одинъ; отъ Артемія Праведнаго пошелъ, знаете, другою дорогою, чтобы поближе выйти; монашествующіе дали на дорогу хлѣба, палтасины, трески и сельдей и сказали:

— Можешь тутъ скорѣе выйти на большую дорогу.

Я шелъ, знаете, дорогою, можетъ верстъ 13 прошелъ, вдругъ-сь мнѣ встрѣчаются 3 дороги-сь! Я самъ ужъ не знаю, которою дорогою; солнце закатывается, знаете, въ 11 часовъ вечера. Остановился въ лѣсу — звѣрей много ходитъ-сь. Заснулъ, опять проснулся. И вторую ночь остался; сумку эту самую снялъ, лежу, заснулъ; опять проснулся—сумки нѣтъ; а тамъ вся провизія и хлѣбушко былъ-сь, не при чемъ остался. Поѣсть нечего, отоцалъ; тамъ грибовъ много, бѣлыхъ, груздей. Какъ курю, такъ у меня огонь есть: набралъ грибовъ, да на палочкѣ сжарилъ-сь—какое, знаете, это питаніе, воздушное самое! Отоцалъ до того... Соли нѣтъ; 9 сутокъ продолжалось; ни строенія никакого,—только грибы жарилъ.

На десятыя сутки иду, иду, знаете, вижу дорога получше, вижу стогъ сѣна—и такъ я обрадовался! Отрылъ сѣна и туда залѣзъ, только чтобъ звѣрей не видать-сь... Помилуйте, медвѣди, лоси, дикія свиньи

такъ и спуютъ! Въ стогѣ, знаете, и заснулъ-съ. Потру вставши, это самое, очень рано, осмотрѣвши, вижу сторожка, деревянная. Потомъ я въ эту сторожку зашелъ-съ, отоцалъ, знаете, просто вотъ какъ! Думаю, не найду ли, думаю, корочки; нашелъ двѣ корочки па окошкѣ, потомъ ихъ въ ведро-съ, пропустилъ, — какъ будто получше стало-съ; перекрестился, думаю: Господи, не придетъ ли кто; дожидался почти полчаса—нѣту-съ, никто не приходитъ.

Вышелъ, знаете, изъ сторожки, тутъ дорога; иду, иду, пройдя такъ почти что версты полторы отъ этой сторожки, вижу, знаете, двое мужчинъ и три бабы сгребаютъ сѣно-съ. Я, подойдя къ нимъ, поклонился, знаете-съ, говорю:

— Богъ на помощь!

— Здравствуй, здравствуй, старичокъ, откудава?

Такъ и такъ, объявляю, 10 дней иду безъ пищи, безъ всего, одними грибами питался.

— Да ты бы, старичокъ, и вовсе не вышелъ, напрасно тебя направили такъ, еще Богъ тебя вынесъ.

— Я, говорю, совсѣмъ отоцалъ, ноги мои не ходятъ.

Они, знаете, народъ добрый, сейчасъ вынули изъ берестовъ кулебякъ съ рыбой, съ селедкой: пирогъ тамъ такой, сверху толочномъ посыпаютъ, а пекутъ на сковородкахъ, въ каждомъ семействѣ, знаете, штукъ 30, 40 сковородокъ.

И на путь меня направили: «вотъ тутъ, стари-

чокъ, иди, все тутъ иди, никуда не сворачивай». Такъ, знаете, версть около 13 прошелъ; версты, знаете, тутъ не обозначаются, такъ по моимъ ногамъ считаю. Тутъ немного, самую бездѣлицу, закусилъ. Какъ я медицинскую-то часть знаю, такъ вдругъ, знаете, знаю, не годится много ѣсть, а они мнѣ дня на три дали.

Знаете, до рѣчки дошелъ; стоять тамъ три лодки, никого нѣтъ перевозчиковъ. И около этой рѣчки я ходилъ почти съ часъ и болѣе — никого нѣту-съ! Думаю, я самъ умѣю грести, флотскую-то часть знаю.

Я съ однимъ весломъ переѣхалъ, а тѣ весла, должно быть, спрятаны-съ; переѣхалъ, знаете, я, какъ слѣдуетъ быть, привязалъ ее и вышелъ на берегъ; вижу, самое, деревня съ полверсты, 2 мужичка плетутъ веревки изъ пакли. Знаете, имъ говорю:

— Богъ на помощь.

— Спасибо, старикъ.

Я и прошу: нельзя ли, говорю, нѣтъ ли гдѣ самоварчика, у меня чай и сахаръ есть; они и послали: «иди, говорятъ, въ этотъ домъ». Зашелъ я: со старушкой и молодые люди находятся, и прошу: «двое, говорю, послали къ вамъ», — они говорятъ: «милости просимъ, самоваръ готовъ». Накормили меня опять, крынку молока. Объ этомъ происшествіи и говорю, какъ я заблудился.

— Куда же вы теперь?

Говорю: какъ бы выйти на Вологду? Они говорятъ:

— Зачѣмъ же вы переѣзжали, вѣдь вамъ опять надо переѣзжать назадъ.

Такъ, знаете, напившись чаю, опять надавали всего; я ужъ имъ старое отдалъ, а новенькое-съ взялъ.

Я, знаете, простился и вышелъ изъ ихъ квартиры; думаю, не врутъ ли? У этихъ, что плетутъ веревочки, справился, спрашиваю,—не перевезутъ ли? А тучи такія нависли... И указали, говорятъ: не заходите мимо огорода, когда переѣдете, а идите прямо. А тутъ-съ лодка, я отъ дождя отъ проливного скорѣе подъ лодку, она опрокинута была: я подлѣзь—перекладина-то и выскочила, лодка на меня упала! Грудь стѣснила; на спинѣ перекладина, а подъ животомъ ранецъ мой—совсѣмъ задавило! Я кричу благимъ матомъ, никто не слышитъ.

Молитвы ужъ тутъ, знаете, всѣ перебралъ... Лодка тяжелая,—даже, знаете, собакой лаялъ, думалъ, не придетъ ли кто хоть на собачій-то лай—народъ тутъ дикій! Звалъ Николая Угодника, перваго его батюшку звалъ: помоги ты, говорю, батюшка! Артемій Праведный—можетъ моя молитва не дошла—избавилъ Ты меня отъ звѣря, отъ голода! Изосимъ и Саватій батюшки, помогите, говорю! Это самое, Матушка Семигородская Божья Мать—она за Вологду будетъ... Всѣхъ угодниковъ прошу—никто не приходитъ; давай опять собакой лаять, не придетъ ли кто на собаку!

Вѣдь цѣлую ночь лаялъ, мучался. И дождикъ-то пересталъ-съ; промучился такъ почти что до 5 ча-

совъ утра — съ 6 часовъ вечера маялся. Потомъ, знаете, слышу разговоръ, къ перевозу подходятъ, я кричу лихимъ матомъ—не знаютъ-съ, откуда кричу, да народъ дикій и на крикъ не пойдутъ. Батюшки, кричу, подойдите, говорю, ради Господа Бога! Что же вы думаете?—сѣли и уѣхали...

Потомъ, знаете, опять двое... Голосъ-то у меня осипъ. — «Дайте, кричу, душу мнѣ на покаяніе!» — Вслушались, подходятъ ко мнѣ. Поднимите, говорю, лодку—такъ и такъ!....

Какъ ты, говорятъ, остался живъ! Совсѣмъ, я, знаете, одрябъ: вытащите, говорю, меня... Вытащили. Нужно очувствоваться....

«Вотъ тебѣ тутъ тропка, по этой тропкѣ версты $1\frac{1}{2}$ или 2—на большую дорогу и выйдешь». Около этой лодки часа три сидѣлъ и пища-то нейдетъ, не о пищѣ думаю, только какъ бы Господь Богъ поднѣлъ, одрябъ совсѣмъ.

Спустя часа 3, мужичковъ четверо пришли къ перевозу, я ужъ поправился и прошу ихъ убѣдительно: вы ужъ меня перевезите черезъ эту самую рѣку-съ. Ну, они говорятъ: садись, садись, говорятъ, старичокъ, и перевезли меня и сдѣлали мнѣ направленіе, на большую дорогу, и сказали, по этой самой дорогѣ иди версты $1\frac{1}{2}$. Такъ, знаете, прохожу по этой самой тропкѣ въ лѣвой сторонѣ и вижу колокольня деревянная, знаете, низенькая колокольня, пять колоколовъ-съ, и потомъ стоитъ противъ нея одинъ крестъ. Тутъ я немножко, знаете, посидѣлъ

и немного пищи употребилъ и опять пошелъ въ путь по указанію. Знаете, это самое-съ, вышелъ на большую дорогу; пройдя 7 или 8 верстъ, стоитъ деревня, домовъ около 13; попросился ночевать. О своемъ происшествіи (тутъ старички были и молодые были) рассказывалъ. «Какъ, говорятъ, ты живъ остался?»

Потомъ, знаете, переночевалъ, напоили, накормили; пошелъ по большому тракту. Дня 3, 4 шелъ благополучно, какъ слѣдуетъ быть.

* *
* *

Иду, тутъ-съ городъ Вельскъ, не доходя его, опять перевозъ, паромъ, изволите знать, по веревкѣ — со мной вмѣстѣ жандармъ, не знаю откуда онъ. Мы тогда сами испугались втроемъ съ перевозчикомъ! — Богъ его знаетъ, должно быть рыба большая прошла — паромъ совсѣмъ поднялся, мы за веревки схватились, висѣли! Кабы лошадь съ телѣгой хоть одна была, упала бы она въ рѣку. Какъ прошла рыба, паромъ такъ и леснулся назадъ объ воду, а за рыбой такая волна сильная шла! Жандармъ говорилъ: «должно быть бѣлужина большая это была-съ».

Такъ, знаете, шелъ я, это самое, потомъ дня 2. Не доходя до города Вельска верстъ 7-съ, попадаетъ мнѣ одна старушка, годовъ 85 будетъ. Я съ ней поздоровался. — «Откудова, старушка?» Она говоритъ: «я, батюшка, иду изъ Кіева и проживала въ Кіевѣ 8 лѣтъ», говоритъ. Я говорю, знаете: «куда же

ты теперича идешь?»—«Я, говорить, дальняя, Вятской губернии-сь». Сзаду у ней мѣшокъ больше пуда, а на плечахъ 2 шубы, заплата на заплатѣ; повѣрите Богу! копеекъ по 6 шуба, продавать такъ 10 копеекъ не дадутъ, а спереди 2 корзины тяжелыя, просфорокъ до 30, знаете, въ нихъ лежить-сь, въ корзинахъ. Я говорю: ты бы наняла подводу.— «А гдѣ же, говорить, денегъ-то взять!»

Я какъ грѣшнымъ дѣломъ курю, такъ сижу курю, а она такъ отъ меня шагахъ въ 50 и не видитъ меня, не опасается. Вижу она что-то перебираетъ долгое время—съ полчаса все я на нее смотрѣлъ. Потомъ, знаете, тихонько къ ней подхожу-сь (самъ въ дорогѣ люблю полюбопытствовать—вѣдь старый да малый тутъ бываетъ), я крадучись подошелъ—вижу просвинокъ до 30, поминальниковъ до 13 или 15; денегъ бумажекъ 9 пятирублевыхъ, 7 бумажекъ по 1 рублю серебромъ.

Я, знаете, ее тронулъ: «бабушка, говорю, какъ же ты говоришь, что у тебя нѣтъ денегъ». Она, знаете, обробѣла, такъ испугалась! Я говорю: «вѣдь ты себѣ смерть расклала, вѣдь если бы ты въ другомъ мѣстѣ расклалась, смерть могла бы получить, обрали бы все!»

— «Батюшка, вѣдь мнѣ дома нужно, до дома надо донести, все пригодится». Такъ я съ ней поговорилъ: «ты деньги не оказывай!»

— «Да вѣдь я думала никого нѣтъ».

— «Да шубы-то, говорю, брось!»

— «Нѣтъ, батюшка, все пригодится, ужъ какъ-нибудь доплетусь».

* *
*

Съ этою старухой я простился; иду версть 5 или 4—идеть мужчина одинъ, чуть-чуть ногами переступаетъ, за плечами два листа кровельнаго желѣза; шель босикомъ-съ, ему не болѣе, знаете, какъ 28, 30 лѣтъ. Я говорю: ты что тихо идешь? — «А вотъ, говорить, посмотри!» Три человѣка его обыскали, обобрали, 6 р. 80 коп. нашли и сапоги сняли, а пятки палками избили почти до костей, чтобы бѣжать за ними не могъ. Онъ былъ изъ Костромы, ведерки поправлялъ, заработалъ эти деньги-то. — И я то оробѣлъ!

Версть 7 недоходя Вельска, знаете, идеть, самое это, попался мнѣ одинъ навстрѣчу человѣкъ, и замѣтилъ я въ немъ подозрительное, только что же я могъ сдѣлать—я старикъ!

Прихожу въ городъ Вельскъ, было часовъ 8 вечеромъ, захотѣлось чаю попить, въ трактирное заведеніе зашелъ я. Меня хозяинъ послалъ кверху, потому внизу буфетъ-съ, а вверху комнаты есть-съ. Я, знаете, наверху попросилъ кипяточку, чай заварить. И приходитъ ко мнѣ одинъ человѣкъ; на немъ пальто хорошее, штаны хорошія, босикомъ, безъ сапогъ, а штаны, знаете, запачканы въ краскѣ, и просить у меня чашечку. А онъ выпивши. — «А отъ меня, говорить, не угодно ли рюмку?»—Я говорю: «не хочу». — «Вотъ, говорить, какое дѣло: подхожу себѣ къ дому (чай-то мой пить), жена меня, гово-

рить, не пускаеть». — Я говорю: что же ты можешь сдѣлать, вѣдь ты выпивши! — «Нѣтъ, говорить, я хочу свою жену зарѣзать». — Что-жъ, говорю, вѣдь въ Сибирь пойдешь, если зарѣжешь! — «Въ такомъ случаѣ, другое могу сдѣлать: возьму да краснаго пѣтуха пушу!» — Ну, знаете, это самое, это видно доля твоя, коли тебѣ надоѣло на бѣломъ свѣтѣ жить... Потомъ, знаете, я не сталъ этакіе пустяки говорить — ступайте, говорю, въ свое мѣсто; онъ пошелъ внизъ.

Я чай окончилъ, спускаюсь, знаете, и говорю буфетчику: вотъ что хочетъ сдѣлать! Онъ говоритъ: «это по городу, говорить, первый мастеръ, рѣзчикъ, и гармоніи, и скрипки дѣлаеть и настройщикъ, до 5 цѣлковыхъ въ сутки зарабатывать можетъ».

Потомъ я, знаете, вышелъ изъ трактира, какой-то старичокъ подходитъ: «пойдемте, говорить, ночевать ко мнѣ-съ». Я, знаете, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ-съ, въ его собственный домъ, и вижу, какъ опъ, сапожникъ, мастерство имѣеть, мастеровыхъ человѣкъ до 6.

Ну, знаете, самоваръ готовъ, хочетъ меня чаемъ поить; я говорю: я сейчасъ изъ трактира, и рассказываю, то и то, говорю. — «Да вѣдь, говорить, вотъ его домъ, видно отсюда, двое сосѣдей черезъ него дома продали, во избѣжаніе, такъ какъ того и смотри пожаръ сдѣлаеть: стружки возьметъ, зажгетъ около дома, а самъ катается, точно шутить-съ! Первый, говорить, первый мастеръ, 5 или 6 цѣлковыхъ заработать можетъ!»...

Такъ мы, знаете, самое поужинали и улеглись спать. Около такъ 12 или 1 часу ночи вдругъ забили въ набатъ; я, знаете, почти что не спалъ ничего. Хозяина бужу—что это, звонять?—«А это, говорить, этотъ самый домъ и горить!» Мы побѣжали, знаете, съ хозяиномъ-съ; хорошо, что въ эту самую ночь, тихая ночь-то была. Сейчасъ тутъ его схватили, въ полицію повели; а онъ ужъ безъ пальто; знаете, въ одной сорочкѣ-съ. Жена и трое дѣтей выбѣжали въ одной же сорочкѣ изъ своего дома.

Его посадили въ полицію: обыкновенное дѣло, въ Сибири будеть-съ!

* * *

Въ Шепкурскомъ уѣздѣ, отецъ свою дочку привелъ въ монастырь, представилъ къ игуменѣ для опредѣленія въ монастырь-съ: у него для вклада въ этотъ самый монастырь недостаетъ, знаете, денегъ,—тутъ, знаете, вкладъ дѣлается. Игуменья говоритъ: что когда ты, старичокъ, всѣ деньги сполна доставишь, тогда, говорить, и дочку твою могу принять! Богъ его знаетъ, какой вкладъ, можетъ быть 60 рублей, а у него, знаете, можетъ быть рублей 40. Эти деньги ужъ остаются, знаете, если она и выйдетъ.

Отецъ этотъ самый и дочка, знаете, самая, пошли обратно домой-съ. Старику и дочкѣ вздумалось посчитать деньги, сколько, молъ, у насъ недостаетъ. И вдругъ, знаете, прискочили три человѣка, схватили его, а она-то вырвалась, убѣжала въ лѣсъ. Взяли

деньги-съ, его зарѣзали, сняли съ него поддевку и сапоги. А дочка-то убѣжала и объявила становому: «вотъ такъ и такъ, говорить, дорогою напали и меня поранили»—2 раны въ руку и она-то получила... годовъ будетъ ей 17 — «сдѣлайте, говорить, милость, гдѣ ужъ ихъ взять, хоть приберите тѣло отца».

Тотъ сейчасъ сдѣлалъ распоряженіе, и дѣвочку взяли они съ собой-съ. Пройдя такъ, знаете, 2 или 3 версты-съ, попадаютъ 2 человѣка; она понятымъ говорить: «да вотъ, говорить, тятеньки моего поддевка, а вотъ, говорить, на другомъ сапоги». Понятыхъ было 9 человѣкъ, и привели ихъ къ этому зарѣзанному человѣку-съ, вмѣстѣ съ дочерью-съ, этою самою,—они тутъ и повинились, да какъ же-съ, вѣдь поддевка и сапоги!

* * *

Примешь холоду и голоду въ странствіи! Рязанская и Тамбовская губерніи самыя нечистоплотныя: топятъ соломой и каломъ; въ избѣ тутъ же и коровы, и свиньи, и поросята, корова гадить и у ней (у хозяйки) только одна рубаха да понева. Топятъ все еще по черному дыму — какъ бы только уйти. На одномъ ночлегѣ ночевать выпросился, знаете, никого-съ, ни десятскаго, никого. Она меня пустила-съ, женщина молодая; пу, ничего, говорить, дѣдушка, можно—у ней мужъ въ Петербургѣ живетъ. Знаете, самое это поужинали съ ней, такъ, съ вечера разговариваемъ мы: что же, я говорю, у васъ?—Извини,

старичокъ, молочка у меня нѣтъ, коровушка, знаете, стельная, можетъ быть она скоро отелится, у меня молочко свое, говорить, будетъ.

Хорошо, знаете, я легъ на печку, она противъ печки. Слышу, кричить корова.—Тетенька, посмотри ты, говорю, стельная корова-то! — «Вѣдь знаю время-то», говорить. — Да, я говорю, она кричить! — «Богъ съ ней, пускай кричить, холодно». Потомъ, знаете, часа 2, 3 прошло, опять кричить, лихимъ матомъ. Я опять говорю: тетка, да неужели ты Бога-то не боишься, встань ты, посмотри пожалуста.—Она говоритъ: «да что ты, старичокъ, безпокоишься»; взяла она лучину, зажгла, да теленка въ подолѣ и принесла, ужъ онъ холодный! Она его на печку отогрѣвать; и говорю: что его отогрѣвать, коли копытца ужъ бѣлыя!—«Такъ, говорить, дѣдушка, ты никому, сосѣдямъ-то въ деревнѣ не говори, будутъ, говорить, смѣяться».

Вотъ вѣдь какой народъ, лѣнивый народъ! Кому я буду говорить? Грязно, ужасъ какъ грязно-съ, что Тамбовъ, что Рязань.

И клоповъ вездѣ по монастырямъ-съ, просто обсыплютъ, знаете!

Чего, чего не примешь, не натерпишься!

IV.

Старый дворецкій.

Вѣдь я, батюшка, родился въ крестьянахъ Орловской губерніи, въ городѣ Болховѣ; родился послѣ Француза, — въ 16, 17-мъ году. Священникъ обѣщался дать выписочку изъ книгъ, да такъ болтонулъ — не далъ. Было насъ всѣхъ еще братъ и 2 сестры; старшій-то братъ померъ до моего рожденія.

Братъ Бурнашевы, помѣщики, дѣлились и одинъ захотѣлъ перевести въ Курскую губернію крестьянъ, которые достались на его часть, душъ 20,—а потомъ онъ говорить: что я буду въ даль такую выводить, взялъ и подарилъ насъ всѣхъ крестнику, тоже господину, Деревицкому. Деревицкій-то—не этотъ, а отецъ его — перевелъ къ себѣ въ господскій домъ нашу семью: мать, брата съ женой и меня. Тутъ немного, годъ ли пожилъ или полтора, братъ-то мой — онъ его подарилъ казначею опекунскаго совѣта, Кочергину. Имѣнье вѣдь было заложено, ну такъ вѣрно, чтобы какъ-нибудь или подождать, или отложилъ эту штуку-то!

Жена Д.....го, урожденная Б.....ва, была капризная - прекапризная. Когда Д.....ій придетъ къ ней, спрашиваетъ: «зачѣмъ пришелъ?» — и днемъ!.. а человѣкъ 12 дѣтей было. За ручку онъ возьмется, она кричитъ: «дѣвушка! мой ручку дверецъ и двери мой!» Сыновей, какихъ бы лѣтъ ни былъ, велитъ дѣвушкамъ держать, а сама поретъ — на дѣтяхъ сердце срывала.

Нездорова сдѣлалась, поѣхала въ Москву лѣчиться; еще до коронаціи Николая Павловича, при Александрѣ I... Она сухоточная была... Остановились въ гостиницѣ. Я въ ту пору лѣтъ 5—6 былъ, въ деревнѣ, во дворѣ. Мать моя была птичница; я ихъ, птицъ-то, пасъ, въ воду лазалъ, плавалъ, утокъ выгонялъ.

Въ Москвѣ жили 3 года и сколько денегъ просадили! Она тутъ померла; своихъ 300.000 прожилъ, говорятъ, имѣнье-то и заложилъ.

Когда Александра I везли изъ Таганрога, я въ домѣ ужъ былъ, лѣтъ 8—9-ти, въ курточкѣ, — съ дѣтей его носилъ, — ростомъ они были похожи на меня. Около маленькихъ господъ учился грамотѣ. У насъ былъ одинъ гувернеръ французъ, другой нѣмецъ и третій русскій. Съ прописей сталъ писать, — учили меня! Какъ отдыхъ — они гулять и я съ ними; топели изъ сугробовъ дѣлали, копались — все равно какъ подкопы какіе-нибудь!

А лѣтомъ телѣжка была, въ которой мать-то возили; я въ корень, младшій на пристяжкѣ, а

старшій сидить править, за кучера. Къ садовнику въ гости прикатимъ... «Пожалуйте, батюшка» — а онъ ему водки наливалъ, — что вамъ угодно, все есть: сейчасъ или огурцовъ, или арбузовъ, дынь, а то этихъ яблоковъ, бергамотъ, — мы пируемъ тутъ, и гувернеръ съ нами... утѣшительно припомнить!

А отецъ по полю: велитъ заложить смирную лошадку, смотреть какъ пашутъ, сѣютъ.

Въ деревнѣ жилъ до 15-тилѣтняго моего возраста. Потомъ ихъ, дѣтей-то, отдалъ въ Орель, въ гимназію. Въ Орлѣ мы съ дѣтьми жили у дяди, — покойницы-то братъ, вице-губернаторъ.

Моя мать померла, меня препоручили женѣ кучера, чтобы она меня какъ сына наблюдала; самъ смотрѣлъ: вымытъ ли я, рубашка чиста ли? — ей за это платилъ.

Въ Орлѣ были годъ, ѣздили въ гимназію. Изъ Орла отправилъ въ пансіонъ, въ Харьковъ, подучить къ университету — тоже годъ побыли, потомъ ужъ въ университетъ. Я при нихъ неотлучно, они никого другого не хотѣли, — игравши-то въ лошадки мы сроднились, какъ однокорытники.

Изъ нихъ одинъ 3 года пробылъ въ университетѣ, кончилъ курсъ, а другой братъ, кажется, 2 года. Одинъ годъ въ Кіевѣ былъ въ университетѣ, опять въ Харьковъ пріѣхалъ кончать, въ Кіевѣ не понравилось — строго — въ Харьковѣ кончилъ.

Одинъ поступилъ въ Черниговъ, къ Шереметьеву, губернатору, строгому, а другой-то братъ уѣхалъ

на Кавказъ, въ Тифлисъ... зачѣмъ? право, не знаю. Этотъ былъ немножко тумакъ, давно ужъ померъ.

Я остался у ихъ отца въ деревнѣ у старика; я у него былъ и камердинеръ и буфетчикъ, истопникъ, конторщикъ—дневной расходъ и приказъ записывалъ. Ко мнѣ идуть въ переднюю записывать, кто что выдавалъ. А что я выдавалъ, это дѣло особое: гвозди, красокъ маляру, сукна ли, что ли, обойщику—особая книга была. Сколько привезутъ матеріалу—записываю и потомъ сколько выдано—записываю, чтобы аккуратный счетъ былъ.

Бывало, какъ только проснется—умываться я ему подаю; потомъ, когда онъ чаю напьется,—это ужъ дѣвушки подаютъ, а я чѣмъ-нибудь другимъ занимаюсь: комнатъ 15 было, подмесь, печки истопить...

Чаю напьется, зоветъ одѣваться; прибѣгаю къ нему—одѣнется, уйдетъ гулять по усадьбѣ, на конюшню зайдетъ, на скотный дворъ. Однихъ воловъ было паръ 30, дойныхъ коровъ 150 было, еще подростки телята. До 800 штукъ рогатаго скота. Конный дворъ особо: матокъ 50, да ѣзжалыхъ 25—30. Овечій дворъ особо, весь крытый, темный—овецъ 150 было.

Погоулявши, придетъ въ 12 часовъ, обѣдать подамъ ему; а пообедавши, ляжетъ немножко, отдохнуть, а потомъ чай пить, опять въ садъ или другое мѣсто прогуляется. Потомъ ужъ послѣ того, часовъ въ 8 ужинъ подашь. Иногда до ужина, какъ управятся, приходитъ съ рапортомъ староста,—что

дѣлалъ, что завтра будемъ дѣлать. Посмотрить по барометру: «нельзя ли, говорить, намъ это дѣлать, а то не захватилъ бы насъ дождикъ!»

Конторщикъ придетъ съ докладомъ какимъ-нибудь,—посмотрить книги, приказаніе дать: или написать куда-нибудь, или переписать — разные были случаи у него.

А въ 10 часовъ ужъ онъ ложился спать. Зоветь меня, я ему постель поправлю; у него вмѣсто матраца тиковая наволочка набита сѣномъ, а подушки пуховыя.

Ночью спать покойно, а часовъ въ 6 ужъ онъ встанетъ. Я за нимъ ходилъ 5½ лѣтъ, потомъ ужъ онъ тутъ померъ у меня; онъ только приказалъ — тутъ шуринъ былъ, дѣтей около его не было никого — «скажите, говорить, дѣтямъ моимъ, чтобы они людей моихъ уволители — вучера и меня, и повара».

Зачерпнулъ въ калошу воды, вылилъ ее, пришелъ: «дай-ка, говорить, потри мнѣ пѣннымъ виномъ ногу». Я сейчасъ полотенцемъ и ну ногу натирать. Вытерши ногу, подалъ чистое бѣлье, потомъ спальные сапоги... Съ этихъ поръ никуда не пошелъ; бѣлки стали желтѣть, что дальше, то желтѣе. Э! я думаю, что-то недоброе! — Позвалъ священника, спрашиваю: что, батюшка, какъ замѣчаете? — «Коли, говорить, черезъ сутки не будетъ лучше, тогда не будетъ онъ живъ», говорить!

Такъ онъ мѣсяцъ или полтора былъ боленъ. Сна-

чала доктора не звали,—не хотѣлъ,—были немножко въ раздорѣ они. Потомъ ужъ ѣздили за докторомъ въ Орелъ. Онъ говоритъ: «теперь я ничего не могу сдѣлать!»—Почему?—«Только, говоритъ, однѣ припарки можно сдѣлать». — Такъ тутъ и померъ.

Сосѣдъ-то докторъ говоритъ: «кабы спервоначала дали знать, я бы помогъ»; всего съ версты 1½ былъ хорошій докторъ былъ, да въ раздорѣ были, не хотѣлъ поклониться.

Я ужъ изъ этого имѣнья выѣхалъ въ другое, всю экономію принялъ на себя, приказалъ новый баринъ. Онъ приѣзжалъ хоронить, ему дали эстафету, но ужъ онъ засталъ отца въ вѣчномъ домѣ.

Я годъ цѣлый жилъ въ этой экономіи; у меня семьи не было, я человѣкъ одинокій. Жениться хотѣлъ, у старика просилъ,—онъ говоритъ: «Э! пустое, женишься, будешь ходить повѣсивши голову, а я, говоритъ, этого не люблю; на кой тебѣ шутъ, говоритъ, вонъ много ихъ есть!»—прямо сказалъ.

Когда изъ Москвы приѣхалъ молодой-то, съ женой, съ дѣтьми,—я полный хозяинъ былъ. Онъ напелъ въ имѣньѣ все въ порядкѣ. Я говорю: избери на эту должность кого другого, я лучше буду у васъ на глазахъ.

«Ну, избери ты, говоритъ, такого».—Я указалъ одного—съ женою, съ сыномъ и дочкою; онъ его сдѣлалъ ключникомъ, а меня взялъ сюда, въ Москву.

Когда отецъ его былъ въ вѣчномъ домѣ своемъ, я молодому пить, ѣсть подавалъ, онъ въ слезахъ былъ—

говорить: «спасибо тебѣ, что ты папеньку покоилъ, я тебя награжу»... съ тѣмъ и остался.

Въ Москвѣ лѣтъ 5 послужилъ ему, тоже былъ буфетчикомъ; все что нужно къ столу, къ чаю, къ кофею—все было у меня; даже погребъ, варенье, соленье, вино, водки, наливки, цѣлый годъ отъ свѣжихъ до свѣжихъ—все у меня! Дай того!—извольте-съ, сейчасъ и принесу оттуда.

Тутъ мнѣ какъ-то грустно стало, подъ Святую—не знаю, что случилось—хотѣлось просто слезы лить. До этого-то я простудился, былъ боленъ, онъ-то самъ былъ въ Петербургѣ, барыня-то не подумала, что доктора бы къ нему. (т.-е. ко мнѣ). — Баринъ пріѣзжаетъ: гдѣ Астафій?—Боленъ!—Что съ нимъ?—Простудился.—Пришелъ: что съ тобой?—Теперь слава Богу лучше, самъ не знаю какъ простудился.

Тутъ пришелъ къ женѣ: «хороша хозяйка, не скажала доктору, докторъ годовой!»

Мнѣ стало съ этого скучно, за это (не) вниманіе къ людямъ.

На Святой какъ-то я говорю: что жъ вы хотѣли наградить-то меня?—«Когда?»—Когда вы пріѣзжали папеньку хоронить, вы были благодарны, наградить хотѣли меня.—«Не помню!»—Жалко, молъ, кому бы другому помнить.—«Какую же тебѣ награду, вольную, что ли?»—Конечно, вольную, награда вѣрная и вѣчная (тѣ, поваръ и кучеръ, остались въ Орловской губерніи, достались другимъ братьямъ, тѣ ужъ ихъ отпустили).—«Ну, давай бумагу: прежде, говорить,

бери билетъ, живи гдѣ хочешь, женись, коли хочешь, получай жалованья сколько хочешь—первый годъ съ тебя оброку ни копейки».

Я говорю: хорошо! недурно! хороша награда, нельзя ли что другое выслужить отъ васъ?

— «А что тебѣ другое?»—Что-нибудь получше, поприятнѣе!—«Что же тебѣ лучше?»—Я говорю: стало быть вы не помните, забыли?—«Да, забылъ».—Жалко! баринъ да свое слово забываетъ...—«Да ну, давай бумагу».—Слушаю.—Взялъ, бумагу въ 90 к. принесъ ему.

Онъ взялъ, хочетъ писать, но не можетъ, не знаетъ какъ правило-то въ законѣ писать, и тутъ онъ вмѣсто вольной-то билетъ исправилъ, чтобы въ Москвѣ только жить: «ему, говорить, плакать—такъ его, говорить, не найдешь!»

Я бы уѣхалъ либо въ Харьковъ, либо на Кавказъ укатилъ, куда-нибудь далеко. Мнѣ бы, какъ птицѣ вольной крылья бы, кабы получить плакатъ; я моложе былъ, лѣтъ тридцати, въ самой порѣ, въ прыску былъ, у меня еще кровь пылала!

Билетъ далъ только въ Москвѣ жить, ни шагу никуда,—хотѣлъ, должно быть, помучить меня.

Другой разъ прихожу мѣнять билетъ. Онъ спрашиваетъ: «Да, здравствуй! — принесъ денегъ?»—Сколько?—«25 рублей».—Я не испугался: извольте получить.—Ну, бумагу принесъ,—сейчасъ другой билетъ написалъ.

Я отправился вѣдь, отъ него отошелъ, въ лучшемъ видѣ; хоть ростомъ не великъ, но платье было

всякое: фракная пара и бѣлый жилетъ, какъ должно быть слугѣ — и нанять-то было пріятно меня.

Мѣсяцъ только былъ безъ дѣла, поступилъ на мѣсто, рекомендовали знакомые люди, къ Пашковой — 20 лѣтъ у ней выжилъ.

Баринъ часто спрашивалъ у людей: «гдѣ Астафій?» — На мѣстѣ живетъ! — «На какомъ?» — Все на томъ же. — «Эка чортъ! присталъ какъ»... Онъ думалъ, что я такъ себѣ, вѣтеръ, безпутный.

Два года прослуживши у Пашковой, разъ выбрился вечеромъ — во снѣ вижу, что у меня черная борода; такъ дивлюсь: выбрился вчера въ субботу, а сегодня, подъ воскресенье, опять борода выросла — это сновидство.

Только что въ буфетѣ убралъ, смотрю, зовутъ меня: «Астафій Ивановичъ! къ тебѣ кучеръ пришелъ». Смотрю, кучеръ-то отъ моего барина. — «За вами пришелъ». — Зачѣмъ я ему нуженъ? — «Кажись вольную получать». — Это, говорю, будетъ нашему козырю подъ масть! Говорю: скажи, приду, увижу, какъ мнѣ время придетъ; выберу время!

Онъ уѣхалъ; я говорю дворецкому: позволь мнѣ сходить къ барину? — «Зачѣмъ?» — Кучера присылалъ, хочетъ мнѣ вольную давать. — «Вотъ это, говорить, хорошо!»

Прихожу къ нему, въ его квартиру.

— Здравствуйте! — «Здравствуй! Гдѣ поживаешь?» — Все на одномъ мѣстѣ, какъ опредѣлился, на томъ же мѣстѣ и живу. — «Это у Пашковой?» — У Пашковой; что вамъ угодно? — «Вольную желаешь получить?»

Актовую бумагу я принесъ. Онъ говоритъ: «сколько тебѣ лѣтъ?»—30 лѣтъ.

Онъ пишетъ записочку, чтобы я уплатилъ ему столько-то денегъ, срокомъ... я какъ-то не помню, сколько хотѣлъ взыскать.

Я говорю: да за что же это денегъ-то взыскать съ меня?—«Да какъ же, за то, что я тебя на волю отпускаю!»—Да вѣдь я вамъ съ малыхъ лѣтъ служилъ, развѣ я не стою этого. Вы припомните, когда папенька приказалъ вамъ отпустить меня, такъ я зналъ, что за дѣло, что я заслужилъ; я покоилъ его, онъ доволенъ былъ мною!

— «Ну, ступай къ князю Оболенскому, во II департаментъ гражданской палаты»... Это во время Крымской войны было, въ 53 году, должно быть.

Я показалъ князю записку; онъ прочиталъ, говоритъ: «какъ онъ глупъ, не разуменъ, не знаетъ закона, какъ пишутся вольныя—въ отпускныхъ капиталъ не поминается, только въ контрактахъ и условіяхъ». Говоритъ швейцару: «позвать ко мнѣ чиновника Клеопина»... Позвали, является чиновникъ, въ мундирѣ своемъ, со свѣтлыми пуговицами,— «что угодно вашему сіятельству?»

— «На, братецъ, напиши вольную, какъ законъ гласитъ». — «Слушаю-съ, исполню».

Написалъ вольную, приносить къ нему.—Онъ говоритъ: «хорошо!»

Я говорю: ваше сіятельство! я желаю предъ-явить!

— «Хорошо, говорить; я сейчас наведу справку, говорить онъ, по ней».

Я спрашиваю: не возьметъ онъ у васъ ее?

— «Никогда, говорить, никому не отдамъ, помимо тебя; ежели мой отецъ или твой отецъ придетъ — и тѣмъ не отдамъ».

Баринъ-то наказываетъ: «какъ вольная напишется, принеси, я подпишу». А я себѣ думаю: знаю его, какой онъ! удержать у себя, да скажетъ: «принеси мнѣ денегъ, тогда я дамъ ее». Знаю, что имѣнье его какъ яичко облупленное чисто, выкуплено; я и просилъ князя засвидѣтельствовать. Черезъ мѣсяцъ онъ получилъ справку изъ Орла, что никакихъ долговъ нѣтъ на имѣннѣ, что очищено оно.

Я не ходилъ ему для подписи-то — бѣсъ Ваньку не обманеть, Ванька самъ молитву знаетъ! Онъ спрашивалъ у людей: «приходилъ ли?» — Тѣ говорятъ: не приходилъ! — «Эка каналья, помимо меня обошелъ!»

Когда старшій уѣхалъ изъ Москвы, я пришелъ къ другому, младшему, брату... онъ этакъ немножко больной.

Говорить: «какъ же, вѣдь съ тебя нужно деньги получить». — За что, говорю? — «Да какъ же, говорить, братецъ тебѣ вѣдь вольную далъ!» — Да, вольную, говорю, да вѣдь это папенька приказывалъ тетенькѣ, чтобы насъ уволить — это дѣло папеньки покойнаго было. — «Да, все-таки деньги надобно». — А служилъ-то я? — «А какъ ты такъ особенно служилъ?»

— Какъ я служилъ? Вы больны были полгода, я отъ васъ не отходилъ, сколько съ вами по дорогамъ ѣздилъ, въ Крыму-то жилъ, сколько было хлопотъ!

А тутъ у него былъ одинъ господинъ, забылъ фамилію, говоритъ: «какъ вамъ не стыдно! Человѣкъ служилъ отцу вашему и вамъ»... Это все я высказалъ!

Тотъ сейчасъ взялъ подписался на вольной.

Я сейчасъ—у Пашковой были гости—я того, другого попросилъ засвидѣтельствовать... Готово!

Я къ Оболенскому приношу.—«Хорошо», говоритъ; навелъ справку, призываетъ: «ты чистъ», говоритъ.

Онъ плутъ, баринъ-то, сквозникъ, плутъ, ну да и я не послѣдній мошенникъ.

* *
*

Какъ съ малыхъ-то лѣтъ зналъ его горячку — въ лошадки съ нимъ бѣгалъ—такъ зналъ его.

По моей опытности: коли горячіе люди, такъ натошакъ имъ не говорить того, что его можетъ обезпокоить, растревожить. Прежде накормить, напоить его, успокоить этимъ, а потомъ ужъ докладывай, говори что нужно—онъ покойнѣе, кротче будетъ, потому сытъ, доволенъ.

Случилось въ деревнѣ: лошадь лошади ногу перегрызла; ѣзжалыя лошади были и цѣнныя, кажется 500 цѣлковыхъ онъ заплатилъ на аукціонѣ, на Поварской. Кучера испугались: они обѣдать пошли, въ застольную, далеко отъ конюшни. Мужикъ подлѣ конюшни работалъ, прибѣжалъ: «что вы, говорить, тутъ

сидите, шумъ такой у васъ на конюшнѣ, лошади вѣрно дерутся!» Прибѣжали, только отворили дверь, а этотъ конь-то выскочилъ и пошелъ, чрезъ одну да другую перегородку перелетѣлъ, вспотѣлъ весь, весь мокрый — злой какой! А тотъ на трехъ ногахъ въ своемъ стойлѣ стоитъ, четвертая мотается на кожѣ — этотъ не случайный былъ, а тотъ случайный; между ними перегородка была, барьеръ, аршина въ три вышины — такъ онъ выбилъ задомъ да наскочилъ на него!

Послали въ сосѣдскую деревню за коноваломъ, тотъ въ лубки связалъ ногу, на подпруги его приподняли, привѣсили такъ, что немного трогалъ ногами землю — педѣлю спусти паль!

Барыня узнала, когда случилось, а барина не было дома. Она говоритъ: «какъ бы такъ устроить, чтобы онъ не зналъ, какъ пріѣдетъ вечеромъ, а то онъ никому покоя не дастъ — ни мнѣ, ни дѣтямъ!»

— Будьте покойны, матушка, говорю: я съ малыхъ лѣтъ знаю его, въ лошадки съ нимъ игралъ — устрою такъ, что будетъ хорошо.

Когда пріѣхалъ — всѣ молчать. Я заказалъ и человѣку и старостѣ, чтобы молчали, не тревожили его, а то, говорю, вамъ всѣмъ будетъ бѣда.

А утромъ, какъ онъ всталъ, я далъ ему холодной воды выпить, потомъ онъ умылся, потомъ я ему кофею сварилъ.

Напоилъ кофеемъ, трубку ему подаль.

Послѣ кофея: «Дай мнѣ, говорить, стаканъ холодной воды?» — Извольте-сь!

А кучера ужъ пришли въ переднюю, я научилъ: какъ будетъ идти, вы на колѣни! чтобы какъ онъ отворить двери, вы были уже на колѣняхъ!

Онъ отворяетъ дверь, видитъ, что они на колѣняхъ стоятъ, — два кучера... «Что такое значить?» — Виноваты! — «Что?» — Такой-то такого-то, — называютъ клички лошадямъ, — перегородку выбилъ, шею сгрызъ и ногу перебилъ.

— «А, дураки! скоты! говорить, не могли усмотрѣть!» — Ушли объѣдать»...

Пошелъ самъ посмотрѣть, видитъ, что дѣйствительно такъ — ужъ имъ онъ ни слова не поминалъ!

Ужъ какъ всѣ были довольны, что я такъ сдѣлалъ. Онъ этакій горячій человѣкъ, вспыльчивый, всѣхъ бы перебралъ, никого бы не оставилъ, и женѣ, и дѣтямъ не далъ бы покоя горячностью своей.

Другой горячъ сдуру, а онъ только маленькую рюмочку желудочной выпьетъ; а послѣ завтрака или обѣда — мадеры рюмочку. Больше вина не пилъ, запретилъ докторъ; шампанское во рту чтобы не было — онъ слушался.

Каждый день мы его льдомъ натирали, а потомъ щеткою... умень былъ баринъ, только нервень. Отецъ его за умъ любилъ.

Дядя его, материнъ братъ, говорилъ отцу: «Ну, братъ, если бы у меня былъ такой сынъ, какъ Ни-

колай, я бы его посадилъ на лысину и носилъ бы— сколько у его ума и дальновидности!»

У Пашковой жилъ 20 лѣтъ, съ 51-го до 71 года. Она дѣвица была, пожилая, фрейлина двора.

Тоже горячая была, вспыльчивая, пыль такая—я или уйду, или молчу, стою, какъ вкопанный, чтобы успокоилась она. Правъ ли я или цѣтъ—пусть будетъ ея верхъ, а послѣ будетъ наша маковка. Послѣ какъ съ нея сойдетъ все это: «Ахъ, Астафій! не въ службу, а въ дружбу, сходи туда-то, сдѣлай то-то»... Извольте, ваше превосходительство!

Я у нея тоже былъ буфетчикомъ, жалованье у ней было 25 рублей.—«Я, говорить, больше не даю»—это выйдетъ 7 руб. 15 коп. серебромъ.—Я говорю: извольте, я вамъ послужу. Потомъ стала прибавлять: 8—9—10—до 10 рублей дошла! Я хотѣлъ уйти—жалованья мало... «Я, говорить, прибавлю». Дошло до 10—я остался, больше ничего!

Пріѣздъ у ней былъ огромный; въ торжественные дни у ней до 100, съ визитами; кто карточку оставить, а то я записывалъ, кто гдѣ живетъ—иногда и не обѣдалъ, а уйдешь—Богъ знаетъ тутъ что случится.

Одинъ разъ говорить: «у меня былъ Сушковъ, а ты не доложилъ». Я говорю: кабы онъ былъ,—я бы доложилъ, или бы карточку онъ оставилъ; какъ, говорю, не стыдно дворянину врать!

— «Какъ смѣешь такъ говорить! онъ мнѣ племянникъ!»—Я говорю: все равно; надобно быть дворяниномъ...

— «Ты пьянъ!» говорить.

— Нѣтъ, говорю, не пьянъ, а упрямъ; я еще не ходилъ ѣсть, чтобы вы были покойны, а вы такъ на меня разгорячились.

Сама каждый день выѣзжала, 6 лошадей и 2 кучера; 15 или 16 человѣкъ насъ прислуги было. Я былъ грамотенъ, смѣтливъ, къ ея характеру привыкнулся, она меня любила.

У нея братъ съ нею на квартирѣ жилъ — такъ себѣ, не мудреный, путнаго и ума-то не было; по-французскому, по-нѣмецкому обученъ былъ, а не дальнаго ума. Да чего: у него былъ крѣпостной, чувашъ или мордва, Симбирской губерніи, такъ онъ ему и скажи: ты дуракъ! а тотъ отвѣчаетъ: «ты самъ дуракъ! у тебя умъ-то купленный, а у насъ, какой есть, природный!»

Пашкова желала, чтобы я ему служилъ, и положила за него 3 рубля жалованья; сказала ему, а онъ говоритъ: «я самъ, самъ буду давать»... не давалъ! Мѣсяцъ прошелъ—молчить, 2... полгода—всемолчить. Потомъ какъ-то на Святой пришелъ: «Астафій, ты на меня не сердись?» — Я вѣдь человѣкъ съ умомъ, помилуйте!..

Я племяннику говорилъ—какъ знаешь, говоритъ, сдѣлайся! Просилъ у него записочки, что жалованья не получалъ; нѣтъ, не даетъ, такъ мои деньги и пропали, когда онъ умеръ.

Знали, что я такой плутъ, что я вездѣ дорогу нашель бы, хоть бы къ генералъ-губернатору самому!

Сыну его, ея племяннику и крестнику, я ужъ изъ богадѣльни писалъ, чтобы разложить хотъ по 5 рублей въ мѣсяцъ—всего за отцомъ за 7 лѣтъ 11 мѣсяцевъ, по 3 рубля въ мѣсяцъ, 285 рублей вышло.

— «Знать его, не знаю, говорить, отдалъ письмо назадъ, и дѣла, говорить, не хочу имѣть съ нимъ». А съ тетки-то вѣдь онъ тысячь 100 получилъ, вотъ какой разъ.

У Вицына былъ потомъ—мало былъ, жена кляузы принимала.

У Смирнова, товарища прокурора; его перевели въ Одессу. Тутъ я поступилъ къ Селиванову—5 лѣтъ былъ у него—очень хорошо! Горячь, вспыльчивъ, но хорошо. «Видно, говорить, что ты въ домѣ выросъ, выдержанъ; который, говорить, человѣкъ въ домѣ выученъ, совсѣмъ другой человѣкъ, другая сноровка».

Вѣдь и то-то я съ 8 лѣтъ былъ у барина и отецъ былъ господинъ. . . .

V.

Я Костромской губерніи, Макарьевского уѣзда, деревни Осиповки; деревня душъ полтораста — сперва починъ былъ отъ села, а потомъ и разрослась.

Дядю очень любилъ. Дядя мой рѣзбу деревянную рѣзалъ, такую, что большія деньги бралъ за это — я его помню!

Въ ту пору глупъ былъ: зимой разъ, по снѣжку, отрепья изъ-подо льну принесъ къ уголку, къ избѣ, да и зажегъ, чтобы погрѣться — зимой-то, думаю, не загорится! Дядя и увидалъ: — «ты, говорить, что дѣлаешь? Я, говорить, пойду отцу скажу». — Дяденька, молю, у меня руки озябли! — «А гдѣ ты спицу-то взялъ?» Я говорю: я у маменьки укралъ. Онъ меня за волосы потрясъ и ничего не сказалъ — только по-смѣялись надо мной послѣ... да.

Я у отца одинъ былъ, онъ не билъ меня.

Разъ собаку купилъ у сосѣда за 40 коп.; деньги когда отецъ, когда мать подаывали — я и скопилъ 40 коп. Привелъ ее домой, сдѣлалъ клѣтушечку къ зимѣ, чтобы курицы не гоняла. Отецъ увидалъ, что

собака лаетъ: «гдѣ ты, говорить, собаку досталъ?» — А я говорю: мнѣ дяденька Филиппъ далъ собаку. — «Что ты, говорить, за нее ему далъ?» — Я говорю: такъ онъ мнѣ далъ. — «Отведи же, говорить, сейчасъ ему назадъ, чтобы я ее не видѣлъ». Я его не послушалъ на первый разъ. На третій день онъ говоритъ: «ты собаку еще не отвелъ?» а я въ отвѣтъ ничего не сказалъ... да... Онъ меня взялъ за волосы, потрясъ: «иди, говорить, собаку отдай!» Тутъ подзатыльника два далъ мнѣ и выгналъ собаку изъ избы, на волю ее прогналъ; старый хозяинъ ее взялъ.

Я такъ былъ годовъ 8—9.

У дяди много было подругъ въ сосѣднемъ селѣ. Онъ часто посылали за нимъ меня: «иди, скажи ему, чтобы шелъ сюда, погулять!»

Спрашивали меня дѣвки: «что, говорятъ, дѣдушка женить будетъ ли его?» Дѣдушка хотѣлъ его женить, а онъ говоритъ: «а вотъ когда солдатство провожу» — такъ и не женилъ. Его сдали въ солдаты, онъ гдѣ-то около дворца, въ мастерской служилъ, только четырехмѣсячное обученье получилъ, такъ его и откомандировали изъ строя; тамъ и померъ.

Онъ крѣпокъ былъ!.. да. Деревня была большая, ни одинъ къ нему не подбирался, чтобы его сбить, или перетянуть, онъ вездѣ лѣзъ, какъ выпивши; бо-ролся, зналъ, что его верхъ будетъ — развѣ какой хвастунъ или незнакомый ударятся съ нимъ, чей верхъ, или на полведра, или на четверть водки... ближніе-то знали, — не смѣли.

Камень у насъ былъ, осередь улицы (и теперь лежить), девять пудовъ 8 фунтовъ,—ножики вотъ объ него да топоры точать,—такъ онъ его по улицѣ, хоша не по всей улицѣ, носилъ да и надсадился. Все что-то поговаривалъ: «тятенька, говорить, у меня грудь болить!»

Многіе тутъ говорили, что его не забреютъ, что боленъ—взяли. На другой годъ извѣстье въ Ильинъ день пришло, что померъ... да.

Онъ меня очень любилъ. Какъ съ базара придетъ, такъ онъ мнѣ яблско или пряникъ. Какую онъ рѣзбу рѣжетъ, я все съ нимъ, не то что такъ, а для повадности, куда меня пошлетъ сбѣгать. Вотъ къ дѣвкамъ, весной и осенью лень треплютъ, трепало сдѣлаетъ и меня пошлетъ, скажетъ: «такой-то, вотъ, снеси трепало».

У насъ есть рѣка, только не стрежнемъ, и ямы глубокія были. Мы весной бѣгали, бѣгали по водѣ, вода разливалась. Ходили, ходили, я оборвался въ яму, меня затащило, вода вертится, меня кружить. Мальчики выбѣжали, говорятъ: «тетушка Аграфена, вашъ Егорушка вымочился!»—«Гдѣ», говорить?—«А вонъ въ ямѣ-то!» Она побѣжала—у меня только волоски виднѣются. Вытащили меня, я не дышу, нахлебался воды. Она закричала, прибѣжали, меня стали качать. Не помню, что со мной сдѣлали, только помню, что мнѣ голову и все тѣло растирали. Я поопаматовался, сталъ воду-то рыгать; похворалъ съ недѣлку—все прошло.

Тогда не бранили, только на рѣку не велѣли ходить, а я выздоровѣлъ только, съ маленькими ребятишками опять пошелъ. Мать меня увидала, изловила, взяла прутикъ, да на рѣчкѣ попоролла, не очень крѣпко, пострадала: «ты, говорить, опять потонуть?!»... да.

Я тогда ужъ былъ лѣтъ десяти.

У насъ избу ломали, только верхъ передѣлывали.

Всѣ ушли обѣдать, а я влѣзъ баловать, сталъ смотрѣть внизъ-отъ, да и упалъ. Упалъ и не встаетъ, ногу зашибъ и руку повывихнулъ; бабушка повыправила—въ ту пору рука у меня недѣли три не поднималась. Въ больницу къ фельдшеру меня—онъ мази далъ, мазали, которое мѣсто ушибъ. Выздоровѣлъ недѣль черезъ десять.

Выздоровѣлъ, послѣ тѣхъ поръ, пошелъ... Колодезь у насъ былъ, не очень глубокий, сажени такъ три. А тутъ пильщики пилили. Я взялъ опилковъ въ подолъ, подола три высыпалъ, всю воду закрылъ—высыплю и смотрю: что она тамъ—кашу, молъ, сварю!

Сосѣдка меня увидала, взяла да меня за руку, да въ подклѣть и посадила. Я тутъ очень верещалъ, плакалъ. Тутъ другая сосѣдка услышала: «Что это, говорить, тутъ верещить?» — «Вонъ, говорить, Иванова Егорку посадила, онъ, говорить, посмотри-ка въ колодцѣ-то, полный опилковъ набросалъ!» — «Ну полно, говорить, дура, выпусти! Отецъ-то, говорить, Иванъ узнаетъ-то, говорить—смотри!»

— «Я вѣдь только, говорить, пострадать, чтобы впредь не дѣлалъ».

Тутъ вскорѣ выпустили меня; я обрадовался, прямо домой, сталъ матери жаловаться: вотъ, молъ, меня Танька посадила! — «А за что», говорить? — Вотъ, молъ, я опилковъ въ колодезь насыпалъ. — «Такъ ты бы, говорить, не сыпалъ». Посмѣялись надо мной.

Мать-то у меня говорить и всѣ люди-то: «не сносить своей головы — и тонулъ, и убивался»... да!

Деревня у насъ очень плотна, застрѣхъ на застрѣхъ, вотъ мы и перебѣжимъ по крышамъ; повѣти-то гдѣ сгнили — я и провалился, къ коровамъ въ хлѣвъ! Ужъ это дѣло вечеромъ было. Хозяйка услышала, какъ я заплакалъ, встать-то мочи-то не было, я весь расшибся. Она сказала отцу моему: «Иванъ, иди, говорить, ушибся, говорить, у тебя сынъ-отъ, по кровлѣ, говорить, нашей бѣгалъ, провалился».

Ну, сейчасъ тутъ за мной прибѣжалъ отецъ, не билъ ужъ, я расшибся; принесъ домой. Я долго хворалъ; какъ провалился-то, я на ноги упалъ, ноги отшибъ, ноги не ходили у меня. Послѣ отлежался, недѣли три лежалъ.

Побольше сталъ, отецъ сталъ говорить: «учить, говорить, надо грамотѣ отдавать». Хотѣлъ меня въ училище отдать, такъ училище у насъ далеко — верстъ двѣнадцать отъ насъ. А мать говорить: «лучше отдать, говорить, въ свое село; три рубля, говорить, вотъ у насъ просить, говорить, дьяконица, дадимъ, говорить, ей»... да.

Отецъ пошелъ въ воскресенье въ монастырь Богу молиться да и объ этомъ-то спровѣдать, что не возъ-

метъ ли. И порядили ее, значить: хлѣбъ ей свой, картошку, капусту, пшено, весь приварокъ привозили и три рубля платили за мѣсяцъ. У нихъ совсѣмъ и ночевалъ, нитался и жилъ совсѣмъ. Только на одно воскресенье привезутъ меня домой, поразгуляться—какъ равно соскучился!

Я только тутъ учился читать, писать не учился; отецъ говорить: «чтобы читать только, говорить, послѣ писать-то скорѣе пойметъ».

Я поучился мѣсяца полтора у нихъ — понималъ плохо. У дьяконицы-то еще двѣ дѣвки были; онѣ по своему-то, духовенству, по вечерамъ ходили, совсѣмъ мало занимались. Только встану утромъ, займусь этакъ часа два, потомъ гулять отпустить—опять все и забуду, что повыучилъ. Мнѣ было годовъ 11.

Священникъ къ намъ пріѣхалъ. Онъ къ намъ лошадей становилъ; я тутъ какъ-то приводился дома. «Что, говорить, не грамотѣ ли, говорить, учишь сына?»— У дьяконицы, говорить, учится.— «То-то, говорить, я видѣлъ, они балуютъ, бѣгаютъ, плохо, говорить, навѣрно они учатъ, некогда, говорить, ему учить-то»... да. Тутъ, говорить: «отдай-ко лучше дьячку монастырскому, онъ, говорить, въ прошлые года училъ мальчика, показалось мнѣ, говорить, онъ хорошо учить».

Ну, пошелъ отецъ въ воскресенье, да зашелъ къ нему.— «Ну, говорить, кабы мальчиковъ пятокъ, говорить, такъ взялъ бы, а за однимъ-то, говорить, хлопотать-то!»

Ну тутъ отецъ сказалъ кое-кому знакомымъ, кто говорили; насъ собралъ 4 мальчика, потомъ и отдалъ. Сталъ насъ учить дьячокъ, у дьячка мы и стали учиться. Очень сердить дьячокъ былъ... да. Оттоль ушелъ я. Чѣмъ свѣтъ учились и какъ ужъ не видать будетъ, до вечера.

Тутъ ужъ мы встали на квартиру, къ теткѣ, только мы двое, а тѣ этого села были. Дьячокъ намъ послѣ 9 часовъ до 12 опять велѣлъ приходить,—такъ, что, говорить, у меня въ полтора мѣсяца, говорить, будетъ читать порядочно, съ тѣмъ и взялся.

Съ недѣлю я походилъ, очень онъ сталъ насъ бить, щипать. Я ввечеру и убѣжалъ домой,—версты 3 было,—какъ ввечеру отпустилъ онъ меня, я не зашелъ къ теткѣ. Прибѣжалъ и сталъ маменькѣ жаловаться, что, молъ, меня очень бьетъ дьячокъ, я, молъ, не пойду къ нему учиться, я, молъ, пойду лучше къ дьяконицѣ учиться. Она сказала отцу, онъ меня за волосы потрясъ: иди, говорить, назадъ!

Впрягли лошадей и отправили тѣмъ же вечеромъ. Пристрастилъ меня, что, ежели, говорить, прибѣжишь опять, такъ я тебя, говорить, такъ одую!

Ну дьячку поговорилъ, что ты ужъ не такъ больно строго ихъ держи!—«Ну, говорить, ежели не строго держать, такъ нечего и учить», такъ сказалъ; «поѣзжай, говорить, вези его опять домой!»—Ну, отецъ говоритъ: Учи! Дѣлать нечего, какъ знаешь.—«Онъ, говорить, вѣдь лучше, чѣмъ эти трое понимаютъ, только онъ видно на нѣжкѣ у тебя росъ-то!»... да.

Ну, я у него учился послѣ тѣхъ поръ еще недѣли двѣ, ужъ сталъ тутъ почитывать, по-церковному, по-граждански еще не умѣлъ; а тѣ еще плохи были: «ты, говорить, имъ подсказывай!»

Тѣ стали ему на меня жалобиться: ничего, говорить, не подсказываетъ! Тутъ меня сталъ дьячокъ потеревливать частенько, когда даже и отдуеть, урока ежели не выучишь. Я опять отъ него убѣждалъ, сталъ отцу жаловаться; онъ, молъ, меня ничего не учитъ, сталъ жалобиться, врать.

Послѣ тѣхъ поръ я дома ужъ былъ, такъ больше учиться въ ту зиму не пошелъ. Отецъ бы воротилъ, да матери жалко сдѣлалось.

На другую зиму къ намъ безногой мужикъ пріѣхалъ—кто его знаетъ, онъ не нашей губерніи, такъ только мальчиковъ учить. Вотъ у насъ собралось мальчиковъ 7, изъ деревни, ему учить-то.

Ну, я тутъ учился ничего, у него, мѣсяца 3 у него учился, псалтырь ужъ хорошо читалъ. Отецъ говорить: «Ты учи его писать»... Я писать сталъ, плохо выучился писать, въ зиму мѣсяца полтора учился писать; выучился писать крупными словами, а еще плохо писалъ.

Весной-то опять отецъ не отдалъ никуда учиться, такъ опять цѣлое лѣто дома жилъ, не забылъ читать-то я, читалъ и пописывалъ, маралъ, отецъ заставлялъ,—онъ неграмотный былъ.

Осенью пріѣзжалъ священникъ-то изъ села, нови собирать, приходитъ къ намъ. «Ну что, говорить, обучилъ ты сына грамотѣ?» — «Да, говорить, теперь по-

читывается». — «А писать, говорить, научил?» — «Писать-то, говорить, мало еще научился». — Онъ вынулъ изъ шкафа книжку, подалъ мнѣ: «на - ко, говорить, почитай, я послушаю». Открываетъ — какъ разъ попался мнѣ пятидесятый псаломъ: «Помилуй мя, Боже»... Я его такъ твердо зазубрилъ, такъ что наизусть его зналъ и теперь даже не забылъ, знаю. Я его такъ рѣзко прочиталъ, онъ меня похвалилъ: «Смотри, говорить, какъ рѣзко читаетъ!» Говорить: «писать-то можешь?» — Нѣтъ, говорю, батюшка, не очень еще хорошо писать-то. — «Ну, говорить, пиши!» — Рука еще у меня дрожитъ. Написалъ плохо. — «Ну, говорить, пописать-то надо, говорить, поучиться; вотъ я, говорить, пропись тебѣ дамъ, пиши, говорить, пока-мѣстъ съ прописи. Мелко, говорить, не пиши, а то, говорить, ты руку свою попортишь».

Въ воскресенье другое пошли Богу молиться, да зашли къ нему, онъ пропись далъ. У меня и по прописи опять дѣло не клеилось, писать я ничѣмъ не лучше сталъ — ну что, одинъ посидишь, указать некому было, грамотныхъ не было у насъ никого.

Около Рождества или Крещенья, со святомъ священникъ къ намъ прѣхалъ. Опять спрашиваетъ, шутить со мной: «Получше ли писать сталъ?» — Нѣтъ, молъ, батюшка... Свою-то тетрадку ему и подаю. — «Плоховато, говорить! Пришли, говорить, его на недѣлю ко мнѣ, отпусти, говорить, я его, говорить, научу писать-то». — «Больно бы ладно, говорить, батюшка, какъ ежели бы взялъ», говорить.

Ну вот прихожу я къ нему, велѣлъ приходить; я у него съ мѣсяцъ учился писать, жилъ тоже у тетки. Сталъ порядочно писать, у него повыучился, потомъ домой онъ меня отослалъ: «обучайся, говорить, наминай руку... да... учись, говорить, старайся дома, теперь ужъ можешь дома писать».

Въ церковь когда сталъ похаживать, такъ онъ меня сталъ на крѣло съ ставить. Онъ мнѣ сталъ книжки подавывать, я начитался порядочно, исторіевъ, или какіе про святыхъ отцевъ, или какіе рассказы. Тутъ сталъ заставлять за ранней обѣдной часы читать... да... сперва-то робѣлъ, не смѣлъ, а тутъ потомъ поосмѣлился, сталъ за поздней часы читать. Тѣ товарищи, что со мной учились, тѣ апостола читали, а у меня робость была, голосу какъ не было.

Сперва каждое воскресенье ходилъ, а послѣ побаловался—сталъ рѣже ходить въ церковь.

Тутъ отца моего выбрали сборщикомъ, подати собирать со своего участка. Онъ постоянно меня бралъ, онъ писать-то не умѣетъ. Я еще на счетахъ не очень былъ и ошибался, ну такъ онъ высчитывалъ, а я записывалъ: сколько сдано, сколько недоимку за нимъ осталось... да!

Мы собирали подати по 2 года. Ну тутъ я сталъ одинъ ходить; какъ ему недосугъ, одному мнѣ сталъ довѣрять. Мнѣ ужъ лѣтъ 14, 15 было, со старостой вдвоемъ ходили. Староста, значить, принуждаетъ платить, а я принимаю подати. Тогда два года—отецъ у меня не пожелалъ еще—другого выбрали.

Тутъ мы завели поташный заводъ, золу, пепель, варили; я за пепломъ ѣздилъ, а онъ на заводѣ, каждую недѣлю варили, рублей 8 и 10 когда останется. Все и варили до тѣхъ поръ, какъ на службу пошелъ.

Хлѣбъ у насъ, на этой на золѣ-то, хорошо родился, изъ всей деревни узнаешь полосу, которая на золѣ-то, какъ стѣна стоитъ, умолоть только поменьше былъ. Теперь отецъ одинъ остался, безъ меня, продаль—у насъ еще вѣтряная мельница, толчея есть—такъ, говорить, некому смотрѣть... да.

Около этого времени сталъ за охотой ходить, лѣтъ 18-ти, 19-ти. Первой, съ дядей ходилъ, у него собака была, у меня еще не было. У насъ вотъ рябки, глухари, тетери. Съ Петрова, значить, дни пойдешь и ходишь до Покрова. А тутъ послѣ Покрова — за бѣлкамъ; продавали по 25 коп., по полтинѣ, каждая бѣлка.

А зимой у меня капканы были, зайцевъ ловить, попадали волки въ капканъ и уносили капканы. Рысей двухъ изловилъ въ капканы. Трехъ лисъ изловилъ. Лиса одна была уже мертвая, а то двѣ были живыя; вырубилъ такой стяжекъ—а то она сердита такая въ капканѣ-то, не подпускаетъ ни за что — стяжекъ сажени въ двѣ вырубилъ и убьешь, а съ короткимъ такъ пожалуй и бросится! А рысь изъ ружья. Капканъ тотъ она съ полверсты протащить, ладно гдѣ между березъ завязнеть.

А то мы еще лося убили съ дядей. Осенью за охотой пошли, собака идетъ позади насъ; въ сторонѣ

что-то треснуло—посмотримъ, а лось! Сейчасъ пули опустилъ въ дуло—бухъ въ него! Оба въ него. Дымокъ попровалилъ: отъ того мѣста отошелъ сажень пять, упалъ; пришли: подыхиваетъ, кровь изъ него лъетъ. Тутъ до деревни было верстъ 7; пришли въ деревню. Тутъ кожу съ него сняли, его изрубили и въ кадку склали, увезли въ деревню. Тутъ которо продали, которо сами съѣли.

Мясо не очень вкусно, не очень хлѣбоко, пахнетъ болотиной; въ овощахъ варили, такъ совсѣмъ навару не было, совсѣмъ черствое мясо; а вѣсу было 16 пудовъ. Шкуру продали за 7½, перекупщику какому-то, на базарѣ, въ селѣ... да.

А то на кулигу ходилъ къ намъ медвѣдь, овесъ у насъ былъ посѣянъ, овесъ топталъ. Мы собрались: пойдемте, моля, его стеречь. День сходимъ, онъ не придетъ, уйдемъ опять назадъ. Дни по четыре мы ходили, четверо насъ было.

Пришли мы на четвертый день, съѣли—во всѣ стороны кулиги-то — какъ ежели онъ придетъ, съ которой стороны, застрѣлить, значить, его.

Сдѣлалось темно ужъ, медвѣдь не приходитъ, облачко нашло, дождикъ пошелъ, ни зги не видно. На насъ было надѣто по шубнику и по халату, для всякаго случая, для дождя и для всего. Просидѣли ужъ долго, стали скликаться: «пойдемте домой, какой тутъ медвѣдь, по 4-й день ходимъ, развѣ его укараулишь». Стали сходитьсь, а онъ выбѣжалъ со стороны да и съѣлъ на одного, повалилъ его, онъ и

закричалъ: «батюшки, говорить, медвѣдь заѣлъ меня!»
А мы думали, ночью-то не видно, что онъ дуристъ!

— «Бѣда! говорить, иди, говорить, медвѣдь заѣлъ, стрѣляйте! говорить, скорѣе».

Мы видимъ вправду кричить. Онъ кричитъ: «стрѣляйте!» — «Михайло, молъ, ежели тебя застрѣлишь?» — «Все равно, говорить, хотъ меня застрѣлите, стрѣляйте!» Стрѣлять-то боимся! Одинъ сталъ стрѣлять-то—ружье не сдало.

А онъ кричитъ! Другой сталъ стрѣлять—пистонъ спалъ — тутъ дрожжишь, самъ себя не помнишь: и стрѣлять-то и чтобъ его не убить-то. Видишь, какъ будто шевелится — поприкорнулъ, нацѣлился, бухъ! выстрѣлили я, словно безъ ума сдѣлался: Михайла-то застрѣлили? медвѣдя ли?

Дождикъ порядочный. Медвѣдь соскочилъ съ него, убѣжалъ. Мы къ нему подошли. «Руку вотъ, говорить, искусалъ», не очень, язвочекъ понадѣлалъ, а сквозь-то шубу не очень искусалъ, все-таки кровь течетъ порядочно. Отъ рубашки оторвали подолъ, перевязали; еще плечо помялъ, не укусилъ.

Пошли въ свою деревню, а это было съ воскресенья, еще людей на улицѣ много было, такъ что лопокъ нашъ слышали. «Ну что, говорятъ, ребята, кого вы стрѣляли?»

— Вонъ, говорю, Михайлу стрѣлили, хорошо, что не убилъ. — Не вѣрятъ; онъ сталъ говорить это; пришли въ избу, развязали перевязку, да къ фершелу въ село поѣхали.

Проведя ночь-то, пошли опять на то мѣсто, гдѣ медвѣдя убили; приходимъ: онъ всего-то отъ того мѣста сажень 50 и лежитъ мертвый. Взяли его, оснимали. Сала подрали съ него... жирный! шкуру продали за 3¹/₂, а его бросили,—у насъ не ѣдятъ медвѣдя, скажутъ—опоганился.

А то еще у насъ медвѣдь уши оборвалъ мужику. Смолокурня у нихъ была въ лѣсу. Онъ остался одинъ на заводѣ-то, всѣ уѣхали. Онъ сталъ дрова рубить, снѣгу много было, глубоко. Онъ срубилъ сосну — вершину пришлось какъ разъ по берлогѣ! Онъ выскочилъ, медвѣдь-то; предъ нимъ всталъ на дыбы, а онъ хлопъ ему обухомъ по лбу — не то что востріемъ, а обухомъ; ужъ онъ испугался очень, думалъ, что востріемъ, а обухомъ!—«Онъ меня, говоритъ, сгребъ, да и давай ломать. Ломалъ, ломалъ, говоритъ, потомъ за ухо хватилъ, потомъ, говоритъ, за другое — навѣрно, говоритъ, самъ себѣ говорю, голову откусить, лежу, говоритъ, не дышу».

Днемъ это дѣло было.

«Потомъ, говоритъ, подойдетъ да послушаетъ, что живой ли? Тутъ, говоритъ, весь вершинникъ—который дрова-то рубилъ — весь вершинникъ стаскалъ на него, навалилъ, сглуха завалилъ».

Говорить: «вижу, долго не приходитъ, надо, говорить, вылѣзть»—самъ себѣ говоритъ, — «потомъ вылѣзъ, его нѣтъ; ушелъ, говоритъ, въ избушку».

«Идти, говоритъ, мнѣ мочи нѣтъ»; а снѣгъ глубокий, никто не пріѣзжалъ къ нему. На третій день

братъ къ нему прїѣхалъ, «кричить, говорить, меня. Вылѣзаю я изъ избушки-то, а онъ меня не узнаеть: что, говорить, съ тобой?» — «Несчастье, говорить, братецъ, случилось, медвѣдь было заѣлъ». Сталъ спрашивать: какъ, отчего? увезъ къ себѣ въ деревню, въ село, къ фельдшеру.

Въ больницѣ лежалъ онъ долго, съ годъ никакъ лежалъ; залѣчили, теперь ходитъ по монастырямъ, Богу молится, въ Кіевъ раза два ходилъ!... да.

Еще вотъ, не въ нашей деревнѣ, верстъ этакъ 12, въ селѣ Хмелевкѣ, мужикъ, этакъ, пошелъ лошадей искать. Только взошелъ въ лѣсокъ, этакъ, медвѣдь на него выбѣжалъ, сѣлъ, этакъ, на него. Это дѣло было вечеромъ, бабы коровъ искали, пастуха не было. Онъ закричалъ, этихъ увидалъ бабъ: «батьюшки! заступитесь, помогите!» Бабы, подумавши, что это собака на него сѣла — тутъ всѣ охотники, такъ собакъ много — подумали, что собака, подбѣжали къ нему, взяли по хворостинѣ. А ужъ онъ искусалъ мужика прытко, покамѣ онѣ бѣжали, — это было годовъ пять тому назадъ, — онъ соскочилъ съ этого мужика да на бабу и бабу искусалъ, а та баба убѣжала — ихъ двѣ было.

Побѣгъ въ деревню медвѣдь-то. Баба воду черпала въ колодезь — онъ ее сгребъ — тутъ ту бабу искусалъ, только одну ногу искусалъ.

Мужики тутъ близко гробы дѣлали — у насъ лѣсъ толстой, такъ гробы дѣлають, да на базаръ возять — кто съ кольемъ, кто съ чѣмъ набѣжали, отбили бабу.

Тутъ побѣгъ въ другую деревнюшку, двухъ маленькихъ мальчиковъ искусалъ; тѣхъ двоихъ, тѣхъ не до смерти, тѣхъ вылѣчили. А тѣ, что въ лѣсу-то мужика да бабу,—такъ тѣ померли... да!

Взяли мужики ружья, да за нимъ побѣжали, это дѣло было осенью. Отбѣжавши версты полторы, остановился медвѣдь, сѣлъ; мужики-то къ нему и онъ на нихъ... Его ужъ тутъ застрѣлили, до себя не подпустили.

А то еще вотъ: мужикъ у насъ пошелъ ловить рыбу. Подходить къ рѣкѣ: увидалъ на другой сторонѣ лося, бросилъ прямо сѣть, побѣжалъ въ деревню, за ружьемъ. Прибѣгаетъ, видитъ: на той сторонѣ шевелится въ кустахъ-то; какъ лося-то видѣлъ тутъ — бухнулъ! Переправляется на сторону, смотреть: былъ лось—убилъ медвѣдя!

Вотъ еще у насъ мужикъ ружье на сторогу ставилъ. Баба жала овесъ, выжала полполосы и ушла домой. Пришелъ мужикъ послѣ нея и поставилъ на сторогу—медвѣдь ходилъ въ овесъ-отъ.

Пришелъ домой, никому не сказалъ, что на сторогу поставилъ и поутру его снять позабылъ.

Пошла баба опять на ту полосу жать, дождалась до нитки стороги—бухъ въ нее! Отстрѣлило лѣвую ногу совсѣмъ, такъ только на однѣхъ жилахъ висѣла!... да.

А мужикъ, это, въ то время молотилъ на гумнѣ и услышалъ этотъ лопокъ: «чу! говорить, когда пришелъ медвѣдь-отъ!» Бросилъ молотило, впрягъ ло-

шадь и прямо въ то мѣсто, гдѣ ружье на сторогу поставилъ. Приѣзжаетъ, смотритъ—баба, не медвѣдь! Тутъ эту бабу онъ привезъ домой; она еще живая, съ недѣлю еще жила.

Сначала-то онъ посулилъ мужика — чья баба-то была—молодая была, только еще первый годъ замужемъ, да не далъ.

Тутъ заявили становому приставу; становой приѣзжаетъ, съ докторомъ—еще она жива была. У нея хотѣли ногу отнять, она не пожелала, лучше, говорить, пуцай умру! Она померла. Мужикъ бабинъ-отъ сталъ хлопотать.

Ну, этотъ мужикъ говорить: «ты когда вздумалъ хлопотать послѣ время»; пошелъ да становому приставу и набухмосилъ: «она бы, говорить, жива была, онъ ее окормилъ, онъ, говорить, ее отравилъ, она стала оклемываться».

Тутъ доктора изъ нашего Макарьевского уѣзда стягли; она лежала ужъ дней восемь въ землѣ; скрывали тутъ потомъ, а въ ней ничего не нашли.

Этого мужика, значить, засудили, за неосторожность и за вранье, на три мѣсяца въ тюрьму. Онъ бы на поселенье ушелъ, на каторгу, кабы она не простила его,—она простила его. Да на 6 недѣль молиться Богу его!... да. Допросъ былъ у общества объ мужикѣ — замѣчаній никакихъ не было, поведения хорошаго.

Мы вотъ съ отцомъ ѣздили за бревнами въ лѣсъ; выѣзжаемъ изъ лѣсу, ужъ на наше поле, волкъ

встрѣтился. Отецъ говорить: «смотри, Егоръ, кто-то идетъ къ намъ навстрѣчу и собака бѣжитъ. Одна лошадь у насъ впередъ ушла, наша лошадь зафыркала. Батюшка говорить: «вѣдь это, Егорушка, волкъ, какъ бы ту лошадь не заѣлъ бы!»

Сѣли мы на бревно, бѣгомъ поѣхали настигать лошадь; подѣзжаемъ, а та лошадь стоитъ, храпитъ, что есть силы, фырчетъ. Мы испугались, не разорвали ли ей горло, что храпитъ такъ, — жеребецъ хорошій былъ. Посмотримъ, впереди лошади-то три волка стоятъ.

Батюшка взялъ топоръ и я взялъ топоръ, да за имъ, отгонять ихъ — они и не бѣгутъ, идутъ шажкомъ, оглядываются. Мы какъ сѣли, проѣхали, у насъ кони только за вожжи подарживай!

Приѣхали домой, дядѣ я сказалъ; взяли мы по ружью, не тутъ ли, молъ, они, навѣрно, молъ, никуда не уйдутъ, а ужъ дѣло было весной, дорога совсѣмъ плохая была — ихъ такъ и не нашли...

Потру приходитъ къ намъ баба, плачетъ такъ, она намъ родня еще. — «Иванъ Кондратьичъ, говорить, у насъ какая бѣда случилась!» — «Что, говорить, у васъ за бѣда?» — Говорить: «въ зимницу въ окошко, говорить, волкъ въ окошко влѣзъ и задалъ трехъ овецъ и двухъ ягненокъ. Окошечко, говорить, у насъ заволочено было, я, говорить, пошла имъ пить носить, а онъ, говорить, въ окошко-то! ровно его не бывало».

Стали волка стеречь, не придетъ ли — не пришелъ.

По другую ночь у мужика собаку съѣлъ, заѣлъ, на привязи... да.

А то вотъ у насъ мужикъ ловилъ рыбу; яма глубокая была, тамъ щуренокъ (щучка)—нарочно за нимъ ходилъ. А изъ этого омута такая была заводь, стреженекъ не очень глубокой. Онъ приходитъ къ самой ямѣ и ставляетъ сѣть, глубины было аршина $1\frac{1}{2}$.

Поставилъ сѣть, пошелъ выгонять, не тутъ ли щуренокъ! Зашелъ, сталъ батогомъ щупать—тутъ отъ краю шаркнуло! Посмотрить, его сѣть-то потащило. Вотъ онъ взялъ за другой конецъ, чтобы обводить другой разъ—побоялся, что прорветъ сѣть въ одинъ-то рядъ—соскочилъ, сталъ опутывать его въ водѣ-то, въ сѣти-то самъ и запутался; а онъ его поволокъ въ яму, щуренокъ-то.

Мальчикъ съ нимъ былъ, годовъ 5 или 6. Онъ закричалъ: «бѣги скорѣй въ деревню, тону!» Мальчикъ испугался, побѣжалъ... Прибѣгли мужики, ужъ его живого не застали, не откачали!

Былъ 27 фунтовъ щуренокъ-то! Вытащили и ее, все-таки запуталась и она; ѣсть ее не стали, въ ей нашли двѣ гадины, змѣи.

Я вотъ весной въ дѣлянкѣ лѣсу бралъ фортанчикъ маленькой, еще мнѣ понадобилась плотина на соху. Прихожу я въ эту дѣлянку, смотрю: стоитъ лось и 2 лосенка! У меня топоръ съ собой былъ; я вырубилъ вичу, большой стягъ, и пошелъ къ нему, что, думаю, не хворой ли какой?—Онъ началъ лягать-

ся, прытко сталъ лягаться; я шельгнулъ вичей-то— онъ убѣгъ, а лосята остались. Одного я какъ поперекъ хлеснулъ, такъ у него заднія ноги не пошли, а другой убѣжалъ. Перевязалъ его, на себѣ и унесъ его въ деревню; хорошій былъ, лучше чѣмъ теленка нашего,—попойшь недѣлю,—дюжій, жирный, насилу-то я его дотащилъ. Шкуру за 1½ рубля продалъ.

Разная дичь у насъ есть. Не одинаковая цѣна. Теперь послѣ Покрова 80 коп. пара рябчиковъ, а бываетъ и по 30 коп. пара, кое тепло, дождики; а вотъ какъ станетъ мерзнуть-то, такъ и 8 гривенъ.

Бѣлки 50 коп. пара и 25 и 30 коп.

Сорокъ тоже покупаютъ—10 коп. пара, въ Москву возятъ. Не мало я пострѣлялъ всякихъ.

Я вѣдь не думалъ, что отдадутъ меня въ солдаты, никто не подумалъ.

Зять былъ, ему льготы никакой не было. Отецъ мнѣ говоритъ: «возьми, говоритъ, пудовъ пятокъ льну, да сѣмя мѣръ десятокъ; ну, говоритъ, поѣзжай, посмотришь, говоритъ, какъ зятя будутъ брить, какъ всѣхъ бреютъ, какъ ревутъ».... Я взвѣсилъ льну и сѣмя и поѣхалъ къ зятю, а моя мать и сестра прежде ушли къ зятю, плачутъ тамъ, зятя собираютъ въ солдаты.

Вотъ я приѣзжаю къ зятю; приѣзжаемъ съ зятемъ въ село, гдѣ бреютъ; поѣхалъ и свать для повадности. Приѣзжаемъ, выкликаютъ всѣхъ: кому льгота, кому льготы нѣтъ, перекличку перекликаютъ, стали жеребья бросать. Зять вытащилъ 300-й жеребей, я

вытащилъ 45-й; а по второму разряду.... да. Потомъ на другой день стали брить.

Я тутъ исторговался, сѣмья и лень продалъ.

Зятя не обрили, обраковали, въ груди не вышелъ, да и грыжа, что ли, была. Потомъ лобовыхъ всѣхъ не хватило, стали третій разрядъ брить. Человѣкъ съ пять забрали и брить не стали, отложили до слѣдующаго дня. Вотъ далъ воинскій начальникъ приказъ, чтобы собрать всѣхъ, кто по второму разряду; который здѣсь, чтобы не отлучались, а которыхъ нѣтъ, чтобы непременно были здѣсь.

Мы запрягли было лошадку, больше намъ ждать нечего, домой было хотѣли ѣхать. Старшина говорить: «Вы куда? нѣтъ, говорить, подождите маленько, говорить». Ну я сталъ зятя просить: «ночуемте ночь-то, можетъ меня забреютъ», въ видѣ такъ смѣха говорю, я ничего не боялся. «Ну, говорятъ, можно ли тебя забрить!» А еще товарища, тоже изъ нашей деревни, забрали, онъ лобовой былъ; стояли мы на одной квартирѣ съ нимъ.

На другой день стали собирать всѣхъ по квартирамъ: приходимъ, выкликаютъ третій разрядъ — всѣхъ забрали! Чередъ теперь доводится до второго — 2-й начали брить.

Чередъ дошелъ до меня, меня поставили въ кругъ — «Годенъ!» говорятъ, «иди распишись». Тутъ пооробѣлъ какъ будто маленько, равно какъ все нарочно!... да.

Выхожу, свать спрашиваетъ: «что, говорить?» — Обраковали, говорю, самъ такъ и дрожду. Пошли

на квартиру съ тѣмъ товарищемъ, котораго забрили, взяли водки, выпили порядочно. А свать сталъ спрашивать: «что не сказываешь? не забрили ли тебя, Егоръ?»—Я, молъ, не знаю хорошо-то, говорили, что годенъ, а больше не знаю! Прямо-то я не сказалъ, такъ что станетъ горевать—онъ такой. Тутъ наборъ кончили, погнали къ присягѣ; потомъ дали билетъ и домой.

Тутъ я въ селѣ купилъ гармонью, 4 рубля далъ; потомъ приѣзжаемъ домой, а мать у зятя сидитъ, дожидается, что зятя не забрили ли, а про сына не подумаетъ! А товарищъ мой прямо поѣхалъ въ деревню, я ему запретилъ, чтобы не сказывалъ, что меня забрили, мамашѣ-то.

Приѣхалъ я къ зятю, а мать дожидается: «ну, что, говорить, какъ у васъ дѣла?» свата спрашиваетъ.— «Да у насъ дѣла, говорить, ничего, да и хорошаго-то, говорить, мало». А я свату заказалъ, чтобы не сказывалъ: «смотри, молъ, ты не моги сказывать».

Спрашиваетъ: «зятя-то не забрили ли?»—«Нѣтъ, говорить, въ ополченцы забрили».—«Ну, такъ это, говорить, ничего, сходить, говорить, недѣльки на три». Ну, а мы съ зятемъ-то были выпивши.—Скорѣе, молъ, матушка, поѣдемъ домой, лошадь, молъ, не стоитъ,—все чтобы свать-то не сказалъ!... да.

— «А это, говорить, что у тебя въ мѣшкѣ-то, что-то плещется!»—Я говорю: водочки взялъ, вина взялъ, чугунокъ, четверть.—«А зачѣмъ, говорить, тебѣ?»—

«А еще-то, говоритъ, что у тебя?»—Баранокъ, говорю, купилъ фунта три.

Пріѣзжаемъ домой, этотъ мѣшокъ взялъ прямо въ избу, работника послалъ лошадь выпрягать, а товарищъ, котораго забрали, приходитъ ко мнѣ.— «Ну, что, говоритъ, Румянцевъ, пойдѣмъ, говоритъ, опохмелиться?»

Я говорю: я захватилъ съ собой, вотъ у меня четверть есть, давай, говорю, опохмелимся! Я сталъ наливать.

Отецъ пріѣхалъ съ базара, кричитъ: «идѣмъ, Егоръ, мѣшки вывалимъ въ амбаръ!»—Я говорю: мнѣ недосугъ, возьми работника, у меня, говорю, гость пришелъ.

Ну онъ работника спрашиваетъ: «кого у насъ забрали, зятя забрали?»—«Нѣтъ, говоритъ, зятя не забрали, а что, говоритъ, Мишутку, говоритъ, забрали»—это моего-то товарища. «Мишутку, говоритъ, забрали».

Приходитъ домой, мѣшки свалили; мы сидимъ, выпиваемъ, налили по рюмкѣ.

Здоровается: «Здравствуй, говоритъ, Михайло», тужить объ немъ: «несчастье, говоритъ, забрали».— «Ну что же, говоритъ, дяденька Иванъ, можетъ, говоритъ, безсчастиѣ меня есть, да что, говоритъ, сдѣлаешь».— «Все одинаково счастье-то, кого забрали», говоритъ мой отецъ.

— «Ну», говоритъ товарищъ, «вынимай новинку-то, гармонью-то, посмотриѣтъ, говоритъ, она не вовсе ли

замерзла дорогой-то!»—Вынай, мошь, ее изъ мѣшка, вонъ онъ подѣ часовней лежитъ!

Отець у меня смотрить: «Это, говорить, чья гармонья?»—«Это, говорить, Егоруха купилъ».

— «Куда это, говорить, паре, тебѣ!»

Я мошь: «дешево попалась, изъ-за барышовъ купилъ».—«Вотъ я, говорить, посмотрю»—товарищъ-то—«много ли ты съ ей набарышничаетъ!»

— «Не нужно покупать, говорить отецъ, ты ужъ, говорить, мужикъ, не хорошо!»

Я знаю, что, мошь, не очень хорошо, да ужъ видно такая судьба моя!—я и не вытерпѣлъ, заревѣлъ!....

Товарищъ говорить: «его вѣдь, дяденька Иванъ, забрали—насъ обихъ съ нимъ!»

У меня отецъ, видя, что я заплакалъ,—у него изъ глазъ такъ слезы и полились!... да.

Ну что есть, всѣ что были въ избѣ, всѣ заплакали, что есть силы! Жена тутъ пришла, мать-то моя.....

Я ихъ сталъ разговаривать: вѣдь не умирать вы меня собираете.....

VI.

Вологодская я, Пахтусова именемъ, не здѣсь, въ Вологдѣ, родилась, а 230 верстъ, въ Верховожѣ, — посадъ этакой называется. А мужъ здѣшній, природный вологодскій. Безъ малаго 70 лѣтъ мнѣ! Трое у отца, у матери было, двѣ сестры еще кромѣ меня, я старшая была. Стыдно мнѣ ужъ сказывать-то: баловали меня, и я баловала — отецъ съ матерью любили очень. Дралась много и съ подругами, и съ мальчишками, и мальчишекъ била, жаловаться ходили. Родители также, спасибо, не говорили, бывало, что и сзади этакъ, березовою розгой!

Родители наказывали, такъ я мало ходила въ чужіе огороды; у насъ страхъ былъ родителей, — не ломала ничего, не брала, не рвала.

Одинъ разъ маленькую меня оставили съ сестрой, а я сестру оставила и пошла купаться... маленькую одну... подружки созвали. Тятенька приходитъ, ребеночъ реветъ! Тутъ спрашиваетъ: «гдѣ же, говорить?» — «Купаться, говорить, ушла». Ну, онъ взялъ

тоже вицу, да и пришелъ на рѣку; я одѣвалась—поролъ, да и домой-то какъ бѣгомъ бѣжала, онъ чуть мало догонитъ, и хлеснетъ, и хлеснетъ!

Съ годами памяти-то у меня нѣтъ, много похоронила памяти-то, мужъ умеръ, то дѣти умерли—нынче худа память стала. Росла не училась, я лѣнива была, не грамотная. Прежде, въ старину-то, за 70 лѣтъ, въ мѣщанахъ мало у насъ учили.

Бабушка у насъ была — зачну ее цѣловать: «бабушка милая!» скачу у ей... Начнетъ бабушка сказки сказывать. Я съ удовольствіемъ слушала, она иное подолгу сказывала, не по одной, у ней сказокъ такое было собраніе!

Сказки, какъ вамъ сказать, народныя, неученыя, баушка тоже неграмотная была.

Вотъ сказка: «Какъ-то оборотили одну женщину въ рысь, въ рысью шкуру обороты все дѣлали,—вранье вѣдь все это — сказка, такъ сказка и есть. Женщина бѣгала съ рысями; потомъ у ней былъ маленькій ребенокъ—только что ребенокъ захочетъ груди кушать, а его баушка, ея свекровь, выдетъ на дорогу; бѣгутъ рыси, она и говоритъ: рыси, вы рыси, въ которомъ стадѣ младенцева мать. А рыси и говорятъ: въ третьемъ стадѣ за нами бѣжитъ, всѣ горы слезами потопила»... ужъ не знаю какъ тутъ сказано.

«Третье стадо прибѣгаетъ; баушка схватываетъ эту за шкуру, за рысью—вдругъ оказывается женщина. Она держитъ, ребенка подаетъ ей—она и

кормить грудью ребенка. Потомъ приходитъ часъ, она говоритъ: мнѣ пора бѣжать, подайте мнѣ мою шкуру. Схватываетъ шкуру и оборачивается опять рысю въ стадо рысей. Плачетъ ребенокъ, плачетъ и баушка»...

Не навратъ бы вамъ, давно эта сказка-то была, тутъ какъ-то такъ было: «Нашелся такой человѣкъ, который говорилъ, что это можно такъ сдѣлать, что не будетъ она бѣгать съ рысями вмѣстѣ. Когда, говоритъ, прибѣжитъ она ребенка кормить, такъ ты, говоритъ, повѣсти меня, тогда я, говоритъ, съ пей поправлю».

«Это баушка вышла съ ребенкомъ на дорогу и дожидается—скоро ли рыси побѣгутъ, а этотъ человѣкъ дожидается, за кустикомъ сидитъ. Прибѣгаетъ, кормить ребенка и хочетъ бѣжать — онъ схватываетъ ее и держитъ, закликательныя каки-то слова говорить. Она у него въ рукахъ вьется, на всѣ звѣри, на змѣй оборачивается, видъ этакій дѣлаетъ изъ себя, въ собаку или кошку—онъ все держитъ. Наконецъ она оборотилась въ веретено, потомъ онъ взялъ это веретено переломилъ пополамъ: половину передъ себя бросилъ, а половину за себя: передъ нимъ осталась прекрасная женщина, а за нимъ платье груди. Потомъ она беретъ ребенка и платье и отправляется домой. Стала жить-поживать, да добра наживать».

Вотъ вѣдь какія неинтересныя сказки. Много сказокъ-то выдохлись изъ головы—вѣдь и эта не ко-

ротка сказка, долга. У меня книга была сказокъ-то, древняя, я ее въ рынокъ продала, какъ деньги нужны были.

Баушка меня тоже баловала, больше другихъ дѣтей любила меня.

Подросла, на гулянья стала ходить съ барышнями, стали молодые люди ухаживать, только я все обманывала. Дѣвушкѣ молоденькой не всякій нравится. У васъ, у мужчинъ, любятъ въ близкихъ отношеніяхъ, а дѣвицы любятъ поболтать, поговорить, посидѣть, безъ близкихъ отношеній. Замужъ собиралась, такъ какъ же близкія-то отношенія сдѣлать—на какого мужа-то попадешь, всю жизнь укоры будутъ!

Со своимъ-то женихомъ, я вамъ скажу: мнѣ минуло уже 19 лѣтъ, сталъ умъ-отъ немножко побольше. Смотришь, молодые ребята увиваются, все небогатые; думаю: дай-ко я сама приударю за старичкомъ, попокойнѣе жить-то буду. Ему было 47 лѣтъ, а мнѣ минуло 19. Самъ-то по себѣ не старый былъ, такой видный мужчина, было сѣдины, да немного.

Это, вотъ видите, отъ Верховожья 7 верстъ, была фабрика, купца Мартянова, бумажная. На фабрикѣ былъ управляющій 47 лѣтъ, холостой, не женивался, а у меня отецъ машинистомъ былъ на этой фабрикѣ; ну, ходили они другъ къ другѣ въ гости, я и завлекла его и вышла замужъ.

Ну и взялъ меня замужъ безъ приданого: что въ дѣвушкахъ носила, то и принесла. Онъ больше ты-

сячи рублей получалъ — сто рублей въ мѣсяцъ, въ тогдашнее время большія деньги, завидный былъ женихъ, въ нашемъ-то мѣстѣ. Всѣ завидовали; безъ приданого беретъ и такой богатый! Я восемь годовъ десять мѣсяцевъ только съ нимъ жила, пятеро дѣтей накопила; вдовой осталась съ пятью ребятишками-то, старшій-то остался семи лѣтъ. Двадцать рублей только деньгами оставилъ — простой былъ, жалѣлъ своихъ родныхъ, богомольный былъ, Богу много молился, давалъ много, себѣ не оставилъ. Хорошій былъ человѣкъ, смирный, не бранился!

Одинъ разъ только разсердился на меня, только одинъ разъ такъ и разсердился! Стала я разъ пѣсни пѣть. Правду сказать, хотѣла я показать какъ умѣю пѣсни пѣть — старалась. А онъ писалъ, слушаетъ. И пою я — стало ума-то — «что вышла я за старого, да за немилаго и сложила я, такъ въ пѣснѣ-то говорится, всѣ свои красы въ руки дураку» — вѣдь вотъ ума-то палата была!

Онъ слушалъ, да какъ кончила я, и подошелъ: «что это, говорить, за пѣсня такая? Развѣ, говорить, я тебя неволилъ замужъ за меня? Становись, говорить, на колѣни и проси у Бога прощенья за эту пѣсню»... Съ тѣхъ поръ я ужъ не пѣвала пѣсенъ ни худыхъ, ни хорошихъ.

Какъ онъ жениться-то сталъ, хозяинъ Мартыановъ написалъ: «зачѣмъ же вамъ такую бѣдную брать, когда вамъ здѣсь въ городѣ дадутъ съ большимъ приданымъ»... Но только что мужъ покойный не по-

смотрѣлъ на хозяина, а хозяинъ ему за это отказалъ, другого управляющаго послалъ.

Потомъ мы пріѣхали сюда, въ Вологду, ужъ я тяжелая пріѣхала; тамъ съ годъ только выжили, на фабрикъ-то.

Потомъ у его было за купцомъ Мартьяновымъ, онъ этакій былъ экономный, до 5000 руб. денегъ, потому онъ у него лѣтъ 15 жилъ. Не сполна деньги получилъ, у самого Мартьянова дѣла пали.

Пожили мы здѣсь, потомъ поступилъ къ Николаю Ивановичу Скулябину, въ конторщикахъ пожилъ пять лѣтъ. Н. И. умеръ, а жена, какъ этакая женщина скупая была, жалованье зачала сбавлять ему.

Потомъ онъ затосковалъ, семейство стало копиться, а жалованья стала Скулябина мало давать, 15 или 16 рублей—двадцати не давала.

У него сдѣлалось что-то такое въ груди, не стало пищи пропускать. Отъ августа мѣсяца до января боленъ былъ, тутъ умеръ—лѣчили, лѣчили, не могли вылѣчить. Главные доктора здѣшніе не могли ничего сдѣлать. Я за визиты-то платила, просила и въ ноги-то кланялась, со слезами просила: будьте такъ добры, примите участіе—ничего не могла выпросить; много лѣкарствъ переписали, толку-то не было: «пораньше бы, говорить, вздумалъ лѣчиться, какъ почувствовалъ, надобно было».

Скулябинъ мнѣ помогалъ, да Бѣлозерова, ему сноха будетъ, помогала тоже — покойнички тоже теперь. Ребятишекъ-то надо въ классъ отпустить, на-

добна одежда, надо книжечки и ходила къ нимъ, на праздники ходила, а то когда надо ребятамъ одежду сдѣлать, или книгу купить, или кошаники—вотъ они и давали, царствіе небесное!

А я жила по Архангельской дорогѣ, въ пустыни, въ домѣ пустынскаго священника Левитскаго.

Тутъ я восемь лѣтъ хлѣбъ пекла рабочимъ на заводъ кожевенный,—Немирову, купцу Ивану Аонасьевичу. Хлѣба напеку, потомъ за кружева; кормила дѣтей, не пустила по міру; собирать не ходила съ корзинкой, только вотъ по благодѣтелямъ ходила.

Дѣти учиться стали. Старшій сынъ способный былъ: книги, похвальные листы за ученье получалъ. Ну, а потомъ трудно стало, за хлѣбы вѣдь дешево даютъ, такъ съ такимъ семействомъ мнѣ трудно было, а къ благодѣтелямъ часто не пойдешь. Потомъ я отдала его по торговой части, въ училищѣ не кончилъ. Учителя говорятъ: «способный мальчикъ, лучше бы ты пустила его учиться», а у меня средствъ нѣтъ! Ну, я и взяла изъ училища и отдала Павлу Евстафьевичу къ Волкову, ну тутъ и поправилась немного, стало жить-то полегче: въ мальчикахъ пожилъ недолго, сталъ скоро жалованье получать.

Приказчикъ главный съѣлъ его! Онъ все ѣздилъ въ Москву за товаромъ, понималъ, что парень способный, пожалуй, будетъ приказчикъ лучше меня (послѣ-то ужъ я узнала). Сталъ говорить: «Вы, говорить, дурачье, здѣсь живете, здѣсь хозяева, гово-

ритъ, паршивые, а какъ въ Москвѣ-то, такъ тамъ лопатами деньги гребутъ». Такъ раскрасилъ Москву-то, такими красками, что мой сынъ захотѣлъ въ Москву ѣхать; какъ ни уговаривала, не могла уговорить. «Василій Александровичъ говорить, что тамъ хорошо, а здѣсь, вишь, худо!» вотъ онъ и польстился на Москву, въ Москву и уѣхалъ.

Въ Москвѣ ему не посчастливило, жилъ плохо, но торговой тоже части. Стала я писать ему: «пріѣзжай, ужъ сама какъ-нибудь тебѣ мѣсто схлопочу!» Потомъ онъ выѣхалъ оттуда: я того же П. А. Бѣлозерова зачала просить, онъ былъ при городскомъ банкѣ директоромъ, не будетъ ли мѣстечка въ банкѣ? Побранилъ меня, все-таки мѣсто далъ—онъ писалъ хорошо; какія, какія бумаги, такъ все Васильюшко мой писалъ.

Потомъ простудился, тифъ схватилъ, попивалъ тоже водку, гулялъ—здѣсь еще не нюхалъ, какъ уѣхалъ—гдѣ же какъ не въ Москвѣ научился!

Другой сынъ худенько учился, тоже отдала по торговой части. 14 лѣтъ жилъ, тоже померъ; этотъ умеръ чахоткою, отъ простуды—скоротечная!

Три дочки было: одна семи лѣтъ умерла, одна двадцати трехъ лѣтъ, а другая-то вотъ замужъ выдана была за троицкаго, за игрушечника. Онъ отъ Троицы, изъ Лавры, родиной-то. Сюда пріѣзжалъ съ игрушками на ярманку, на Крещенскую. Глушицкой, знакомый намъ былъ, и говорить ему: «что вы, говорить, вдовѣте, опять не женитесь»—онъ вдовый

былъ—а зять-то и сказалъ: «давай невѣсту, Иванъ Алексѣвичъ!»

Потомъ Глушицкой домой приходитъ и говоритъ женѣ: «Катя, говорить, Трегубовъ невѣсту просить, какую бы, говорить, невѣсту ему дать?»—А она и говоритъ: «а вотъ, говорить, вмѣстѣ-то гостили! У Пахтусовой, говорить, двѣ дочери такія скромныя дѣвицы, поди-ко сватай?»

Вотъ сосватали у Стрѣтеньева дни и дочка моя была сосватана 10 мѣсяцевъ! Подарки посылалъ и писалъ, всякую недѣлю переписка была. Народъ-отъ меня все сбивали и нивѣсть что говорили: «это, говорили, онъ, значить, не возьметъ: ужъ эстоль-ко времени, ужъ все лѣто прошло, а онъ не бывалъ!»

Я лѣтомъ-то и говорю дочери: Маша, кончи переписку, говорятъ народъ, что онъ обманетъ насъ. А дочь мнѣ и говоритъ: «вѣдь, маменька, онъ къ намъ не ходитъ, безчестья не принесъ, только подарки посылаетъ; когда справится, тогда и пріѣдетъ». Я махнула рукой, не стала и говорить: ну, дѣлай, какъ хочешь!

Ну и пріѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, тутъ и свадьба была. Онъ замѣшкался: ихъ два брата, такъ у нихъ у Троицы домъ былъ—домъ они продали, ну и по ярманкамъ ѣздилъ.

Нашелъ онъ, что въ Харьковѣ хорошо торговать. Какъ женимся, говорить, туда поѣдемъ вести торговлю. Вотъ и живутъ 17 лѣтъ. Дѣтушекъ, внучекъ

моихъ было четверо—примерли всѣ. Живутъ ничего, не то что богачи, а сыты, ведетъ торговлю.

Харьковъ городъ обширный, не больше нашего, только торговый городъ, четыре ярманки тамъ: Крещенска, Троицка, Успенска и Покровска. Приѣзжаютъ туда на ярманки изъ Москвы, даже изъ Нижняго Новгорода купцы.

Я ѣздила туда жить, да свекровь у нихъ московка, старуха бойкая: полгода жила — два медвѣдя въ одной берлогѣ не лежатъ—назадъ приѣхала и стала я хлопотать въ богадѣльню. Года полтора хлопотала — не скоро вѣдь тоже попадешь! Мало умираютъ въ богадѣльнѣ у насъ, какъ нарочно не умирали старухи-то, а полный комплектъ былъ.

Вотъ и живу въ богадѣльнѣ, заработка небольшая, копейки по двѣ въ день, на кружевахъ. Да дочь посылаетъ на чай, на Рождество, да на Пасху—на своемъ-то ремеслѣ, на кружевѣ—по 4 копейки за аршинъ продаю—не пропитаться чайкомъ...

ФОТОГРАФИЯ ШЕРРЪ, НАБОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

VII.

Монахъ, о. Варлаамъ.

Въ 1834 году я родился, Вологодской губерніи Кадниковскаго уѣзда, приходѣ Дядилевы горы—горы потому, что каждая деревня на отдѣльной горшкѣ.

Деревня самая Городище называется. Отъ отца остался я двухлѣтній, отецъ былъ на казенной работѣ, въ Кронштадтѣ—дорогой его, говорятъ, убили изъ интересу; съ нимъ товарищи шли, хотѣли оброкъ даромъ заработать—тѣ шли безъ денегъ, а онъ, говорятъ, деньги имѣлъ — такъ это скрытно осталось. Старуха одна, изъ того мѣста была, надо мной плакала, что я сиротой остался; говорила, что платье его признавали—кто будетъ разыскивать, какіе розыски!

— Я остался не одинъ все-таки: мать осталась и сестра—эта и родилась, какъ онъ ушелъ въ работу, только она его же была, не то что какая сторонняя—родная сестра.

Былъ дядя родной — не сталъ насъ держать; мы въ келейкѣ и жили, по-деревенски такъ называется,

отдѣльная избушка. Матушка кормила своими трудами: лѣтомъ въ работницахъ жила, а зимой милостыню собирала.

Съ нами жила въ келейкѣ-то еще одна старушка вдова, съ сыномъ, такъ пятеро и жили, кое-какъ и дровъ доставали. Мы жили тутъ въ келейкѣ-то долго.

Лѣтъ съ пяти подростать сталъ, прясть сталъ, лапти плести сталъ, всевозможные, всякихъ сортовъ, четверики, и пятерики, и шестерики; четверикъ-то простъ, эти и теперь еще сплету; изъ 5-ти-то лыкъ съ петлей эти помудренѣе. Ступни называемые—тѣ ужъ лыкъ изъ десяти, изъ двѣнадцати; потомъ всевозможныя корзины плелъ. Пестери всевозможныя плелъ, даже калоши разъ глубокія сплелъ изъ бересты. А прясть и теперь что угодно спряду. Пояски ткалъ и вышивалъ, по-деревенски, узоры—у меня въ деревнѣ развивалось все само по себѣ, что увижу, то и дѣлаю.

Потомъ я сталъ побольше—лѣтъ 9, думаю, былъ—мать меня отдала въ няньки, возиться съ дѣтьми и за это, за лѣто, поряжала пудъ муки. Въ первомъ мѣстѣ очень недобрые были хозяева, бить не били—а пожалуй, что-то въ рсдѣ того, притѣсняли—я сталъ плакать и перешелъ въ другое мѣсто.

Тутъ лѣто прожилъ, хозяйка тоже не добра была, такъ старикъ свекоръ ея хорошъ. Это ужъ въ чужой губерніи, въ Новгородской. Потомъ еще три лѣта жилъ этимъ же промысломъ. На второе лѣто 1½ пуда

муки дали, а на 3-ье — 2 ли, больше ли, ужъ не знаю; до 3-хъ, можетъ до 4-хъ доходило — четыре лѣта жилъ.

А по зимамъ пряли и за милостыней ходилъ. У насъ по избамъ ходять, добрые люди принимаютъ ночевать, обласкають иногда.

Усердіе у меня смолоду было къ церкви, ходилъ праздники къ утрени и къ обѣдни; грамотѣ не былъ я ученъ съ малолѣтства, но отвѣчалъ въ церкви за понамаря, подавалъ кадило, звонилъ—любилъ!

Я замѣтилъ, какъ кто въ черномъ, изъ духовенства, такъ я ужъ и бѣгалъ за нимъ, меня это занимало.

Ужъ тогда священники и въ другіе приходы приглашали, на праздники, за понамаря, «Горскимъ понамаремъ» звали—приходъ-то «Горскій». — Благочинный говорилъ: Варламушка, приходи на освященіе или на крестоподнятіе, гдѣ тамъ...

Въ приходѣ была помѣщица одна, Голикова, Катерина Васильевна; она любила меня, я у ей коровъ пасъ, пастухомъ былъ не одинъ годъ у ей, да въ другой деревнѣ лѣто. Когда у ихъ свой скотникъ пасъ—у ихъ каждый годъ медвѣдь коровушку дралъ, а у меня ни одной не съѣлъ, въ мое время.

Вотъ, въ одинъ прекрасный день, прихожу въ воскресенье послѣ обѣдни въ лѣсъ, нахожу по слѣду коровъ и продолжаю дальше ихъ идти; прихожу на берегъ рѣчки, гдѣ вырубленъ лѣсъ, а подъ гору видно—медвѣдь слышалъ шумъ коровъ и подбирался

къ нимъ—издалека видно идетъ по пожнѣ, въ низкомъ мѣстѣ, за рѣчкой. Я зашумѣлъ, закричалъ—онѣ близко не подошелъ, отворотилъ, а я, испугаясь, поскорѣй коровъ и угналъ дальше; а это время подходило къ осени, они вѣдь къ осени-то сердитѣе бываютъ. Послѣ того я уже коровъ однѣхъ и въ воскресенье не оставлялъ.

Между прочимъ въ лѣсѣ нерѣдко съ усердіемъ плакалъ и молился, чтобы Богъ меня отъ медвѣдя сохранилъ. Въ лѣсу ягоды собиралъ, лыко дралъ, корзинки плелъ, лапти, бывало...

Когда пастухомъ былъ, ѣхалъ такъ по деревнѣ верхомъ и выскочила внезапно собака — я неосторожно сидѣлъ, упалъ и до полусмерти убился—это понятно, гололедица была! Больше полудня лежалъ; никто не подходитъ, боялись чего бы то ни было—и родственникъ, дядя, былъ, да кому охота! Глядятъ въ окошко, говорятъ: мертвый лежить! Особенно въ деревнѣ, въ глухомъ мѣстѣ, бѣда — засудятъ, когда безъ власти, безъ начальства подойдешь къ мертвому тѣлу — засудятъ! Къ вечеру я всталъ, ну, конечно, хворалъ, это потрясло порядкомъ.

Лѣтъ 15-ти, въ Тотемскій монастырь—отъ насъ не близко, верстъ около 200—ходилъ, конечно съ чувствомъ благоговѣнія. Ходилъ въ Кирилло-Бѣлозерскій, Новоезерскій, ходилъ съ женщинами какъ со своимъ братомъ — прежде вѣдь не такъ развивались, особенно какъ призваніе было религіозное.

Въ деревняхъ нравственно въ то время было, я

и понятія ни о чемъ этакомъ не имѣлъ до 20—23 лѣтъ. Я ходилъ въ лѣсахъ за ягодами, за грибами съ дѣвцами, какъ съ собою...

Въ Тихвинѣ и въ Новгородѣ ходилъ, къ Варлаамѣ Хутынскомъ былъ.

Тутъ сейчасъ послѣ этого—лѣтъ было 16-17—къ Соловецкимъ пошелъ, скопилось у меня денегъ полтора рубли—плелъ то вотъ кое-что, продавалъ, платили тоже по чемъ съ пасмы—по копейкѣ—дешево вѣдь было.

Ходятъ у насъ въ Соловецкій-то такъ, а у меня страсть была, своя мысль это пришла: въ Соловецкъ отправился съ тѣмъ, чтобы мнѣ не возвратиться, въ умѣ это имѣлъ, думаю, пашпортъ-то я брошу — билетъ тоже данъ былъ отъ общества—скажу, что не знаю откуда, такъ намѣренье-то было.

Отъ насъ отъ дома болѣе 500 верстъ: мимо Каргополя на Онегу; тогда и не было пароходовъ, на ладьяхъ плавали туда.

Въ деревняхъ ночевалъ, молодъ былъ, рано вставалъ, всѣхъ обгоню, старухъ и стариковъ, а потомъ просплю, утромъ-то опять назади и остаюсь. Христовымъ именемъ шелъ, деньги за перевозки—даромъ-то не повезутъ.

Качка на морѣ была большая. Въ Соловецкѣ долго не держать — 2-ое или 3-ое сутокъ. Пробылъ трои сутки — мысль другая явилась, отдумалъ я и возвратился, покорился, думаю, буди воля Господня; тамъ можетъ и помѣщикъ спустить, мысль оставилъ бросить пашпортъ.

Въ Соловкахъ старики и старухи спорятъ, ссорятся—ночевали да чѣмъ другъ друга обидѣли или милостыню не подѣлили — а я въ сторону, чувства такія были невинныя, врожденныя, не то чтобы съ хитростью—святое было время.

— Потомъ опять ужъ въ работники нанялся, на лѣто, и 3 лѣта былъ работникомъ.

Тогда подошло вѣдъ ужъ мнѣ 20 лѣтъ, а меня добрые родственники въ ратники приготовили, какъ бы съ рукъ сбыть — ну и повели въ ратники. Ну, товарищи всѣ впередъ бѣгутъ, по матушкѣ ругаются, а я этихъ выраженіевъ не любилъ—взади или впереди отъ нихъ, все падо мною и смѣялись, говорить: набѣгаешься тамъ.

Въ ратники меня не приняли, ужъ воля Божья, никакой защиты мнѣ человѣческой не было, а принимали и уродовъ и 40 и 50 лѣтъ брали, меня не приняли. Послѣ ратниковъ опять рекрутскій наборъ былъ, меня опять въ рекрутскій наборъ потащили; старуха мать провожаетъ, плачетъ, а я все не унывалъ, а именно такъ и думалъ: какъ Богу угодно будетъ: если нужно будетъ, тамъ буду!

Идя вотъ мимо здѣшняго мѣста, въ часовнѣ, не помню ужъ старый или молодой человѣкъ былъ, сказалъ: поклонись, говорить, угодникамъ нашимъ, они спасутъ тебя. Зимой было — я поклонился и опять догналъ своихъ товарищей, въ городъ и пришелъ; а двоюродный братъ былъ староста, онъ меня какъ приготовленную жертву и велъ, чтобы съ рукъ сбыть.

Ну, когда меня на мѣру поставили — я былъ ладенъ, зароконъ никакихъ не было, но худощавенькій молодой человѣкъ. У меня сердце не тужило; я думаю: въ солдатахъ могу денщикомъ быть. «Негодень», говорятъ, а по какимъ причинамъ — неизвѣстно. А эти старосты такъ и ахнули, они радехоньки были сбыть меня.

Потомъ я пошелъ домой; встрѣчающіе мнѣ говорили: вѣрно у тебя отецъ богатый, откупилъ отъ солдатства, а я на это отвѣчалъ, что отецъ мой Богъ, онъ откупилъ меня.

— По возвращеніи моемъ помѣщица Голикова просила меня, чтобы я изъявилъ желаніе сѣздить въ Петербургъ, со сборною книгой для храма, такъ какъ приходъ его 150 душъ и она просила моего помѣщика, чтобы онъ меня уволилъ. Я какъ дѣвочка былъ, безъ усовъ, безъ бороды, простота была какъ дѣтская. Господинъ годовой пашпортъ далъ — тогда отправился на Рыбинскъ въ Петербургъ, имѣлъ письмо туда.

Сначала остановился, помню, что на Сѣнной, въ домѣ Вяземскаго, въ грязныхъ простыхъ квартирахъ; помню, что все какъ шалаши, все простолюдины жили, разный набродъ. Потомъ разрѣшеніе книги послѣдовало, на 3 мѣсяца, а это время было весна, я вскорѣ простудился и заболѣлъ оспой. Ну она была, такъ, не опасна, меня не отпустили въ больницу, оставили на квартирѣ, все-таки продолжительное время болѣзнь была.

Было и опасно, но я другому книгу отдавалъ, чтобы она даромъ не лежала—попроще прежде было. Потомъ я скорѣе выздоровѣлъ и нашелъ квартиру безплатную, на Фонтанкѣ, домъ Жукова, съ балкономъ висячимъ—отъ Голиковыхъ бывшая крѣпостная жила, прачешное заведеніе имѣла.

Ходя по сбору по Петербургу и близъ Смольнаго, встрѣтилъ полковницу Фанъ-дерь-Флитъ, урожденную Максимову, она жила во вдовьемъ домѣ въ Смольномъ. На улицѣ спросила: откуда—такой молодой на улицѣ съ книгой, вѣдь не всякому повѣрять—и пригласила къ себѣ, во вдовій домъ. Приняла, угостила чаемъ и дала рекомендательныя письма—она первая путеводительница была, съ ней и началось у меня.

Дала она письмо мнѣ просительное къ сенаторшѣ Берниковой, которая жила въ Семеновскомъ полку, съ сыномъ военнымъ, Сергѣемъ Александрычемъ. Берникова Надежда Сергѣевна приняла меня какъ родного, она для меня какъ мать была; просто говорить: Варламушка, ты будь какъ дома—славная старуха, къ ней мужчины прѣзжали за совѣтомъ—у ней послѣ и останавливался.

Другой разъ къ Берниковой слуги не скоро допускали: «да подожди, да посиди, не время, есть вашего брата», а она какъ мать родная: съ ней и кофей пью и выйдемъ на балконъ, солдаты учатся; сынъ-то ротнымъ былъ, ему товарищи смѣются—онъ придетъ, матери говоритъ: вонъ, мамаша, надо мной

что говорятъ, вонъ у тебя дѣвочка или монашенка въ домѣ!—я какъ дѣвочка былъ.

По прежнему окладу получала она 600 руб. пенсіи, то она много не могла отъ себя пожертвовать, но изъявила спить нѣсколько вещей церковныхъ, для бѣдной-то церкви, своихъ трудовъ, и послѣ дала рекомендательное письмо къ адмиральшѣ Вальрондѣ, Лизаветѣ Филатьевнѣ—хорошая старуха была—такъ и пошло какъ по лѣстницѣ!

Вальрондѣ тоже вѣрующая особа была, осталась знакома на нѣсколько лѣтъ—всѣ эти были знакомыя до кончины.

Когда рубль, когда два дадутъ, рекомендаціи даютъ. А она познакомила съ Еленой Петровной Матафтиной—она здѣшняя, Вологодская. Она приняла и нѣсколько пожертвовала, тоже немного; и завтракать ходилъ и обѣдать ходилъ, никакого дома я никогда не заживалъ.

Бывало, что городовые спрашивали не бродяга ли? Всѣмъ удивительно, что мальчишка—ну, увидятъ, что все правильно.

Началось мое знакомство съ Петербургомъ. Близъ Обуховой больницы, переѣзжаю я Фонтанку на лодкѣ, встрѣтилась одна госпожа, довольно приличная—помню, что она жила на Большой Мѣщанской на канаву домъ—пригласила къ себѣ за пожертвованіемъ. Приходя туда, сидѣлъ и конца нѣтъ сколько времени; а тутъ, придя, помню, что молодой человекъ пришелъ—она вдова или дѣвица—такъ занялись они,

я же при чемъ и долженъ возвратиться, ни добра, ни худа... «барство-то хуже понамарства».

Семейство полковника Комарова, которые близко знакомы съ моимъ бариномъ Шипиловымъ—они меня съ нимъ и познакомили. Леонидъ Павловичъ Шипиловъ квартировалъ въ Малой Итальянской. Я отправился къ барину, полковница написала письмо: «Вашъ папаша вотъ отпустилъ за сборомъ»... Онъ принялъ меня какъ близкаго знакомаго, обладалъ, расцѣловалъ меня, это я помню, и съ большимъ удивленіемъ, какъ мнѣ довѣрили, такому молодому человѣку, книгу и какъ я могъ познакомиться съ большими домами, сенаторами. — Я говорю: Богъ послалъ!—Я былъ въ длинной свиткѣ, на головѣ простая шапка — онъ точно удивлялся этому!

Леонидъ Павловичъ объяснилъ мнѣ, что папаша скончался въ Вологдѣ и сдѣлалъ пожертвованіе, за упокой папашы, рублей 10. .

Вѣдь я всего-то набралъ руб. 150! Ну, вещей, евангелія, серебряныя ризы, священническое облаченіе—это встрѣтилась, у Казанскаго собора, купчиха одна, она повела меня въ лавку и купила парчу на священническое облаченіе, помню, что зеленого цвѣта, и имени не сказала.

Сказали мнѣ купца, богатаго, Кудрявцева, что онъ жертвуетъ вещи серебряныя, только не иначе жертвуетъ: письмо чтобы было просительное отъ священника. Написалъ я письмо, чтобы священникъ прислалъ на имя купца. Съ письмомъ я отправился

къ купцу—онъ и пожертвовалъ евангеліе, серебряное, довольно не маленькаго размѣра.

Когда я сталъ собираться въ Москву, полковница Фанъ-дербъ-Флитъ дала рекомендательное письмо къ Дмитрію Николаевичу Монческулу—онъ Харьковскій уроженецъ, а грекъ, мать молдаванка была.

Этотъ полковникъ извѣстность получилъ своимъ страннопріимствомъ; а въ 48 году холера была въ Москвѣ и въ его квартирѣ прославилась икона Божіей Матери, Спорушницы грѣшныхъ. И онъ принялъ меня какъ родного, не спрашивая у меня ничего, «а поживи, Варламушка, я тебя не оставлю».

Петербургъ мнѣ проще Москвы тогда былъ и гостепріимнѣе и навсегда остался—я по губерніямъ-то былъ, такъ въ грязи повалялся — Петербургъ для меня отецъ и мать. Московская одна говоритъ мнѣ: ты свѣтскій монахъ, потому что Петербургъ любишь, Петербургъ—помойная яма!—А я отвѣчалъ: у васъ на дворѣ помойная яма, а не въ Петербургѣ.

Конецъ пришелъ моей сборной книгѣ: отправили по почтѣ какія собраны были деньги и книги и вещи, а полковникъ выпросилъ мнѣ отъ барина годовой пашпортъ, другой, и жилъ я нѣсколько—годъ ли, какъ ли, при храмѣ этомъ, Никола въ Хамовникахъ; икона-то эта тутъ и есть, извѣстная, прославленная, Спорушницы — имъ пожертвована такъ навсегда и осталась.

Этотъ полковникъ скончался 103-хъ лѣтъ. Онъ прежде служилъ при Аракчеевѣ, а послѣ при по-

селеніяхъ въ Новгородской губерніи; жена-то отъ испугу и умерла—эти бунтовали-то какъ, на квартиру, что ли, напали на его, не помню что-то!

Потомъ онъ служилъ у Воронина, по откупу, принималъ всѣхъ странныхъ, монашествующихъ, которые иногда пьяные, бывало, и его колотили — онъ все сносилъ, онъ дивный мужъ былъ! Онъ помнить, когда Воронинъ-то нищимъ мальчикомъ у цѣловальника прислуживалъ при кабацѣ, такъ я со словъ слыхалъ.

Нижегородской губерніи былъ помѣщикъ Каратаевъ, Иванъ Яковлевичъ, а его жена была больная и она получила исцѣленіе черезъ Дмитрія Николаевича отъ Спорупиницы — онъ вѣдь чудеса дѣлалъ — они, въ знакъ благодарности, его хотѣли успокоить старость, устроить ему домикъ въ родѣ скита ли, что ли, въ усадьбѣ; кругомъ заборъ, садикъ небольшой.

Его пригласили туда; онъ меня съ собой взялъ, онъ взялъ копию съ чудотворной иконы съ собой и тамъ онъ прославился благодѣянiami и чудесами; народу страсть тамъ повалило. Одного священника при моихъ глазахъ привели, онъ порченый былъ — тамъ много вѣдь въ Нижнемъ, есть колдуны, старовѣры — а Дмитрій Николаевичъ только руку на лобъ положилъ, говорить: «можно его исцѣлить, только на меня власти возстанутъ, а я даю вамъ совѣтъ и отъ иконы благодатное масло». Въ Москвѣ-то икона Мироточивая, такъ на вату миро-то сымали и съ масломъ отъ лампы отъ этой же иконы.

Совѣтъ далъ ванныя дѣлать и чтобы священники участвовали, но не пьющіе, и черезъ 6 недѣль этотъ священникъ былъ здоровъ. А прежде отъ него вонь страшная, даже отворачивались.

Нѣкоторыя женщины приходили, что еле-еле душа въ тѣлѣ, что чуть жива. Одна женщина приходила, рассказывала ему, что ее по ночамъ духи щипали, была худая какъ тѣнь—онъ далъ благодатное масло, надѣлъ на нее крестъ и послѣ, черезъ нѣсколько времени, она пришла, такъ я ее не узналъ, совершенно здоровая!

Потомъ одна женщина приходила, такъ у ней весь хлѣбъ въ амбарѣ въ черви превратили—тамъ много колдуновъ въ Нижегородской губерніи, чародѣевъ—опять же дали благодатное масло, помазали имъ, окропили святою водою и все въ свое положеніе пришло.

Онъ денегъ не бралъ, свои раздавалъ. «У насъ, говорить, не понимаютъ людей, можно изъ развратнаго да сдѣлать хорошаго; вы не умѣете, говорить, цѣнить людей: вы низшее сословіе крестьянъ въ грошъ не ставите, а кто содержитъ государство?»—Онъ говорить, ученый какой-то съ нимъ спорилъ: какой такой Богъ—природа все создала; онъ отвѣчалъ: природа въ юбкѣ или въ штанахъ ходить, а природу, любезный, Богъ создалъ, говорить, Онъ и управляетъ природой—тому нечего было отвѣтить.

Я съ нимъ какъ служба и какъ сынъ былъ. У насъ слуга еще былъ. Давно что онъ меня встрѣтилъ: «иди со мной, я тебя не оставлю».

Москва чтить его, памятникъ ему новый соорудили! Въ благородномъ кружкѣ святошей не прикидывался, съ просьбами не надоѣдалъ.

Это мѣсто, по ненависти, намъ пришлось оставить: помѣщику наклеветали, вотъ, что много ходять, не было бы безпорядковъ, «изъ воробушка сдѣлали коровушку» — онъ взбалмошный былъ, она умнѣе была — намъ нужно было разлучиться; онъ меня на время отпустилъ на родину, а самъ въ Москву уѣхалъ.

Я къ матери старухѣ отпущенъ былъ, она думала, что я пропасть; и пришелъ домой, крестьяне меня обратно не отпускали, подушину плати! У меня земли-то не было, съ меня можно было и не брать, но имъ нельзя задержать, потому что у меня отъ барина пашпортъ, меня баринъ отпустилъ, и послѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я отправился въ Москву, обратно; я отдалъ подушины, полковникъ мнѣ далъ на дорогу и матери послалъ. Крестьяне бранились: дуракъ, бродяга, потомъ все — таки отпустили съ миромъ.

Мать-то, конечно, плакала, жалѣла, ну, я все-таки на то напиралъ, «что я все-таки не оставлю тебя». А послѣ ужъ мать пришла сюда, въ Вологду, потому что сестра, ея дочь, была выдана въ 12 верстахъ отъ Вологды. А мать я познакомилъ въ Вологдѣ съ нѣкоторыми личностями добродѣтельными.

По возвращеніи въ Москву отправилъ меня полковникъ въ Петербургъ, хлопотать объ увольненіи отъ господина.

Въ мысляхъ было уже, чтобы мнѣ совершенно поступить въ монашество. Пока еще отъ полковника не хотѣлъ уходить и онъ-то не хотѣлъ—вѣдь у него такая же жизнь, какъ и монашеская, подъ его руководствомъ, сохрани Богъ!

Барина ужъ и прежде просилъ и самъ лично полковникъ, и княжна Ашкеева, Авдотья Николаевна — эта Тамбовская, изъ татаръ, хорошая старуха была, умерла въ монашествѣ. Мнѣ нужно было хлопотать потому, что имѣніе было заложено въ опекуномъ совѣтѣ, а увольненіе нужно было получить изъ гражданской палаты, деньги нужно было внести, немного, 40 руб. Тогда былъ управляющій въ опекуномъ совѣтѣ Фарсандо: по рекомендаціи Матафтиной меня скоро принялъ, получилъ деньги, выдалъ квитанцію, а увольнительную бумагу-то нужно было въ гражданской палатѣ—тутъ меня долго таскали, не выдавали. Я не понималъ, а они желали взять отъ меня.—Говорятъ, завтра приди, послѣзавтра приди, ужъ вѣдь не говорили, что деньги нужно, неловко! Я самъ вижу, что тутъ и конца дѣлу не будетъ. Говорятъ, не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей, мнѣ сказали, что тутъ одинъ сидѣлъ и рука ужъ подготовлена была, но нашлись добрые люди, что не нужна была взятка; генеральша Квитская сама со мной поѣхала и сейчасъ должны были выдать мнѣ бумагу. Послѣ смѣялись, что ничего не получили да сдѣлали—прежде не дѣлалось безъ денегъ.

Послѣ этого навѣстилъ я всѣхъ старыхъ знако-

мыхъ и отправился въ Москву, съ бумагой, съ увольненіемъ на всѣ четыре стороны. Я поѣхалъ съ полковникомъ въ Орловскую губернію, Карачевскій уѣздъ, имѣніе Макаровыхъ. Тамъ отдѣльный флигель намъ былъ при церкви, то же самое, какъ и въ Нижнемъ: пріѣзжали разные господа, съ разными болѣзнями—ну, многіе получали пользу отъ различныхъ недуговъ.

Тутъ онъ меня заставилъ, ужъ 22-хъ лѣтъ, поучиться; конечно, ученость не большая, плохо поучился. Онъ впередъ мнѣ сказалъ, что ты будешь казначеемъ, надо тебѣ поучиться—что послѣ и сбылось.

Былъ молодой человѣкъ, студентъ, кончалъ богословіе—онъ мной занимался нѣсколько времени. Ну, я послѣ къ этому студенту привязался, что скучалъ безъ него, не могъ безъ него чай пить, не идетъ, такъ бѣгаю ишу.

Городъ Карачъ въ 25 верстахъ отъ насъ, и отсюда часто къ намъ пріѣзжали; нерѣдко и я тамъ бывалъ, посылали за чѣмъ-нибудь.

Нѣкоторые полковника и ругали ханжой, святошей называли, поносили.

Этотъ студентъ, который меня училъ-то; началъ одной больной противъ говорить: притворяешься ты, что ли, ты не больная... Она ему и начала говорить въ припадкѣ: а ты помнишь бѣгалъ за такой-то женщиной, помнишь то, другое?... Полковникъ-то говорить: ты, братъ, замолчи-ка лучше, а то—онъ въ ней признавалъ—духъ все расскажетъ о тебѣ...

Вѣра его дивная была: ничего, говорить больному, не беспокойтесь, это пройдетъ, только велѣлъ, полковникъ-то, заставлялъ духа въ ней или въ немъ сказать: кто испортилъ, когда этотъ человѣкъ жилъ, который испортилъ-то, на 40 обѣденъ о здоровіи подавать, а если же этотъ человѣкъ померъ, который испортилъ-то, то за упокой его; больному-то или кто съ нимъ приходилъ и говорить: вы вотъ сдѣлайте то и то, милостыни подавать приказывалъ, ванны съ масломъ благодатнымъ отъ иконы. Когда въ припадкѣ—приведутъ вѣдь больного иногда и ногъ не переставляетъ—такъ положить такъ на лобъ руку, и узнаетъ, спросить давно ли боленъ, а потомъ ужъ и опять спрашиваетъ—духъ отвѣтитъ, когда онъ вошелъ въ человѣка, черезъ пищу, или впущенъ, или какъ-то по воздуху, вихорь вошелъ, не благословясь вышелъ—больше на свадьбахъ порчи-то дѣлали и на мужчинъ, и на женщинъ.

Вдругъ такое рассказываютъ, что мужчина послѣ свадьбы или вообще (у молодыхъ людей бываетъ) безсиленъ, ну, онъ и тутъ совѣты тоже давалъ. Знаю, что травъ никакихъ не давалъ, а вотъ ванну съ миромъ и отъ лампы масло—сго колдуномъ называли, а у него ничего не было, ванны, однѣ ванны, ванны, съ благодатью!

Другіе думали, что онъ страшный богачъ—когда тайно, и оставлять, сунуть пакетикъ какой, онъ и то бѣднымъ раздаетъ, а ну если которые пристають, такъ скажетъ: ну, если хотите, такъ на масло, для лампы.

Ну, и здѣсь намъ не пришлось долго прожить и пріатели стали дѣлаться врагами. Помѣщикъ хотѣлъ, чтобы полковникъ вступался въ крестьянскія дѣла: тутъ былъ въ родѣ писаря, такъ чтобъ смотрѣть за нимъ—а его куда это касается? Онъ не считалъ ворами никого, а всѣхъ добрыми людьми, или смотрѣлъ, что причина заставляетъ: или жалованья не платять, или семейство велико—хлѣба пудъ лишній издерживаетъ, не велика бѣда!

И помѣщикомъ присланъ былъ изъ Москвы полякъ, хитрый человѣкъ. Онъ противъ полковника и началъ козни устроить; а у сосѣда Балкашина были двѣ барышни, которыя къ этому управляющему расположены сдѣлались. Противъ полковника начали придумывать разные штуки: меня, какъ молодого человѣка, начали называть женщиной—будто бы женщина въ мужскомъ платьѣ! А старикъ до того безстрастенъ былъ, говорилъ все прямо молодымъ людямъ и женщинамъ, не стѣсняясь. И отсюда намъ должно было выхвать. Многіе жалѣли, провожали. Полковникъ отправился въ Москву, а меня отпустилъ въ Задонскъ, было открытіе мощей Тихона Святителя.

Тамъ архимандритъ былъ изъ дворянъ, бывшій казначей Троицкой лавры, близкій знакомый полковнику, и онъ писалъ письмо, просилъ, чтобы онъ меня принялъ на нѣсколько времени.

На открытіи мощей чудесъ много, исцѣленій—въ виду, кричали тогда, говорили—вѣдь носкомъ носили тогда больныхъ-то!

Послѣ я пріѣхалъ на торжество — тысячи-тысячи людей вѣдь тамъ было, конечно, было не до меня. Впослѣдствіи я помѣстился у архимандрита въ корпусѣ и жилъ до того времени, пока полковникъ мнѣ не напишетъ изъ Москвы письмо. А между прочимъ я ходилъ въ это время въ Воронежъ, къ Митрофанію Воронежскому и Петропавловскую пустынь.

По полученіи письма я долженъ воротиться пѣшкомъ въ Москву; останавливался въ городѣ Ельцѣ. Тутъ встрѣтился со странниками не совсѣмъ нравственными — увлекали меня не на хорошія дѣла плотскія. Пригласила одна особа, купчиха — Богъ ее знаетъ — ночевать, насъ двое. Странникъ не простой, а изъ благородныхъ — трое женщинъ было... Какъ въ клещахъ, такъ не долго сплеховать, зажатіе тоже было — ночью дѣваться некуда... Послѣ я вижу, что дѣло не ладно — на другой день ушелъ, къ старцу ходилъ, къ затворнику, рассказывать какіе случаи бываютъ, каялся: такъ и такъ — снялъ онъ грѣхъ! Потомъ изъ города я направленіе къ Москвѣ — одинъ, тутъ, все одинъ.

Въ одно селеніе прихожу вечеромъ, одѣтъ чистенько былъ, за плечами сумка — вижу, что за мной слѣдитъ человѣкъ; ночевать я не согласился тутъ, опасно: одинъ или три дома, на полѣ. Пройду эту деревушку — за мной слѣдитъ этотъ человѣкъ, далеко; а пришелъ вечеръ ужъ, темно; я въ ту сторону перейду да въ другую, онъ все гнался за мной — дорога большая — думаетъ вѣдь и деньги есть, а

у меня какой-нибудь рубль былъ! Я вижу, что мнѣ угрожаетъ опасность—къ счастью моему, догналъ я обозъ съ товарами и съ ними дошелъ до селенія и спросилъ нѣтъ ли здѣсь добраго человѣка. Мнѣ показали на священника, что онъ любитъ странныхъ, ну я у его и переночевалъ благополучно и отправился въ путь и спокойно дошелъ до Москвы.

Полковнику я каялся — онъ заставилъ поклоны класть, эпителию. Онъ потомъ опять на службу поступилъ—этакъ ужъ 75 (лѣтъ) былъ—смотрителемъ одной богадѣльни, на Покровкѣ, и тутъ его стали притѣснять, что онъ очень добрый, къ старухамъ и старикамъ, а съ начальствомъ не дѣлился. По окончаніи этой службы, онъ перешелъ на Ярославскую желѣзную дорогу и до кончины жизни служилъ. А мои обстоятельства заставили уже съ нимъ разстаться, я уже искреннее изъявилъ (желаніе) въ монашество.

Меня хотя Дмитрій Николаевичъ къ этому и готовилъ, но въ это время неохотно меня отпустилъ, разстались мы не дружески. Не помню изъ-за чего вышла какая-то непріятность, я и задумалъ отъ него совѣмъ. Онъ очень горячъ былъ, очень, очень: готовъ исколотить—грекъ по природѣ—забѣгаетъ, ростомъ маленькій такой—вскорѣ же опять какъ родной сдѣлается, отхожъ былъ и никогда не поминаетъ прежняго.—Что такое ужъ я сдѣлалъ, онъ ругать сталъ, горячиться на меня, ну, а я ужъ чувствовалъ, что поздно, долженъ же я уйти, сказалъ, что не хочу

жить у него. Съ непріятностью отпустилъ. Что-то далъ немного на дорогу-то, а средствъ все-таки не было; одному купцу дѣлалъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ вѣнокъ для креста—онъ мнѣ далъ 25 рублей.

Я съ этими деньгами и отправился въ Вологду, должно быть, что лѣшкомъ. Повидался съ матерью своею старухой, а изъ Вологды, на пароходѣ, въ Соловецкѣ направленіе имѣлъ, поѣхалъ.

Въ Архангельскѣ остановился, имѣлъ нѣсколько семействъ знакомствъ, имѣлъ письмо изъ Вологды.

Въ Соловецкѣ поѣхалъ съ намѣреніемъ, чтобы тамъ остаться, но я, пробывши нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлалъ два вѣнка для крестовъ, искусственныхъ цвѣтовъ; къ черной работѣ я не бывши привыченъ, поэтому меня намѣстникъ не согласился принять. Тамъ всякая работа, тамъ и кузнецы и слесаря, рыбныя ловли большія, хлѣбонашества одного нѣтъ. Я и возвратился въ Архангельскъ.

Бывши въ Архангельскѣ, я познакомился съ настоятелемъ Верховольской пустыни—праведный Артемій тамъ, угодникъ—онъ мнѣ сказалъ: «не смѣю я васъ пригласить къ себѣ, а напишите вы мнѣ изъ Петербурга, какъ ваше мнѣніе».

Я видѣлъ, что люди дѣлаютъ цвѣты, мнѣ и хотѣлось на родину послать и хотѣлось самому мнѣ сдѣлать. Одно семейство изъявило желаніе мнѣ показать и пригласило меня къ себѣ въ домъ. Я съ перваго же дня показалъ свое усердіе и способность и научился скорѣ.

Я намѣреніе возымѣлъ ѣхать въ Петербургъ, а изъ Петербурга на Аеонъ.

Лишняго у меня не было и послѣднее продалъ, оставилъ себѣ пары 2 бѣлья; скопилъ рублей 30 не съ большимъ—можетъ кто прибавилъ, ужъ не помню. Бывши я въ одномъ домѣ, въ уѣздномъ училищѣ, у смотрителя, и въ это время приходитъ съ почтоваго двора человекъ и просить меня, что приглашаютъ меня 2 англичанина спутникомъ, въ Петербургъ, на почтовыхъ. Я рассчиталъ, такъ какъ люди чужіе, иностранцы, что мнѣ нужно платить за одну лошадь, прогонные. Прихожу я къ нимъ, одинъ изъ нихъ говоритъ немножко по-русски, другой совсѣмъ плохо. Яковъ Адамовичъ Томсень гсворилъ немного, а другой, Гендригсень—нѣтъ.

Они привозили въ Соловецкіе пароходы машину, конечно привозили водою, а назадъ ужъ они лошадьми. «Ну что, твой хочеть съ нами ѣхать?» — они такъ и говорятъ. Ну, я также выражался: мой хочеть. Ну, я рассчитывалъ такъ, что мнѣ съ чернымъ хлѣбомъ ѣхать, денегъ мало, только-только за одну лошадь заплатить.

Потомъ согласились, поѣхали. Помню, что 8 сентября было; должно быть въ 63 — 4 годахъ. — На первой же станціи: «Твой что кушать будетъ? по вашему, говоритъ, *среда* сегодня?» А я рассчитывалъ хлѣбъ съ солью ѣсть, только, да квасъ, а они покупаютъ мнѣ свѣжей рыбы и дѣлають обѣдъ настоящій! А въ скоромные дни я полюбилъ

очень ихъ англійскій сыръ. Они въ скоромные дни и молоко и, что мнѣ угодно было, покупали и всю дорогу поили и кормили меня, какъ родного, и чаемъ, и кофеями, и чѣмъ только возможно.

Тарантасъ былъ проходной, не особенно большой, они сидѣли въ рядѣ, а я съ кучеромъ. Когда они спятъ, а другой разъ и я задремлю на козлахъ. Въ одну ночь не спали—и по ночамъ ѣхали—я не дремалъ, ну, они заснули; какіе-то верхомъ съ оружіемъ нагоняли насъ, я видѣлъ хорошо, должно быть съ намѣреніемъ было—я ихъ разбудилъ, они вынули ружья и благополучно мы пріѣхали въ Петербургъ.

Первоначально я остановился у Томсена. пока тамъ разыщу моихъ знакомыхъ; съ недѣлю я продолжалъ у его жить. Прислуга у ихъ была русская, у прислуги столъ былъ очень хорошій и постный, такъ что часто въ постные дни сладкій супъ.

Копейки не взялъ съ меня—даромъ вѣдь привезли, оказали такую милость, какъ родному!

Тутъ я разыскалъ всѣхъ знакомыхъ прежнихъ, и жилъ безъ мала годъ въ Петербургѣ. Дѣлалъ искусственные цвѣты и разныя свои работы, и мнѣ другіе знакомые дали, и я сдѣлалъ въ своемъ кружкѣ лотерею искусственныхъ работъ, не публичную, а какъ бываютъ домашнія лотереи, чтобы собрать на дорогу, на Аѳонъ.

Съ работой въ рукахъ, саквояжемъ, ходилъ по знакомымъ, и былъ принятъ часто въ одномъ молодомъ семействѣ—мужъ и жена—изъ образованнаго

кружка.—Ну, эта барыня мужа за носъ водила; она въ свое время была красавица, я ее зналъ послѣ окончанія института, а мужъ молодой человѣкъ малороссъ, очень доброй души человѣкъ. Онъ меня любилъ, какъ родного; ему понадобилось ѣхать, по имѣнью, въ Рязанскую губернію.

Случилось то, что еще при емъ барыня мнѣ въ окно показывала молодого человѣка, какъ онъ верхомъ скачетъ мимо окна: смотри, какой хорошенькій! А когда уѣхалъ мужъ въ имѣнье, тогда ужъ онъ домашнимъ человѣкомъ тутъ появился. Ну, я вижу мнѣ тутъ неудобно жить — послѣ мужъ скажетъ, что же мнѣ не написалъ—ну, я свои работы собралъ и отправился на Черную рѣчку, на дачу къ моему знакомому, и тамъ разыгралъ лотерею моихъ работъ. Билетовъ 200 было на 150 рублей; выиграли разное, кому что досталось, деньги получены раньше были.

Ну, возвратился къ этому господину, слышалъ, что онъ пріѣхалъ — а онъ пріѣхалъ, его извѣстилъ свой поваръ, въ какомъ положеніи домъ и жена. Онъ пріѣхалъ утромъ въ 8 часовъ, по черному ходу, сорвалъ дверь съ крючка и захватилъ на мѣстѣ преступленія, какъ говорится. Молодой человѣкъ выскочилъ по парадному ходу, въ чемъ былъ, просто въ бѣльѣ.

Тутъ большая сцена была. Послѣ они начали опять вмѣстѣ жить, этотъ мужъ съ женой и разошлись.

Онъ мнѣ рассказываетъ про жену; вотъ, гово-

рить, что у меня! А я говорю: я вижу, что дѣло неладно, я уѣхалъ, мнѣ нечего дѣлать другого.— Послѣ ихъ жисть кончилась ничѣмъ, она въ домѣ умалишенныхъ; я съ ней знакомъ ужъ не былъ, а слухами, поведенія худого была: кое-что покрадывала, жила ужъ со многими, кого-то ударила—тутъ ее и засадили! А онъ продолжалъ службу, только ужъ не коронную; онъ служилъ у Строгановой, графини, въ попечительствѣ, ну, и числился камеръ-юнкеромъ при дворѣ. Красивый молодой человѣкъ былъ добрый, очень добрый!

Я и написалъ настоятелю Верховольской пустыни, что я намѣренъ ѣхать на Аѳонъ. А онъ мнѣ пишетъ про отдаленную свою пустынь, какъ она далеко: отъ Пинеги 180 верстъ, отъ Архангельска 400. Ну, онъ описываетъ, что тамъ непроходимыя мѣста, олень дорожки протопталъ—хоть оно неправильно, но, чтобъ завлечь меня; я и думаю, чѣмъ искать въ чужихъ краяхъ уединенія и пустыни, я вижу, что у насъ тоже пустыня и въ Россіи. Вотъ и отправился я въ Архангельскъ, проѣзжая Москву и Вологду. Своихъ имѣлъ денегъ 150 рублей, и въ монастырь собралъ 100 рублей, добрые люди подавали. Изъ Вологды на пароходѣ въ Архангельскъ.

Ну, пріѣхалъ въ обитель, проѣзжая, правда, трудный путь, лѣсъ и селенія, лѣсъ верстъ по 15 по 20, а близъ монастыря оказалось селеніе недалеко, не одна деревня, а приходъ!

Это съ перваго начала мнѣ не понравилось, что меня

обманули: простота, никакой строгости, и дорогу протоптали не олени, а люди разного рода. Я рѣзко говорилъ это настоятелю. Я не считалъ себя лучше другихъ, но, видя себя въ дуракахъ поставленнымъ, часто не соглашался съ ихними мнѣніями—пустынь и деревня рядомъ, значить и все рядомъ, тѣ же грѣхи! Какъ же не обманъ: пишутъ, что олень протопталъ дороги, чтобы больше было жертвы, а вышло не монашеское дѣло—это все равно, что насиліемъ деньги требовать!

Монастырь, правда, не богатый, онъ возобновленъ, онъ старинный. Тамъ старовѣры, кругомъ монастыря, только въ церковь не ходили, а старовѣрки-то пожалуй придуть и въ келью на угощенье.

Приняли меня, конечно, ласково, хоть и не съ большимъ пріѣхаль—хоть и небольшія деньги 100 рублей, да можетъ быть на полтора-два вещей.—Черезъ три мѣсяца меня пріуказили и въ малый постригъ постригли, а черезъ полгода отправили въ Петербургъ за сборомъ. Монахъ былъ—ряска и камилавка, а безъ мантии, все равно, какъ юнкеръ, а не офицеръ.

Должно быть насъ двое было, товарища мнѣ дали, изъ зырянъ. Имѣлъ я своихъ знакомыхъ, и рекомендательныя письма отъ настоятеля были—тогда ужъ со всѣми большими познакомился, съ Шереметьевымъ и съ Потаповымъ. Съ Шереметьевымъ познакомили Ланскіе, а съ Ланскимъ Потапова, а у Потаповой встрѣчался часто съ Арсеніемъ, покойнымъ митрополитомъ Кіевскимъ, вмѣстѣ чай пили.

Потапова меня познакомила, послала письмо къ Ланскимъ, а Ланскіе, пара то, за мной лакея прислали и назначили день, когда быть мнѣ у Шереметьева.

Я приходя къ Шереметьеву на парадное крыльцо—ужь меня принимаютъ, какъ знакомаго—Сергѣй Дмитріевичъ очень былъ внимателенъ ко мнѣ, и сама графиня. Предложили мнѣ завтракъ и предупредили: «батюшка, у насъ не безпокойся, великій постъ, все постное»; правда, на миндальномъ маслѣ, да на разномъ другомъ—отлично, просто пальчики обсосешь.

Сдѣлали нѣсколько пожертвованій деньгами—кажется, 25 цѣлковыхъ—ризы изъ своихъ же старинныхъ матерій (прежнія драпри были), салфетки, большія скатерти и вытканы съ гербами графскими и буквами — все хорошіе были. А у молодого графа была старушка нянюшка, какая-то въ родѣ благородной была, только не простая, я часто къ ней когда пообѣдать ходилъ и она отъ себя жертвовала, имѣла вѣдь подарки большіе.

Но я графа просилъ, чтобы встрѣтить пасху у него въ церкви, первый - то день. Церковь очень тѣсная, но богатая; священникъ былъ тогда уже временной, а прежде былъ постоянный—это ужь экономію стала наблюдать вторая-то жена.

— Ну, мнѣ позволили быть: хоша я былъ простымъ монахомъ, но мнѣ позволили стоять въ алтарѣ; въ церкви даже прислуги не было, все были высшій кругъ. Крестный ходъ былъ кругомъ по комна-

тамъ; «Христосъ воскресъ» пѣли въ залѣ, въ которой въ 2 яруса окна. Шестъ большихъ люстръ, даже кажется не двѣнадцать ли, мнѣ помнится? Потому это нѣсколько канделябръ, тоже съ огнемъ, цвѣтами убраны!

Около 2-хъ часовъ кончилась вся церемонія, а разговляться меня ужъ приглашали Засѣцкіе, вмѣстѣ съ семействомъ. Я у тѣхъ квартировалъ, тѣ какъ родные были.

Послѣ, на святой недѣлѣ, возвратившись, Потапова — она была чахоточная особа, больная, ей доктора посовѣтовали, пока ледъ не прошелъ, уѣхать въ Москву — я пошелъ ее благодарить за рекомендацію и поздравить съ праздникомъ. Въ 11 часовъ утра на четвертый день праздника, приходя туда, тамъ множество посѣтителей, выжидая, когда генеральша выйдетъ.

Она вышла, съ близкими со всѣми похристосовалась; нѣкоторыхъ близкихъ, какъ Трубецкихъ, пригласила въ гостиную, въ числѣ ихъ и меня. Поданъ былъ самоваръ, серебряный самоваръ, сама въ гостиную и разливала; познакомила меня съ близкими ея знакомыми, и общала нѣсколько дать рекомендательныхъ писемъ. Нѣкоторые разошлись, она меня еще оставила у себя.

Нѣсколько спустя времени, приходитъ лакей и говорить: Ваше превосходительство, митрополитъ Арсеній пріѣхалъ.

Я встаю — она говорить: «батюшка, вы не беспокойте-

тесъ». — Ну, я чувствую то, что долженъ я выйти, встрѣтить митрополита—въ залѣ мы встрѣтили его, обратно въ ту же гостиную возвратились. Онъ сѣлъ на диванъ, а я сбоку въ креслахъ.

Митрополитъ былъ внимателенъ ко мнѣ: спросилъ откуда, что такое, зачѣмъ въ Петербургѣ—я объяснилъ, что я по сбору. Ну, кончилась бесѣда; митрополитъ уѣхалъ, распрощались; Катерина Васильевна сдѣлала отъ себя пожертвованіе и дала нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

Она вліятельная и внимательная была особа. Вотъ она познакомила съ княгиней Оболенской, ну, и съ покойной Потемкиной, и у той я бывалъ при обѣднѣ, и завтракалъ. Ну, и такъ мой сборъ былъ удаченъ въ Петербургѣ, я вещами и деньгами довольно для обители собралъ. Деньгами 1200, да оловянной посуды рублей на 300, это ужъ заказывалъ на свои деньги, для трапезы. Облаченья паръ до 10 разно-го. Это все я отправилъ, деньги по почтѣ, а вещи опять случаи были, съ тамошними Архангельскими купцами.

Тогда я познакомился съ дворцомъ Николая Николаевича, сначала командиромъ Бергманъ, потомъ съ адъютантомъ его и фрейлиной Бартеневой. Бартенева книгу мою представила Великой Княгинѣ, хотя я самъ не былъ. В. К. деньгами немного пожертвовали, но 2 евангелія, 2 мѣстныхъ иконы: одну Апостола Петра и Никола Качанъ, на одной, а другую Царицы Александры.

— Тутъ я заболѣлъ, простудился, да разныя болѣзни скопились, тѣ и другія... Не виню никого...

.....
..... попалъ въ больницу, незавидную, Невской лавры.—Ну, узнавши знакомые, многіе начали прѣзжать и жалѣли, что я въ плохой больницѣ. А особенно жалѣла фрейлина Бартеньева, что могла бы я помочь, въ лучшую больницу положить; но, несмотря на все, все-таки докторъ мнѣ помогъ, я поправился черезъ нѣсколько недѣль.

А несмотря на мои болѣзни, настоятель монастыря не дозволилъ мнѣ возвратиться—на другой годъ прислалъ мнѣ книгу и пашпортъ. Послѣ еще я продолжалъ сборъ въ Петербургъ и Москвѣ, а больше Петербургъ, впрочемъ и Москвѣ. Второй годъ собралъ не меньше этого, больше, думаю.

По возвращеніи двухлѣтняго пребыванія, возвратился въ Верховльскую пустынь. Нѣсколько лѣтъ тамъ прожилъ, посылали опять за сборомъ. Черезъ два года въ мантию постригли: вмѣсто Василья—Варнаву—въ малый—то постригъ, я былъ названъ Василій.

Читалъ въ церкви неусыпаемый псалтырь, извѣстные часы, шестипсалмие читалъ, занимался ризницею, отчасти поправлялъ которую. Порядки были обыкновенные, какъ въ другихъ монастыряхъ, особенной строгости отъ другихъ не было отличія—коли тайно что бываетъ, то неизвѣстно каждому. Военная дисциплина, какъ строго, а что бываетъ!

Я и самъ многіе недостатки имѣлъ, въ постоянной отлучкѣ отъ монастыря... Три или четыре раза я былъ въ Петербургѣ, изъ Верхольской пустыни, въ продолженіе 11 лѣтъ; были грѣхи разнаго рода, были и плотскія увлеченія—что отъ людей утаишь, то отъ Бога не скроешь! Монастырю-то было хорошо, доставлялъ средства, а для меня, для души моей, не полезно!

Раньше игуменъ соглашался отпустить меня на Аѳонъ побывать, а я хотѣлъ-то—намѣреніе-то тайное было—остаться, но не пришлось. Я отослалъ сборныя деньги и вещи всѣ.

— Ну, онъ писалъ, что деньги получены, но вещи не всѣ—вещи вѣдь съ попутчикомъ, такъ скоро не придутъ—не отпускалъ!

Но у меня была добрая знакомая, бывшая жена губернатора Архангельскаго, Варвара Ивановна Арандаренко, въ Москвѣ; она въ хорошемъ отношеніи была съ архіереемъ покойнымъ Наеанаиломъ Архангельскимъ. И она велѣла мнѣ написать настоятелю, что если онъ не пришлетъ мнѣ пашпортъ, то она архіерея попроситъ. Послѣ этого настоятель скоро прислалъ мнѣ пашпортъ. Это было въ 71 году, постомъ, на страстной недѣлѣ. А мнѣ хотѣлось, прежде, чтобъ на пасху быть въ Іерусалимѣ, но я опоздалъ. Послѣ святой я отправился изъ Москвы въ Кіевъ.

Бывши въ Петербургѣ и одна старуха, княгиня Мадатова—это извѣстная была—обѣщала мнѣ дать 25 рублей на путешествіе на Аѳонъ, но, когда я

собрался поѣхать, у ей украли шкатулку съ деньгами—ну, она тогда не могла дать, что обѣщала, дала менѣе, дала еще мнѣ письмо Андрею Николаевичу Муравьеву, онъ ей долженъ былъ. Онъ жилъ въ Кіевѣ тогда, свой домъ имѣлъ.

Пріѣзжаю я къ нему и, конечно, остановился въ лаврѣ—я съ нимъ и раньше встрѣчался у Шереметьевыхъ, у Миллеровъ, онъ вездѣ бывалъ—передаю письмо отъ княгини Мадатовой, будто и не знаю, что писано: вотъ, ваше превосходительство, письмо отъ Е. С.—Онъ ушелъ въ другую комнату; прочитавши письмо, выходитъ: извините, говорить, я не могу исполнить — я раскланялся; извините, ваше превосходительство, что васъ беспокоилъ!

Отправился въ лавру, тамъ пробылъ недѣлю и поѣхалъ въ Одессу; денегъ у меня было рублей 500—бываетъ о сборѣ, что и подарки дѣлали и свои полтора ста въ числѣ этихъ были: одной знакомой во-логодской по нуждѣ были даны, казенный процентъ она тутъ прикопила.

Въ Кіевѣ пробылъ недолго, первый разъ былъ въ Кіевской лаврѣ. Особеннаго такого выразительнаго тамъ не случилось.

Ну, въ Одессу, въ Одессѣ опять ничего; тамъ ужъ въ Одессѣ заграничный-то пашпортъ выправилъ, да тамъ отъ Одессы Черное море, Константинополь; въ третьемъ классѣ, конечно, съ общими путешественниками.

Въ Константинополь я приставалъ на подворьѣ

Аѳонскомъ. По городу ходилъ я много и одинъ. Помню, что мечеть турецкая, двѣнадцать апостоловъ, храмъ былъ русскій, православный—заставили бо-
сымъ ходить, безъ сапогъ. Турка встрѣтился, который по-русски говорить, былъ у насъ въ плѣну въ 54 году, что ли. Турки сидятъ и табакъ курятъ. Видѣлъ, какъ султану кланяются: до земли, да въ лобъ, къ губамъ—около дворца онъ выходилъ, по-
томъ поѣхалъ въ мечеть, какую-то, въ Софійскую или какую тамъ?

Послѣ того вѣдь въ Салоники, тамъ по рус-
скимъ храмамъ ходилъ. Тамъ Дмитрія Солунскаго храмъ—мечеть тоже теперь—гдѣ мощи Дмитрія бы-
ли, тамъ просто мѣсто, грязный уголь, показываютъ турки.

На пароходъ сѣли, пріѣхали на Аѳонъ. Ну, при-
стали тутъ къ берегу къ Пантелеймонскому монасты-
рю, встрѣтили тамъ свои братья монахи. Я не бывши
еще іеромонахомъ, а просто монахомъ, а одѣтъ
былъ прилично: ну, а тамъ, какъ оказалось, встрѣ-
чаютъ по одеждѣ; у меня довольно приличный былъ
съ собой чемоданъ, съ бѣльемъ и платьемъ. Меня
помѣстили внутри монастыря, и не на гостинной,
наружѣ.

Тутъ встрѣтилось еще нѣсколько русскихъ па-
ломниковъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ игуменъ, и
насъ нѣсколько сутокъ водили обѣдать на «Фандо-
рикъ», гдѣ лучше столъ, изъ нѣсколькихъ кушаній,
подавался—тутъ и свѣтскіе люди были побогаче.

Ну, проживши нѣсколько сутокъ въ обители, но тамъ повели насъ по прочимъ монастырямъ—тамъ все тропки да дорожки. Въ каждомъ монастырѣ встрѣчали: раки подавали по рюмкѣ, заѣдать вареньемъ и водой, потому крѣпко очень. Въ каждой обители дѣлали по возможности пожертвованія. Въ продолженіе этого путешествія приходилось въ нѣкоторыхъ обителяхъ и ночевать.

Изъ всѣхъ обителей мнѣ болѣе понравился Молдаванскій скитъ, на мой взглядъ братья казались гостепріимнѣе и проще нашихъ, русскихъ и греческихъ. Молдаваны благодарны Россіи за сборъ—они были въ Россіи, такъ благодарятъ царя и православный русскій народъ.

Русскіе тамъ: Пантелеймонскій большой монастырь, Андреевскій большой, Ильинскій скитъ и много келіютовъ, на кельяхъ, живутъ по нѣсколько человѣкъ, и имѣютъ при себѣ церковь.

— Славится богатствомъ лавра Петра Аѳонскаго, греческая, ну, тамъ монахи всѣ эти здоровые, къ русскимъ не совсѣмъ внимательны.

Богатый монастырь Иверскій и Карея—это въ родѣ городка, тутъ у нихъ у всѣхъ подворья, отъ всѣхъ почти монастырей, тутъ и купцы живутъ, безъ женъ, торгуютъ всякой всячиной.

Потомъ, когда по возвращеніи изъ монастырей въ эту же обитель—а мы ходили тамъ скоро, разсматривать некогда, вѣдь артель водятъ—мое намѣреніе было разсмотрѣть и остаться гдѣ бы то ни было, у

келіотовъ. Я сталъ намѣренъ одинъ походить по монастырямъ и келіотамъ, ну, а мнѣ говорятъ, что у насъ безъ благословенія нельзя—тутъ такіе въ Русскіѣ-то, весь свѣтъ обошли, на деньгахъ помѣшались—ну, а я отвѣчаю, «что я къ вамъ не подѣ начало посланъ, куда хочу, туда и пойду!»

Когда желаешь купить, спросишь у нихъ просфору, то говорятъ: у насъ продажныхъ нѣтъ—значить, чтобъ больше денегъ взять—ну, а я просто въ умѣ думаю, что меня тоже не надутъ, что я не простой странникъ, свѣтской—ихъ обдуютъ, ну, а я за-пиралъ свой №, ходилъ свободно по монастырямъ и келіотамъ.

Тамъ святогоръ одинъ писалъ, что и птицы гнѣзда не вьютъ—вѣдь не правда же: птицы есть, и змѣй вѣдь не было бы, а они есть! Много змѣевъ видѣлъ я, слава Богу, не повредили, а черепахи стадами ходятъ, другъ за другомъ, смѣшныя такія.

Вотъ пришелъ я близъ Кареи къ одному старцу, на келью: русскій іеромонахъ, имя ужъ не помню, Мортирій, кажется. Захватилъ я у ихъ обѣдню, онъ имѣетъ нѣсколько послушниковъ, послѣ обѣдни пригласили на обѣдъ меня. У нихъ церковь и келья окружены кругомъ орѣшникомъ, а чай пить ужъ на чистый воздухъ, въ орѣшникѣ; а для охраненія отъ змѣевъ они имѣютъ многихъ кошекъ—змѣй боится кошки, если слышитъ, такъ и растягается—змѣй страсть!

Этотъ старецъ пригласилъ меня и у себя остано-

ся, но у меня намѣреніе хоть я имѣлъ остаться, но чтобы проще и уединеннѣе келья. Келіоты называются двухъ сортовъ: одни «калибы», которые не имѣютъ церквей, а только одинъ или два живутъ въ маленькой келейкѣ; калибовъ называютъ «сѣромашки»: они, какъ нищіе, на праздникъ приходятъ въ монастыри, помолятся, поспятъ и съ собой имъ даютъ.

У келіотовъ, которые много виноградниковъ имѣютъ, или вотъ орѣшникъ, доходъ, церковь есть, но служба не часто, оттого, что для кого служить-то? Они хоть выпрашиваютъ изъ Россіи деньги, да народу-то нѣтъ. Которые купятъ на 1000 рублей мѣсто и живутъ господиномъ, чернорабочій народъ нанимаютъ на работы, а своихъ на сборъ посылаютъ—матушка Россія всѣхъ питаетъ.

Когда, обошедши многіе монастыри, возвратился опять въ Руссикъ и, между прочимъ, нанялъ себѣ уединенную келью — одинъ безграмотный монахъ, русскій, архангельскій даже, у его маленькая церковь.

Это мѣсто совсѣмъ въ лѣсу, въ полугорѣ, церковь въ честь Казанской Божьей Матери, недалеко эта мѣстность отъ Ильинскаго скита. Далъ я ему 2 золотыхъ и мѣсяца 2 прожилъ тутъ. Письмо получилъ я изъ Россіи, на имя Андреевскаго скита.

Вообще мнѣ не понравилась здѣшняя жизнь; хоша письма я получалъ безденежныя, а чуть коснись интереса—тутъ не безъ грѣха, могутъ и не передать—ищи, свищи, находишься, и не глядятъ даже!

Ну, и въ этомъ скиту на меня косо стали смотрѣть, русскіе все же, что не остался въ этомъ скиту, а ушелъ на келью.

Я выписалъ одного и товарища къ себѣ изъ Россіи, который занимается живописью, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ я задумалъ обратно въ Россію. Русскій такой человѣкъ, правильно ли это—какже тамъ кадятъ полтора часа, каждому человѣку кадятъ; поютъ «Благослови, душе моя, Господа» полтора часа. У всѣхъ у нихъ мѣсто сидѣть, отдѣльное: когда сидѣть, когда полусидѣть, стоять, а послѣ шестипсалмія въ каѳизмѣ сидятъ—такъ сидятъ, что ихъ ходить и будятъ! А клирошане ходятъ на Фандорикъ подкрѣпляться. Поученія долгія, а у служащаго комнатка за алтаремъ, гдѣ онъ и отдыхаетъ. Не мысленно, чтобы, какъ здѣсь говорятъ объ Аѳонѣ—книга есть—по 12 часовъ стояли, а даже есть праздники по 17 часовъ идетъ служба—дремлютъ. А вѣроятно богомольцы въ коридорахъ и поспятъ.

Вино у нихъ вездѣ свое, у нихъ вино вмѣсто воды—если мнѣ выпить ту порцію, что полагается вмѣсто квасу, то охмѣлитъ! Красное вино у нихъ за вино не считается. Вода хорошая, много воды, кельи всѣ больше при ручьяхъ—изъ горъ все хорошая вода бѣжитъ. Собираютъ они въ Россіи много, много подворій и всѣ богаты.

Когда я задумалъ въ Россію, ну, въ Русскіѣ, въ томъ же, опять меня ласково приняли и въ дорогу снабдили чѣмъ слѣдуетъ.

Потомъ опять въ Константинополь, оттуда въ Одессу. Въ Одессѣ-карантинъ держали.

Ѣздилъ еще въ Корсунскій монастырь, въ Таврическую губернію, все съ тою цѣлью, что хотѣлось мнѣ на югѣ остаться жить, теплый климатъ все-таки нравился, фрукты люблю—я все съ молодыхъ лѣтъ мечталъ объ югѣ, да объ Аѳонѣ!

Въ Корсунѣ тоже не совмѣстился духомъ—не расположенъ духъ мой былъ остаться. А всему этому причина была, неудачи этой, что не остался-то нигдѣ—молитва матери: жила мать около Вологды въ селеніи, у зятя, а зять и сестра моя въ одну недѣлю померли—холера была небольшая—и осталось трое дѣтей, три дѣвочки и одна другой меньше, меньшая трехъ лѣтъ. Я переписки съ ними не имѣлъ, а сердце покою не имѣло: куда ни приѣду, и принимали и оставляли—не принимаетъ духъ, и все сердце ныло. Теперь я и понялъ, что это молитва матери дѣйствовала, она плакала съ сиротами.

— Я приѣхалъ въ Москву, и звоню у моей знакомой Арандаренко—отпираетъ прислуга; ну, барыня сидитъ кофей кушаетъ и кричитъ, кто тамъ?—А я отвѣчаю: старая, молчи!—Она отвѣчаетъ: А! что я говорила, уѣдешь, приѣдешь!—А я говорю: соскучился о тебѣ—это моя была благодѣтельница, рѣдкая особа была. Ну, и пошелъ разговоръ объ Аѳонѣ.

Несмотря, что я приѣхалъ въ Россію, на сѣверъ еще не ѣду, а поѣхалъ въ Петербургъ. Прихожу въ одно близкое семейство, генералъ малороссъ, а жена

гречанка—ну, и спрашиваютъ: какъ Аeonъ? почему я не остался? — А я прямо говорю: простите меня, греки не понравились—ну, на отвѣтъ мой сказали: хорошо сдѣлалъ, что воротился.

Потомъ я изъ Петербурга отправился въ Псковъ въ Печерскій монастырь, тамъ былъ пріятель мнѣ, настоятель—ну, и тутъ я не рѣшился остаться.

Вотъ, когда я пріѣхалъ въ Вологду—сейчасъ мнѣ и передали, что мать скучаетъ и молится, чтобы я воротился—теперь я и убѣдился, что молитва матери меня воротила.

Сиротъ я, двухъ, опредѣлилъ въ женскій монастырь, въ Вологдѣ, продалъ, что у нихъ тамъ было, домишко плохой, хлѣба 18 четвертей, въ монастырь съ ими же и деньги 450 рублей, за каждую по 150 рублей.

А послѣ этого, опять таки уѣхалъ я въ Архангельскъ, въ Верховольскую пустынь; одну племянницу убогую, и мать то я привезъ въ монастырь, на скотный дворъ; ну и проживши года 3 тутъ, старуха стала скучать о тѣхъ внучкахъ, а больная стала ужъ подрастать. Я и задумалъ, чтобы ихъ соединить всѣхъ троихъ въ одинъ монастырь, и самому перейти поближе къ нимъ.

Старушка была строптива, часто и настоятелю правду говорила, что услышитъ, то и валяетъ ему, нипочемъ, ну, для меня это было очень сомнительно.

Ну, игуменъ не хотѣлъ меня отпускать, я говорилъ, что ихъ провожу, а самъ въ умѣ-то совсѣмъ

собрался. Изъ-за интересу не хотѣлъ меня отпускать, потому что ѣздилъ по сбору. Нѣкоторымъ говорилъ, что цѣль имѣлъ совсѣмъ не воротиться, а игуменъ надѣялся, что онъ меня задержать, по бумагамъ, а вышло иначе.

Болѣе причина къ выходу, что завела непріятность къ настоятелю — мало ли и у святыхъ бываетъ непріятность! Именно, вотъ непріятность изъ-за чего: покойная Мадатова прислала на имя мое 25 рублей денегъ, а такъ какъ городъ за 185 верстъ и привозили письма разсылные, въ сумкѣ, на имя настоятеля—онъ, получивши въ числѣ прочихъ писемъ и мое письмо съ деньгами, съ 25 рублями — я повѣстку-то подписывалъ, такъ зналъ, что оно будетъ, зналъ, что письмо и деньги присланы мнѣ — а настоятель получилъ и написалъ сбоку: «деньги куда знаете», и прислалъ мнѣ письмо и 5 рублей денегъ, изъ числа этихъ. Ну, я, прочитавши письмо, вижу, что присланы деньги всѣ мнѣ, я, не вытерпѣвъ этого поступка, пошелъ къ настоятелю въ разгоряченномъ духѣ, и говорю: для чего вы мнѣ написали своей рукой поддѣльно?

Черезъ это у меня завелась непріятность, и длилась нѣсколько времени. Послѣ онъ хоша деньги мнѣ и отдалъ—которыхъ я по правдѣ не очень хотѣлъ имѣть, не такая крайность—а все-таки у меня осталось впечатлѣніе непріятности; до весны дожидъ я, просилъ его дослать билетъ изъ Архангельска, чтобы онъ не подумалъ, что я буду жаловаться. Онъ

на это согласился, а я собрался совсѣмъ, что могъ съ собой захватить, даже койку довезъ на карбасѣ до Архангельска, только Распятіе оставилъ—аршина три крестъ-то!

Когда я отправился въ Вологду и, пріѣхавши, устроилъ свои дѣлишки, для чего пріѣхалъ и познакомился съ викарнымъ архиреемъ, въ Пр. . . мъ монастырѣ, преосвященнымъ Варлаамомъ, который изъявилъ желаніе, по моей просьбѣ, меня взять.

Такъ какъ монастырь хотя и древній, онъ во многомъ нуждался,—я не успѣлъ еще поступить, а на 2 недѣли успѣлъ съѣздить въ Петербургъ. Привезъ часть деньгами, облаченья и вышитыхъ ковровъ для монастыря, а между прочимъ, ужъ бумага отослана была въ Архангельскъ, чтобъ меня уволили, перевели въ Пр. . . кій монастырь.

Тамошній настоятель медлилъ, не относился на вопросъ своей консисторіи, нѣтъ ли препятствія; а консисторія дожидала нѣсколько времени и уволила меня совсѣмъ. Черезъ годъ посвятили меня въ іеродіаконы, а черезъ другой въ іеромонахи. Потомъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ быть казначеемъ и, между прочимъ, опять нерѣдко посылали меня за сборомъ.

Бывалъ внизъ по Волгѣ до самаго Саратова, а всего въ продолженіе сборовъ проѣхалъ съ лишнимъ 30 губернскихъ городовъ!..

к о н е ц ъ.

Цѣна 1 руб.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

**This book is due on the date indicated below, or at the
expiration of a definite period after the date of borrowing**

891.7V585

R7

JUN 23 1947

Digitized by Google

